

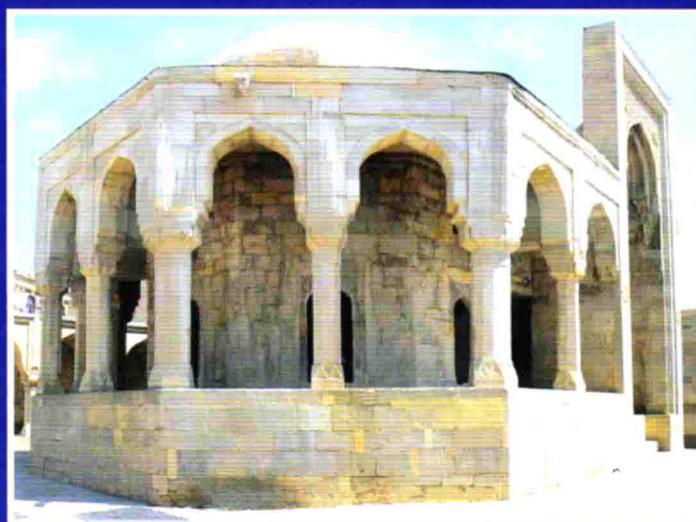

INTERNATIONAL INSTITUTE
FOR CENTRAL ASIAN STUDIES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

BULLETIN of IICAS
Volume 18, 2013

ВЕСТНИК МИЦАИ
Выпуск 18, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Э.Б. Брайт

Мобильность в государствах-оазисах Центральной Азии: Археологические факты по античному Хорезму 3

Б.Э. Аманбаева, А.Т. Сулайманова

Археологическое наследие Кыргызстана: исследование и сохранение 26

М.Д. Калменов

Объекты строительного производства городища Жайык 37

М.-Ш. Кдырниязов

Урбанистическая цивилизация средневекового Хорезма 46

Т.М. Достиев

Художественные костяные изделия Азербайджана IX-XV вв. 59

О.С. Никулина

«Искусство Руси и Восток»: Неопубликованная рукопись Л.И. Ремпеля в архиве Государственного Музея Востока 78

КОНФЕРЕНЦИИ

Международная научная конференция «Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути» 101

Субрегиональная встреча по проекту ЮНЕСКО / Японского Трастового Фонда 107

Презентация научных изданий МИЦАИ 109

ИНФОРМАЦИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЦАИ

16-я Сессия Научного Совета МИЦАИ 111

10-я Сессия Генеральной Ассамблеи МИЦАИ 117

ПУБЛИКАЦИИ МИЦАИ

120

CONTENTS

<i>E.B. Brite</i>	
Mobility in the Central Asian Oasis States: Archaeological Evidence from Antique Khorezm	3
<i>B.E. Amanbayeva, A.T. Sulaymanova</i>	
Archaeological heritage of Kyrgyzstan: research and conservation	26
<i>M.D. Kalmenov</i>	
Site of Zhayik: construction projects	37
<i>M.-Sh. Kdyrniyazov</i>	
Urbanistic civilization of medieval Khorezm	46
<i>T.M. Dostiyev</i>	
Bone articles of Azerbaijan, 9th-15th centuries	59
<i>O.S. Nikulina</i>	
“The art of Rus and the East”: A L.I. Rempel’s unpublished manuscript in the archives of the State Museum of Orient	78

CONFERENCES

International scientific conference “Cultural transfer in Central Asia: before, during and after the Silk Road”	101
UNESCO / Japanese Trust Fund Project Subregional Meeting	107
Presentation of scientific publications of IICAS	109

INFORMATION ON ACTIVITIES OF IICAS

16-th Session of the Academic Council of IICAS	111
10-th Session of the General Assembly of IICAS	117

PUBLICATION OF IICAS	120
-----------------------------	------------

МОБИЛЬНОСТЬ В ГОСУДАРСТВАХ-ОАЗИСАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ ПО АНТИЧНОМУ ХОРЕЗМУ

MOBILITY IN THE CENTRAL ASIAN OASIS STATES: ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE FROM ANTIQUE KHOREZM

© 2013 г. Э.Б. Брайт
Алабама, США

© 2013 E.B. Brite
Alabama, USA

Введение

В 1992 году, в связи с появлением новых возможностей для проведения научно-исследовательских работ, Андре Гундер Франк отмечал, что восприятие Центральной Азии как важного звена мировой истории частично зиждется на углубленном изучении небольших государств-оазисов Центральной Азии¹. В трактате о Центральной Азии как «центре притяжения» Гундер Франк повторил предположение Ломбарда и Барфильда² о том, что Хорезм был одним из немногочисленных важных узловых пунктов (или «цепочек») Центральной Азии и основным связующим звеном между востоком и западом, севером и югом, одним из «привилегированных» источников информации о миграционном, экономическом, политическом, военном, социальном и культурном развитии всей Центральной Азии и соседних регионов³. Расположенные в пределах границ, указанных Латтимор⁴, аграрные государства-оазисы, в частности Хорезм, выступали своего рода локальной площадкой, где реализовывались товары и обменивались идеями, результаты которых систематически проявлялись на всем евразийском пространстве.

В настоящей статье автором выдвигается предположение о том, что одним из факторов, способствующих пониманию роли Хорезма как важнейшего компонента Центральной Азии, является признание его мобильности. Существует немало подтверждений того, что мобильность являлась существенным фактором организации древнехорезмийских систем поселений и производства, невзирая на кажущийся внутренне противоречивый характер аграрных основ этого общества. Детальный анализ фактического материала из близлежащих степных регионов подтверждает, что мобильность в Центральной Азии нельзя определять как исключительно кочевое скотоводство; напротив, вопрос заключается в более широком диапазоне закупочной деятельности, предусматривавшей различные виды перемещений⁵. Фактически, речь идет о локальной практике в рамках так называемых ограниченных микроорбит⁶. В таких условиях мобильный образ жизни в сельских поселениях

Introduction

In 1992, as new possibilities for research were emerging, André Gunder Frank stated that understanding Central Asia as an important link in world history rests in part on deeper knowledge of the smaller Central Asian oasis states¹. In his treatise on the “centrality” of Central Asia, Gunder Frank reiterated Lombard’s and Barfield’s² propositions that Khorezm was one of a few important nodal points (or “nexuses”) in Central Asia – a pivotal region for both east-west and north-south exchange, and one of a few “... privileged locations [that] can reveal much about migratory, economic, political, military, social, and cultural currents in and through Central Asia and its neighboring regions”³. Much like Lattimore’s⁴ frontiers, the agrarian oasis states such as Khorezm were local staging grounds for negotiations and exchanges that had significant systemic implications across Eurasia.

In this paper, I argue that one way in which we can understand Khorezm’s role as a nexus in Central Asia is by conceiving of it as a mobile setting. There are multiple indications that mobility was a factor in the organization of ancient Khorezmian settlement and production systems, despite seemingly contradictory evidence for the agrarian basis of this society. Insights from nearby steppe regions have shown that mobility in Central Asia may not be solely defined by nomadic pastoralism, but instead may include a much broader range of resource procurement activities that involve various kinds of displacements⁵. This includes highly localized practices in confined micro-orbits⁶. Mobile life ways in village-based, agrarian settings such as Khorezm are at least conceptually possible by these terms.

In Central Asia, mobility plays a key role in integrating local cultures into cohesive, global social and political institutions. Inhabitants that move around in the landscape for resource procurement connect localized communities into broad, non-contiguous networks⁷. Enterprising political leaders can add an additional layer of ties by attempting to control people,

типа Хорезма представляется возможным, по меньшей мере, лишь в концептуальном аспекте.

В Центральной Азии мобильность играет ключевую роль в интегрировании местных культур в единые, глобальные социальные и политические институты. Деятельность местных жителей, передвигающихся по местности в рамках закупочной деятельности, способствует слиянию локализованных сообществ в обширные, внешние системы⁷. Предприимчивые политические лидеры могли внести свой вклад в эти взаимоотношения посредством контроля над людьми, местностью и товарами, а также через личные связи, не ограниченные жестким пространством⁸. Упомянутые выше отношения, бытующие в мобильных регионах, ведут к тому, что местные сообщества замыкаются, в конечном счете, в хрупкую глобальную структуру без централизованного управления. Применительно к условиям степи подобное утверждение означает не что иное, как путь, ведущий к распаду глобальных образований, таких, как «культурная сфера Андроново» и «Скифский мир», на строго очерченные местные образования⁹. Данное утверждение также используется для понимания находящихся в состоянии глобализации автономных стран Внутренней Азии¹⁰. Автор статьи высказывает предположение о том, что региональная конфигурация, выдвинутая в качестве концепции «Хорезмийского государства»¹¹, могла функционировать именно в указанном аспекте. В статье на основе накопленного фактического материала показано, что, несмотря на аграрную основу, мобильность как исторический факт нашла широкое отражение в археологических исследованиях Хорезма, тем самым был сделан существенный вклад в понимание социально-политической структуры этого региона. Подобное восприятие центрально-азиатской оазисной социальной структуры объясняет возросший интерес к взаимоотношениям на евразийском пространстве.

Мобильность в Центральной Азии

В течение многих лет исследователи Центральной Азии рассматривали стратегию мобильности как функционирующую в рамках типологии форм, сгруппированную в соответствии с изолированным комплексом распознаваемых характерных черт или действий. Иными словами, ими было выдвинуто мнение, что, во-первых, мобильность возникла в качестве реакции на конкретные природные условия, во-вторых, мобильные стратегии оказали некое логистическое воздействие на человеческие отношения и, в конечном счете, обусловили соотнесенность групп с конкретными формами общественной организации¹². Так, предполагалось, что сочетание характерных черт,

places, and goods through personal relationships not fixed in rigid space⁸. These relationships of production and camaraderie in mobile landscapes lock local communities into a fragile global entity without centralized control. In the steppe, this theory is advocated as a way to break down global distributions such as the “Andronovo culture sphere” and the “Scythian World” into intelligible local sequences⁹. It is also applied as a way to understand the globalizing headless states of Inner Asia¹⁰. In this paper, I argue that the regional configuration conceptualized as the “Khorezmian state”¹¹ may have functioned in a similar way. I present data to suggest that despite its agrarian base, mobile practices are imbued in the archaeological record of Khorezm and have significant consequences for understanding socio-political organization in this region. Conceiving of a Central Asian oasis polity in this way brings relationships across Eurasia into greater focus.

Mobility in Central Asia

For many years, Central Asian scholars regarded human mobility strategies as existing within a typology of forms, grouped according to discrete packages of identifiable, co-occurring traits or practices. In other words, it was assumed, first, that mobility emerged as a response to particular environmental conditions, and second, that mobile strategies placed certain logistical constraints on human relationships which made groups beholden to specific forms of social organization¹². Thus, a combination of traits that included an arid environment, animal husbandry, and clan-based, segmentary lineage systems were thought to always co-occur among mobile societies in Central Asia. This was an especially useful concept for archaeologists, because it meant that measures such as a group’s relative reliance on herding for food production could allow a social group to be typological classified into a category like “nomadic pastoralism,” from which one could draw conclusions about the organizational structure of that society (clan-based, reliant on relations with sedentary societies, prone to fission, etc.). Among other implications, this typological definition of human mobility served to construct strict cultural and socio-political divides between steppe and oasis dwellers in ancient Central Asia.

In more recent anthropological scholarship, researchers have begun to question some of these assumptions about human mobility and emphasize instead the many more nuanced ways that movement is used by individuals and groups¹³. There is a growing awareness about

включавших в себя засушливую окружающую среду, скотоводство и клановые, сегментарные родословные системы, в рамках мобильных сообществ Центральной Азии происходило одновременно. Данная концепция представлялась особенно полезной для археологов, поскольку утверждала, что опора группы людей на скотоводство как на источник пищи позволяла типологически классифицировать социальную группу как категорию «кочевого пасторализма». Исходя из этого, представлялось возможным сделать вывод об организационной структуре данного общества (основанного на клановой системе; на взаимоотношениях с оседлым населением; склонности к расщеплению и т.д.). Помимо других функций, данное типологическое определение человеческой мобильности использовалось для проведения четких культурных и социально-политических отличий между жителями степей и оазисов древней Центральной Азии.

В последнее время ученые стали подвергать сомнению отдельные взгляды, связанные с человеческой мобильностью, предлагая взамен концепции, подтверждающие, что движение присуще лишь отдельным лицам и группам¹³. Растет понимание сильно переменчивого, гибкого использования межкультурного человеческого движения; увеличивается количество документации, связанной с мобильными стратегиями в общественных структурах, экономических и социальных системах¹⁴. Показано, что движение, не связанное с конкретной формой производственных отношений, может быть внедрено в человеческие системы для достижения других целей и протекать на различном социальном, пространственном и временном уровнях. В соответствии с таким определением, «мобильность» подразумевает более широкий спектр деятельности, чем просто выгон домашних животных. Эти действия могут классифицироваться по признаку домашнего хозяйства, отдельного сообщества либо целого общества; предусматривать смешение оседлой и кочевой практики в течение определенного времени и при различных измерениях. Немногочисленными примерами временного, пространственного и социального определения мобильности могут служить оседлые домашние хозяйства где некоторые представители отобранные в соответствии с их возрастом и полом, занимались выпасом скота на отдаленных пастбищах, в то время как другие члены семьи оставались дома; сельские жители, объединявшиеся в группы для участия в сезонной охоте, снабжавшие преимущественно оседлые продовольственные системы, а также элиты, занимавшиеся караванной торговлей за пределами своей территории. Одновременно субъекты их деятельности продолжали вести оседлый образ жизни. В значительной степени эти

the highly variable and flexible uses of human movement cross-culturally, and greater documentation of mobile strategies in a variety of social, economic, and political systems¹⁴. Rather than being tied to a specific form of productive relations, it has been shown that movement may be incorporated into human systems for many different purposes, and may occur at different social, spatial, and temporal scales. By this definition, “mobility” can describe a much broader range of activities than simply the grazing of domesticated animals. These activities can be divided within households, or communities, or entire societies, and they can entail the mixing of sedentary and mobile practices over time and in different measures. A few examples of this temporally, spatially, and socially variable definition of mobility include sedentary households in which some members, chosen according to age or gender, herd live stock on distant pastures while others stay home; villagers who come together to engage in seasonal hunting rounds to supplement otherwise predominantly sedentary food systems; or elites who might engage in a lifetime of caravan trade abroad while their subjects maintain their sedentary realms. Significantly, these mixed mobility strategies lead to numerous and varying patterns of interactions among highly mobile, semi-mobile and sedentary individuals with a range of consequences for social organization¹⁵.

The use of these kinds of diverse, mixed forms of mobility may have been especially prevalent in ancient Central Asia, where archaeological and historical evidence has repeatedly shown that many groups in this region regularly combined sedentary agriculture with mobile pastoralism and mobile commerce¹⁶. Given this evidence, we should not be especially surprised to find mobile strategies occurring not only on the steppes and boundaries of the oasis states, but also within the sedentary oases themselves. These are less likely to take the form of roving clans of pure nomads specialized in animal herding, and are more likely to entail confined, micro-orbital movements by groups gathering different resources in overlapping ranges, forming various “strategic threads” across the oasis¹⁷. These threads may have been created, for example, by segments of a household or community grazing their flocks¹⁸, mobile traders moving between settlements to connect local, sedentary communities¹⁹, groups of hunters on expeditions to other ecological niches²⁰, or frontier garrisons initiating trade with neighboring groups²¹. It may be especially worthwhile to more ardently look for the traces of these mobile practices

смешанные мобильные стратегии наглядно подтверждают взаимодействие между высоко мобильными (кочевыми), полумобильными (полукочевыми) и оседлыми группами, отмеченное различными последствиями в социальной организации¹⁵.

По всей видимости, в античной Центральной Азии преобладали смешанные формы мобильности. По крайней мере, археологические и исторические данные неоднократно свидетельствовали о том, что в деятельности многих групп данного региона наблюдалось сочетание оседлого сельского хозяйства с кочевым «пасторализмом» и кочевой торговлей¹⁶. В связи с этим не вызывает удивления то обстоятельство, что мобильные стратегии проводились не только в степях и на границах государств-оазисов, но и в пределах самих оседлых оазисов. Вряд ли эти стратегии охватывали 100% кочующего населения, занятого выпасом скота; скорее всего, речь шла о появлении замкнутых, микроорбитальных перемещений групп, занятых заготовкой ресурсов в сопоставимых масштабах и тем самым формированием различных «стратегических нитей» по всему оазису¹⁷. Указанные «нити» могли быть сегментами сообществ, занятых домашним хозяйством или выпасом скота¹⁸, кочевыми торговцами, передвигавшимися между поселениями в целях установления связей между группами местного оседлого населения¹⁹, группами охотников, а также группами, занятыми поиском других экологических ниш²⁰, или приграничными гарнизонами, инициировавшими торговлю с соседними группами населения²¹. Имеет смысл активизировать поиски следов этих мобильных действий в древних оазисах, поскольку речь идет о ключевых компонентах, способствовавших установлению связей между людьми и созданию социальных и политических структур государств-оазисов. Где исследователям надлежит искать ключи к разгадке многозначных форм мобильности, зафиксированных в археологических записях аграрных государств-оазисов Центральной Азии? Фактически, мобильность остается стратегией, предпринятой в целях по овладению ресурсами за счет передвижения людских масс по местности²². Указанные ресурсы могут включать в себя как природные параметры, необходимые для выживания (пища и вода²³), так и обеспечивающие контакт с другими народами (общественные производственные отношения²⁴). В связи с этим, следы мобильности (кочевого образа жизни) можно обнаружить в археологических исследованиях центрально-азиатских оазисов, анализе ограничений и возможностей, характерных для местной экологии, изучении доказательств кочевого образа жизни населения, действий, направленных на получение пищи и воды, а также на примерах производственных отношений.

in the ancient oases, as they were key ingredients that facilitated the human connections upon which the social and political structures of oasis states were constructed.

Where might the clues to multivalent forms of mobility be found in the archaeological record of the agrarian oasis states of Central Asia? At its core, mobility remains a strategy that is essentially defined by the practice of acquiring resources through moving around in the landscape²². These resources may include the environmental parameters needed for survival²³, and resources which contact with other people provides (the social relations of production²⁴). Mobility can therefore be detected in the archaeological record of the Central Asian oases by examining the constraints and opportunities provided by the local ecology, and by examining evidence for residential mobility, food and water procurement practices, and patterns which indicate relations of production.

Evidence for Mobility in Antique Khorezm

Here, I consider four sources of evidence for mobility in the ancient Khorezm oasis. After examining the environmental setting, which I argue provided a context that made mobile strategies practicable within the irrigated deltas, I focus more specifically on archaeological evidence for mobility in the Antique period (4th century B.C.E – 3rd century C.E.) of Khorezmian history. Though there is potentially evidence for mobile strategies in many different periods of Khorezmian history, the Antique period provides a good representative case because the archaeological data from this period is relatively plentiful, and because it was in the Antique period that the oasis saw one of the largest expansions of ancient agricultural development. Thus, data from the Antique period provide useful contrasts that highlight how mobile strategies occurred within the sedentary milieu of a Central Asian oasis state.

Environment

The Central Asian oases are not static environmental settings. In particular, their ecological boundaries have a tendency to change over time²⁵. This unique environmental condition is primarily a product of Central Asia's geographic interiority and its severe continental climate, features which make arable land in the oases almost completely dependent on surface water flows. As a result, when and where water flows in Central Asia is often the determining factor in where oasis boundaries are located. For oasis inhabitants, this means that the natural resources found in any particular location may

Подтверждение мобильности в античном Хорезме

В данной статье рассмотрены четыре основных источника, подтверждающих фактор мобильности в древнехорезмийском оазисе. Анализ окружающей среды подтвердил, по мнению автора, возможность реализации мобильной стратегии в орошаемых дельтах рек, поэтому было бы целесообразно подробнее остановиться на изучении археологического материала, свидетельствующего о наличии мобильности в античный период (IV-III вв. до н.э.) хорезмийской истории. Говоря о возможном использовании мобильных стратегий в разные периоды хорезмийской истории, автор ссылается на относительно богатый археологическими материалами античный период, тем более, что именно тогда в оазисе получило значительное развитие древнее земледелие. Отметим, что данные по античному периоду содержат сведения, проливающие свет на происхождение мобильных стратегий в рамках оседлого сообщества центрально-азиатского государства-оазиса.

Окружающая среда

Центрально-азиатские оазисы нельзя рассматривать как статические природные образования. В частности, с течением времени их экологические границы проявляют тенденцию к изменению²⁵. Это уникальное природное явление является результатом, главным образом, внутренней географической замкнутости и сурового континентального климата Центральной Азии, которые делают пахотные земли оазисов практически полностью зависимыми от поверхностных водных стоков. Как следствие, решающим фактором, определяющим расположение границ оазиса, выступает время года и место, в котором перемещаются водные потоки. Для жителей оазиса это означает, что природные ресурсы, обнаруженные в том или ином месте, могут эксплуатироваться с пользой для общины посредством мобильных действий, включая выпас скота в условиях нехватки воды, а также развитие сельского хозяйства в условиях оседлости при наличии достаточных объемов воды. С исторической точки зрения указанные природные условия способствовали сглаживанию различий между кочевым и оседлым населением древних центрально-азиатских оазисов параллельно с изменением экологии этих регионов. Данное обстоятельство позволяет понять, почему культурные и социальные границы между земледельцами и скотоводами здесь менее очевидны, чем в других засушливых регионах²⁶ и по какой причине, в Центральной Азии «кочевой скотовод» и «оседлый земледелец» являются не четко сформулированным типом или категорией лиц, а служат для обозначения

be use fully exploited through mobile practices such as animal grazing at times when water is scarce, but may be more suitable to sedentary practices such as agriculture when more water is present. Historically, it is likely that these environmental conditions meant that distinctions drawn between nomads and sedentists in the ancient Central Asian oases shifted alongside the changing ecology of these regions. This may help to explain why strict cultural and social boundaries between farmers and herders are less evident in Central Asian oasis states than in other arid environments²⁶, and why, as Gunder Frank described it, in Central Asia “nomadic pastoral” and “settled agricultural” are not so much fixed types or categories of peoples as they are temporary conditions, which different people(s) adopt according to changing circumstances”²⁷.

Though the topic has not been addressed specifically in the Khorezm oasis, it is worth considering that this landscape, perhaps more than any other in Central Asia, is especially subject to these kinds of shifts in ecological boundaries. This is due to the unusual dynamics of the Aral Sea and its rivers. The Aral Sea Basin, of which the Khorezm oasis is a large part, is a volatile hydrologic system. The high sedimentation flows of the Amu Darya and Syr Darya Rivers mean that tributaries frequently change course, shifting the oasis boundaries repeatedly through time. Irrigation can help to create and extend oasis zones, but it also expands desertification in places from where water is diverted. And even in places where the water flows abundantly, non-oasis ecologies eventually develop because the high salt content of the river water tends to salinize arable land over time and limit opportunities for cultivation.

The dynamism of landscape change in the Khorezm oasis is shown clearly in environmental reconstructions of the Aral Sea’s geologic history. Numerous studies show the dramatic fluctuations of water distributions in Khorezm since the Last Glacial Maximum, with multiple phases when the river networks moved across different parts of this region²⁸. These data have been further correlated to the human settlement record to highlight how local populations adapted repeatedly to changing conditions²⁹. Considering this evidence, it stands to reason that the adaptations that people introduced included shifts between sedentary and mobile strategies as more or less arable land became available for cultivation, and as the encroaching extents of desert range land waxed and waned through time.

лишь временных условий, к которым разные народы вынуждены были приспосабливаться в зависимости от возникающих обстоятельств»²⁷.

Говоря о хорезмийском оазисе, следует отметить, что данная местность, возможно, в большей степени, чем иной регион Центральной Азии, подвержена отмеченным изменениям экологических границ. Чему причиной следует признать необычную динамику Аральского моря и формирующих его рек. Бассейн Аральского моря, существенной частью которого является хорезмийский оазис, представляет собой неустойчивую гидрологическую систему. Огромные отложения от рек Амударья и Сырдарья являются причиной того, что притоки часто меняют свое русло и, как следствие, постоянно трансформируют границы оазиса. Использование ирригации может способствовать созданию и расширению оазисных зон, с одной стороны, и росту опустынивания участков для отвода вод, с другой. Даже в тех местах, где воды в избытке, экологическая ситуация с течением времени ухудшается, поскольку высокое содержание соли в речной воде со временем приводит к засолению и сокращению культивации пахотных земель.

Динамика изменения местности в пределах хорезмийского оазиса ясно прослеживается на примере природной реконструкции Аральского моря. Многочисленные исследования указывают на резкие, многофазные колебания водных потоков в Хорезме со времени последнего ледникового периода, когда происходило смещение речных систем в разных частях этого региона²⁸. В дальнейшем эти сведения были скорректированы с учетом сообщений о населенных пунктах. Это помогло исследователям разобраться, как местное население приспосабливалось к постоянно меняющимся условиям жизни²⁹. И как следует из цитированного, адаптация населения подразумевала переход от оседлого образа к кочевому, поскольку более или менее пахотные земли становились непригодными для культивации, в то время как площадь пустынных земель со временем увеличивалась.

Мобильность населения

Экология хорезмийского оазиса позволяла населению жить в смешанных условиях оседлой и кочевой практики, которая, несомненно, подвергалась неоднократной трансформации в процессе исторического развития. Анализ археологических данных позволяет получить достаточно четкое представление об этой стратегии развития. Убедительное подтверждение того, что мобильность составляла важный аспект жизни древних хорезмийцев, вероятно, прослеживается в архитектуре многочисленных античных памятников³⁰. Хорезмийские памятники

Residential mobility

The ecology of the Khorezm oasis provided a context that was ripe for the mixing of sedentary and mobile practices, but the specific ways these were enacted undoubtedly varied throughout history. Through archaeological evidence it is possible to more clearly piece together a basic picture of some of these mixed strategies. Perhaps the most visible indication that mobility was an important factor in the lives of ancient Khorezmian inhabitants can be found in the architecture of the numerous Antique qala monuments that have been surveyed and excavated³⁰. The Khorezmian qalas are fortified enclosures constructed of unbaked mud brick, ranging in size from anywhere between five to seventy hectares of enclosed space. They are in many cases surrounded by archaeological remains of large-scale, complex irrigation works and agricultural fields, indicating that they overlooked a rural agrarian hinterland. The qalas exhibit sophisticated military architecture, but by far their most striking feature is the large areas of unconstructed space inside their fortified walls. The empty spaces and lack of evidence for habitations inside the Khorezmian qala have led a number of scholars to question their intended function and to suggest possible parallels with the nomadic pastoral world³¹.

In a study of the Antique Khorezmian qalas, Negus Cleary³² has more specifically argued that they were designed as temporary refuges for local populations. She notes that very similar structures were built by semi-mobile Karakalpak groups inhabiting the Khorezm oasis in the 17th-20th centuries, and were used to protect local inhabitants and their herds when the community was attacked by Turkmen nomads. The Karakalpak structures also served as administrative centers that helped to draw the mobile elements of the community together around a central node. Negus Cleary proposes a similar function for the Antique qalas based on the presence of ritual and administrative buildings within their fortified walls, suggesting that ancient inhabitants may have used them as centralizing community structures that helped organize and protect semi-mobile activities within an agrarian rural context.

A remaining question about the Antique period qalas concerns their surrounding hinterlands and the possible settlement and subsistence practices that took place in these zones. An obvious, primary concern is the relative mobility of local inhabitants. Unfortunately, there are very few archaeological remains of domestic habitations from the Antique period that can be

представляют собой фортификационные сооружения из необожженного сырцового кирпича, расположенные на ограниченной площади в пределах от 5 до 70 гектаров. Во многих случаях они окружены археологическими остатками крупномасштабных, сложных по композиции ирригационных сооружений и сельскохозяйственных угодий. Сказанное позволяет заключить, что эти строения также использовались для контроля над отдаленными землями. Указанные памятники представляют собой развитые образцы военной архитектуры, однако, их самая удивительная особенность - это большие незастроенные площади внутри фортификационных стен. Пустые, незастроенные участки, а также отсутствие доказательств проживания внутри хорезмийских памятников заставили многих исследователей подвергнуть сомнению предназначение этих памятников и провести некую параллель с кочевым скотоводческим образом жизни³¹.

При изучении античных хорезмийских памятников Негус Клири³² выдвинула предположение, что они были предназначены в качестве временного убежища для местного населения. Она отмечает, что аналогичные сооружения возводились полукочевыми каракалпакскими группами, населявшими хорезмийский оазис в XVII-XX веках, и использовались для защиты жителей и принадлежащего им скота от нападений туркменских кочевников. Кроме того, каракалпакские сооружения служили своего рода административными центрами, способствовавшими концентрации мобильных элементов сообщества вокруг единого центра. По мнению Негус Клири, схожую функцию выполняли и античные памятники, поскольку из обнаруженных на территории крепостных стен следов ритуальных и административных зданий можно сделать вывод о том, что древние жители использовали их в качестве централизованных общинных структур при организации и защите полукочевых действий.

Другим вопросом, связанным с памятниками античного периода, является окружающая их земля, а также возможные действия по расселению и проживанию в данном регионе. Основная проблема - это относительная мобильность местных жителей. К сожалению, сохранилось чрезвычайно мало археологических свидетельств о жизни в античном периоде, которые можно было бы использовать для ответа на эти вопросы³³. Судя по обнаруженным находкам, можно предположить, что процессы расселения в регионе протекали определенно по-разному. Более плотная концентрация ирригационных каналов и сельскохозяйственных полей в восточной, правобережной части Хорезма позволяет утверждать, что здесь был развит оседлый образ жизни³⁴, в то время как смешанные формы полукочевого аграрного «пасторализма» могли

studied to answer these questions³³. From the existing evidence, it appears that there was likely some variation in settlement practices across the region. In the eastern, right-bank zone of Khorezm, a greater density of irrigation canals and agricultural fields suggests more sedentism³⁴, whereas in the western, left-bank region mixed strategies of semi-mobile agro pastoralism may have been more prevalent³⁵. As will be explained below, there are many unanswered questions about these settlement systems in large part because the data on Antique Khorezmian subsistence practices, especially as regards animal husbandry, remain extremely limited.

Animal husbandry

Though mobility may mean many things in terms of human strategies, one primary reason people move is to graze stocks of domesticated animals. Thus, studies of archaeological faunal assemblages have been and continue to be central to analyses about a culture group's relative mobility. In Khorezm, there are a few studies which provide detailed information on archaeofaunal assemblages. The most comprehensive of these is V.I. Tsalkin's³⁶ analyses of materials from Khorezmian sites of the 4th century B.C. through the 14th century A.D. Reporting on archaeofaunal assemblage scan also be found in Vorob'eva's³⁷ study of the Archaic period site Dinghil'dzhe (which provides some comparative data from Kyuzeli-gyr also), and in Nerazik's³⁸ examination of Early Middle Ages sites in the Berkutkala oasis. These scholars were principally interested in applying faunal analysis to understand the composition, and thereby the relative mobility, of domestic herds. These were considered proxy indicators for human settlement practices. In Tsalkin's (1952) study, it appears that herd composition measures were also sought specifically as markers of ethnic identity and as a way to trace ethnic migrations.

Generally speaking, the conclusions drawn from these Soviet-era faunal studies need reconsideration. These analyses relied heavily on percentage values, based either on MNI (minimum number of individuals) or NISP (number of identified specimens), to determine herd compositions from oftentimes very small samples. These determinations served as the basis for distinguishing whether a site's inhabitants relied primarily on sedentary foddering associated with agriculture, or on pastoral transhumance. The difficulty with these interpretations is that, first, faunal assemblages, even exceptionally large ones, are poor indicators of relative stock proportions³⁹. Second, the small sample sizes and

преобладать в западной левобережной части региона³⁵. Как будет показано ниже, многие вопросы, касающиеся систем расселения, большей частью остаются без ответа, поскольку сведения, связанные с условиями жизни в античном Хорезме, в частности, скотоводство, крайне скудны и незначительны.

Скотоводство

Хотя мобильность подразумевает многое в плане человеческих стратегий, одной из главных причин передвижения людей является необходимость выпаса стад одомашненных животных. По этой причине изучение накопленного археологического материала, относящегося к фауне, играет основную роль при анализе относительной мобильности некоей культурной группы. Что касается Хорезма, до настоящего времени здесь проведено незначительное количество исследований, связанных с фауной указанного периода. Наиболее подробным, всеобъемлющим, на взгляд автора, следует признать анализ материалов хорезмийских городищ с IV в. до н.э. до XIV в.н.э., проведенный В.И. Цалкиным³⁶. Сообщения, относящиеся к фауне, содержатся в исследованиях архаического поселения Дингильдаже³⁷, где также представлены сопоставительные данные по Кюзели-гыр, и в работе Неразик³⁸, которая подвергает анализу раннесредневековые замки в Беркуткалинском оазисе. Отметим, что указанные исследователи были весьма заинтересованы в изучении материалов по фауне для того, чтобы сделать определенные выводы о составе и относительной мобильности стад домашних животных, а, следовательно, о характере расселения людских масс. Судя по исследованию, проведенному Цалкиным в 1952 году, изучение состава стад также преследовало цель определить этническую принадлежность племен и проследить маршруты этнических миграций.

В целом, выводы, сделанные в советский период, должны быть пересмотрены. Речь идет о том, что указанный анализ базировался в основном на процентном соотношении минимального количества особей (МКО) и числа определенных костей (ЧОК) при определении состава стада, которое, зачастую, оказывалось весьма немногочисленным. Полученные данные позволили исследователям уяснить род занятий жителей поселения: занимались ли они оседлым земледелием либо отгонным скотоводством, то есть сезонными перекочевками из зимних на летние пастбища. Проблема заключается в том, что, во-первых, относящийся к фауне материал (даже весьма обширный) не является надежным индикатором по пропорции скота³⁹. Во-вторых, данные в значительной степени искажаются вследствие того, что мелкие

the unsystematic collection strategies typical of Soviet-era faunal analyses introduce significant biases to the data. Collection strategies based on the hand-picking of bone remains from excavation trenches without documentation of specific find contexts make it hard to compare data sets across sites, and they create a consistent tendency to overlook very small specimens. This selection bias especially over-emphasizes the contribution of large-bodied mammals to the dietary regime, and de-emphasizes the role of birds, fish, and smaller mammals, many of whom enter into archaeofaunal assemblages through mobile strategies. It also precludes examination of commensals such as mice and rats that are useful indicators of sedentism.

In addition, an underlying assumption that sedentists fodder animals and nomads graze them may greatly oversimplify the complexity of animal rearing strategies in ancient Khorezm. In modern Khorezm at least, Robinson, et al.⁴⁰ note that seasonal provisioning of livestock with feed is the major factor determining the success of mobile pastoral systems. They describe how, in the Soviet period, part-time foddering allowed migration orbits to concentrate close to settled areas where water was abundant, leading to significant increases in livestock numbers. In the post-Soviet era, a decrease in these animal feed resources have led sedentary villages to develop collective herding systems, wherein numerous, small household herds are combined and tended by specialists, as a way to cover the costs of transport and shepherding associated with using more remote seasonal pastures. Determining the boundaries and subdivisions between mobile and non-mobile individuals in these kinds of deeply intertwined agro pastoral systems is clearly a very complicated task. For archaeologists trying to reconstruct past systems of agro pastoralism, it requires at a minimum the consistent recovery of large and comparable archaeofaunal samples. The existing data from previous archaeofaunal studies in Khorezm do not appear to meet these criteria.

The limitations of existing Khorezmian archaeofaunal assemblages to accurately represent ancient species diversity and frequency can be illustrated by plotting sample size against number of taxa for a group of samples collected at different sites⁴¹. Because new species appear at a decreasing frequency as sample size increases, species counts will rise steeply initially and then level off. A sample size closest to the asymptote of this curve can therefore be considered an adequate representation of species diversity. When this measure is applied to the archaeofaunal assemblages from

экземпляры, а также несистематические стратегии сбора, характерные для анализов фауны советского периода, весьма искажают данные. Методика сбора костных фрагментов из раскопов без документирования конкретных находок затрудняет сравнение данных, более того, не были привлечены к анализу очень мелкие экземпляры. Подобный подход ведет, в частности, к переоценке роли крупных млекопитающих в режиме питания и недооценке значимости птиц, рыб и более мелких млекопитающих в условиях мобильности населения, делает невозможным изучение таких симбионтов, как мыши и крысы, - этот испытанный индикатор оседлого образа жизни.

Кроме того, предположение о том, что оседлое население задавало корм скоту, а кочевники занимались выпасом скота, чрезмерно упрощает комплексный характер стратегии разведения скота в древнем Хорезме. Робинсон и другие авторы⁴⁰ отмечают, что, по крайней мере, в современном Хорезме сезонное обеспечение скота фуражом является основным фактором, определяющим успешное решение проблем, связанных с выпасом скота. Указанные исследователи отмечают, что в советское время частичное кормление позволяло перегоняемым стадам находиться вблизи оседлых районов с избыточным запасом воды и

Khorezm, the results appear as shown in Table 1 and Chart 1. The asymptote of the curve in Chart 1 suggests that a sample size of approximately $n > 2000$ would be plausibly adequate to represent the known species diversity at Khorezmian sites⁴². Only two sites meet this criterion⁴³. The rest fall far below this benchmark. Thus, Chart1 highlights the small sample sizes common among these assemblages and suggests that there are still many unknowns concerning human-animal interactions in ancient Khorezm.

Focusing only on those two sites with sufficient data, it can be very generally said that Khorezmian inhabitants made use of a wide range of animal species. In order of relative frequency, Caprinae appear as the most abundant taxa, followed by large-bodied cattle (Bos), horse, and pig. Wild taxa such as deer, gazelle, antelope, boar, and hare also contribute to these assemblages (9.8% at Toprakkala, 3.6% at Kyuzeli-gyr⁴⁴. It is noteworthy that the domesticated species distribution, (in order of relative frequency) sheep/goat-cattle-horse-pig, is cited by Morales Muniz and Antipina⁴⁵ as among the most mobile arrangements of stock compositions in agropastoral economies of

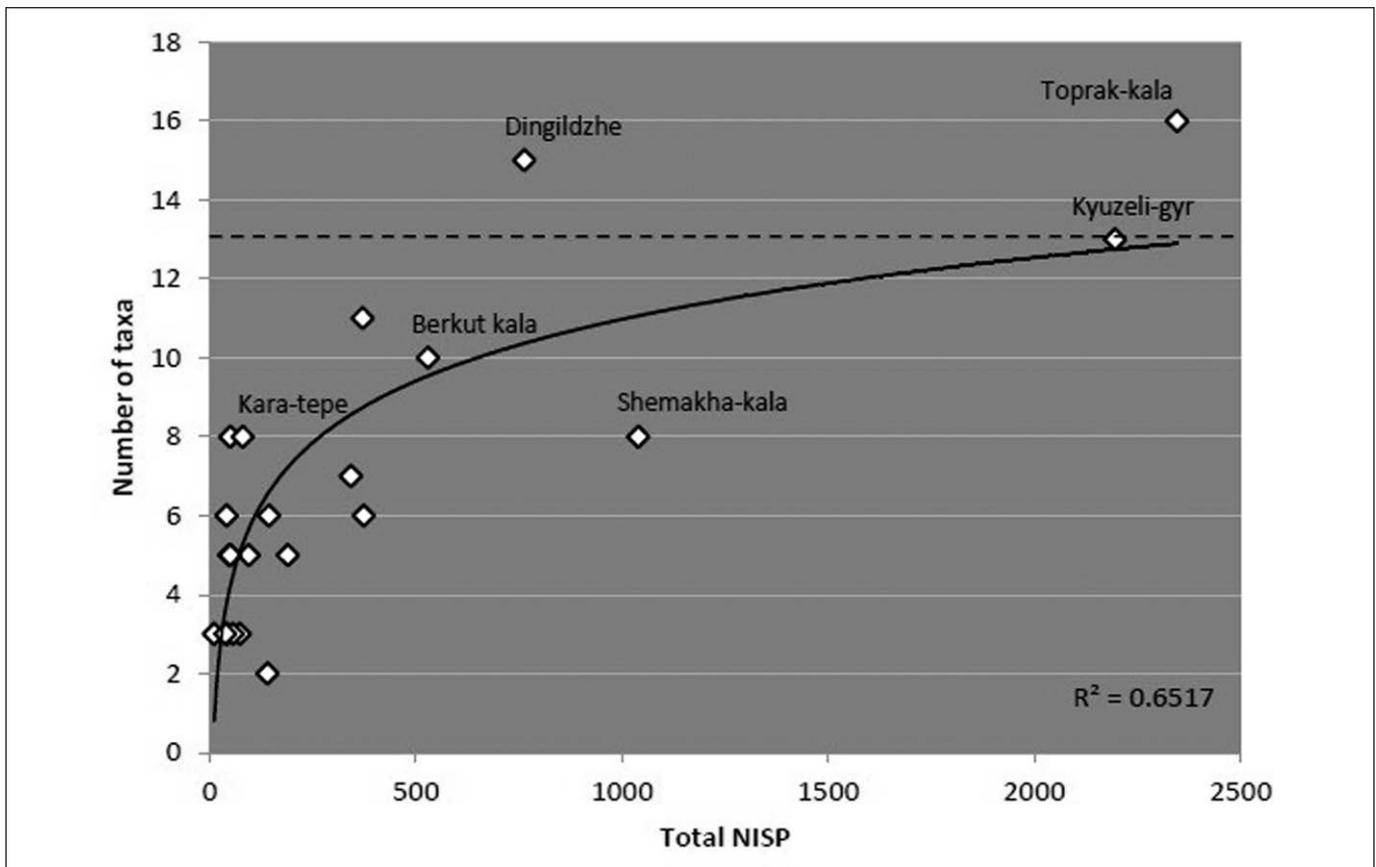

Схема 1. Кривая разреженности размеров образцов (ЧОК) и видового разнообразия (no Reitz and Wing 1999).

Chart 1. Rarefaction curve of sample size (NISP) and species diversity, Khorezm (after Reitz and Wing 1999: 107-8).

тем самым способствовало значительному увеличению поголовья скота. В постсоветский период уменьшение кормовых ресурсов заставило жителей оседлых деревень развивать коллективные системы выпаса скота, когда многие небольшие по численности домашние стада были объединены в одно стадо, что признавалось тогдашними специалистами как оптимальный вариант, позволявший компенсировать транспортные расходы и осуществлять выпас скота на отдаленных сезонных пастбищах. Определение четких границ между кочевым и не кочевым населением в тесно связанных сельских системах выпаса скота представляется достаточно сложной задачей. Для археологов, стремящихся воссоздать аграрные системы выпаса скота в прошлом, необходимо, как минимум, последовательно восстановить крупные, сопоставимые образцы археологической фауны, однако, имеющиеся данные не отвечают этому критерию.

Ограниченный объем накопленного материала по древней фауне Хорезма не позволяет получить ясное представление о разнообразии и частоте распространения древних видов. Достаточно в этом смысле противопоставить объем выборки по числу видов (систематических категорий) группы экземпляров, собранных из разных мест⁴¹. Поскольку частота новых видов уменьшается с увеличением объема выборки, число видов сначала резко возрастает, а затем выравнивается. Поэтому объем выборки, наиболее приближенной к асимптоте этой кривой, может считаться достаточным для определения разнообразия видов. Если применить эту меру измерения к собранному археологическому материалу фауны Хорезма, то результаты будут такими, как это показано в таблице 1 и диаграмме 1. Исходя из асимптоты кривой в диаграмме 1, можно предположить, что объема выборки примерно ЧОК > 2000 будет достаточно для определения разнообразия известных видов с хорезмийских городищ⁴². Только два раскопа соответствуют этому критерию⁴³. Остальные намного уступают этому стандарту. В графике 1 показаны виды мелких экземпляров, типичных для данной выборки; предположительно, многие виды, влиявшие на отношения между людьми и животными в древнем Хорезме, все еще остаются неизвестными.

Исходя из сведений, полученных по двум раскопам, автор склонен полагать, что население Хорезма разводило различные виды животных. К ним чаще всего относились козы, далее следовали крупный рогатый скот, лошади и свиньи. Кроме того, в накопленном археологическом материале можно встретить останки диких животных, в том числе оленей, газелей, антилоп, кабанов и зайцев (9.8% от материала, собранного на Топрак-кале и 3.6% - на Кюзели-гыр)⁴⁴. Представляет интерес то обстоятельство,

Table 1. NISP and species diversity of Khorezmian faunal assemblages (data used in Chart 1).

Site	Occupation	NISP	Taxa (n)	Reference
Djanbas-kala	4th cen. BC - 1st cen. AD	343	7	Tsalkin 1952
Ayaz-kala	2nd cen. AD	95	5	
Toprak-kala	3rd cen. AD	2346	16	
Berkut-kala	8th cen. AD	50	8	
Teshik-kala	8th cen. AD	374	6	
Narindjan	10th - 11th cen. AD	43	3	
Zamakhshir	11th - 13th cen. AD	73	3	
Kavat-kala	11th - 13th cen. AD	48	5	
Shemakha-kala	13th - 14th cen. AD	1040	8	
Berkut-kala	6th - 8th cen. AD	530	10	Nerazik 1966
Lock 28	6th - 8th cen. AD	371	11	
Lock 8	6th - 8th cen. AD	190	5	
Lock 92	6th - 8th cen. AD	144	6	
Lock 30	6th - 8th cen. AD	50	5	
Lock 22	6th - 8th cen. AD	41	6	
Lock 19	6th - 8th cen. AD	140	2	
Lock 59	6th - 8th cen. AD	11	3	
Lock 64	6th - 8th cen. AD	56	3	
Lock 115	6th - 8th cen. AD	38	3	
Kyuzeli-gyr	6th cen. BC	2196	13	Vorob'eva 1973
Dinghildzhe	4th cen. BC	763	15	
Kara-tepe	5th cen. AD	80	8	Brite 2011

the steppe. It is also interesting that wild taxa appear prominently, as this may suggest that wild resource gathering played a larger role in Antique Khorezmian strategies than previously assumed⁴⁶. It is likely that many more subtle variations existed in Khorezmian assemblages that would have been geographically patterned and linked to micro-ecologies (as they were in the steppe⁴⁷), and these probably also changed over

Таблица 1. ЧОК и видовое разнообразие хорезмийской фауны (динамика приводится в Диаграмме 1).

Городище	Время обживания	ЧОК (число определенных костей)	Таксон	Источник
Джанбас-кала	IV в. до н.э.–I в. н.э.	343	7	Цалкин, 1952
Аяз-кала	II в. н.э.	95	5	
Топрак-кала	III в. н.э.	2346	16	
Беркут-кала	VIII в. н.э.	50	8	
Тешик-кала	VIII в. н.э.	374	6	
Наринджан	X–XI вв. н.э.	43	3	
Замахшар	XI–XIII вв. н.э.	73	3	
Кават-кала	XI–XIII вв. н.э.	48	5	
Шемаха-кала	XIII–XIV в. н.э.	1040	8	
Беркут-кала	VI–VIII вв. н.э.	530	10	Не-разик, 1966
Замок 28	VI–VIII вв. н.э.	371	11	
Замок 8	VI–VIII вв. н.э.	190	5	
Замок 92	VI–VIII вв. н.э.	144	6	
Замок 30	VI–VIII вв. н.э.	50	5	
Замок 22	VI–VIII вв. н.э.	41	6	
Замок 19	VI–VIII вв. н.э.	140	2	
Замок 59	VI–VIII вв. н.э.	11	3	
Замок 64	VI–VIII вв. н.э.	56	3	
Замок 115	VI–VIII вв. н.э.	38	3	
Кюзели-гыр	VI в. до н.э.	2196	13	Воробьева, 1973
Дингильдже	IV в. до н.э.	763	15	
Кара-тепе	V в. н.э.	80	8	Брайт, 2011

что одомашненные животные (в порядке убывания) - овцы/козы - крупный рогатый скот – лошади - свиньи выделены Моралесом Муницом и Антипиной в качестве наиболее мобильных частей степного скота⁴⁵. Поскольку представители дикой фауны встречаются достаточно часто, можно предположить, что они играли более значительную роль в хозяйстве античного Хорезма, чем считалось ранее⁴⁶. Вероятно, в Хорезме существовали и менее значимые представители фауны, географически связанные с микроэкологией (как, например, в степи⁴⁷), которые, очевидно, изменились с течением времени. Ис-

time. Better recovery and analysis methods and greater attention to marine resources could help to reveal some of these details in Antique Khorezm.

Craft production

Where as the archaeofaunal data are as yet unclear about mobility in Antique Khorezm, there is by comparison significant evidence for mobility in ancient Khorezmian craft production. Excavations and surveys of Antique pottery production areas show that crafting activities took place in spatially decentralized, temporary workshop facilities. These workshops were consistently placed at the edge of oasis zones in areas of contact between steppe and oasis, or along the shores of irrigation canals where they could supply multiple sites. The organization of this production system suggests that craftspeople moved around to produce and distribute their wares.

The diversity of Antique period craft production sites in Khorezm’s rural hinterlands was noted early on by Nerazik in her archaeological surveys of the oasis. More recently, Bolelov conducted a systematic review of the evidence for pottery production in Antique Khorezm⁴⁸. He proposes a typology of production sites based on the relative number of kilns, the spatial organization of the production sites, and the relationship between the sites and the overall settlement pattern. Bolelov discerned three types of production sites that were active simultaneously in Antique Khorezm: (1) craft settlements; (2) production centers; (3) separate pottery workshops.

The largest arrangements are the craft settlements, which consisted of unfortified conglomerations of separate farmstead-units, each farmstead-unit having its own set of associated kilns. Around the kilns and within the confines of the individual farmstead-units were processing areas, including pits used for mixing raw materials. Examples of craft settlements include Nurumskoi on the western outskirts of the Sarykamysh delta⁴⁹, a facility to the north of Babish-mullah in the Syr Darya delta⁵⁰, and possibly a smaller craft settlement at Khumbuz-tepe near the southernmost point of the Akcha Darya delta⁵¹. Based on their locations, Bolelov has proposed that the craft settlements were placed to take advantage of active zones of contact on the cultural and ecological boundaries of the irrigated deltas⁵².

Bolelov also identified nine “production centers” in Antique Khorezm. These were all located in close proximity to a water source (usually directly along the

пользование более совершенных методов исследований, а также усиление внимания к морской фауне могло бы помочь в разгадке некоторых аспектов античного Хорезма.

Ремесленное производство

Говоря о том, что археологические материалы по фауне не дают возможность в полной мере проследить динамику мобильности в античном Хорезме, автор в то же время выделяет то обстоятельство, что данные по ремесленному производству позволяют получить более четкую картину мобильности. Результаты раскопок и изучение материалов по производству керамических изделий показывают, что ремесленное производство осуществлялось в децентрализованных временных мастерских, располагавшихся на окраинах оазисных зон, линиях соприкосновения степи и оазиса, вдоль ирригационных каналов. Подобное размещение мастерских позволяло осуществлять поставки продукции в самые отдаленные места. Автор полагает, что с учетом организационной структуры данной системы население, вовлеченное в ремесленное производство и последующие поставки продукции, должно было вести подвижный образ жизни.

Многообразие участков ремесленного производства в сельских поселениях Хорезма отмечалось ранее Неразик в работах, посвященных изучению археологических материалов по оазисам. Позднее, Болелов осуществил систематический анализ артефактов керамического производства древнего Хорезма⁴⁸. Исследователь предложил собственную типологию участков производства керамики с учетом таких факторов, как численность керамических печей, пространственная организация производственных участков и отношения между производственными участками и поселением. С.Б. Болеловым выделены три типа участков керамического производства, действовавших в анализируемый период в древнем Хорезме: 1- ремесленные поселения; 2- производственные центры; 3- отдельные гончарные цеха.

Из них наиболее крупными являлись ремесленные поселения, состоявшие из неукрепленных конгломератов отдельных хозяйств; каждое хозяйство располагало собственными керамическими печами. Вокруг печей и внутри отдельных хозяйств находились производственные участки, включая специальные ямы для размешивания компонентов. К ремесленным пунктам указанного типа можно причислить Нурумское поселение на западной окраине Присарыкамьшской дельты⁴⁹; поселение на севере Бабиш-мулла в дельте реки Сырдарья⁵⁰, а также небольшое поселение Хумбуз-тепе близ самой южной точки Акчадарьинской дельты⁵¹. Исходя из месторасположения мастерских, Болелов предположил, что ремесленные

shores of an irrigation canal), and while they often had structures with traces of production activities, in all cases they lacked evidence for associated habitations⁵³. Production centers are found in rural zones at a distance from the monumental qalasitas. In some cases, such as at Kyuzeli-gyr, Kalali-gyr 1, Gyaurkala 3, and Khazarasp, they were established at abandoned qalatas⁵⁴. Based on the lack of evidence for permanent habitations, Bolelov proposes that the production centers were probably used on a seasonal basis. Their location within the irrigated deltas but away from known contemporary settlements may have served a practical function, separating the noxious fumes of kiln-firing from habitation areas and locating production next to vital clay and water resources. Their locations may also indicate attempts to distribute goods to a wide area, as was apparently the case with the craft settlements. Production centers are identified as early as the Archaic period at Kyuzeli-gyr. Other examples include a very large center near Gyaur-kala 1 and later production facilities near Yakke-Parsan⁵⁵. Gyaur-kala 1 is in fact only 20 kilometers from Nurumskoi at the western edge of the Sarykamysh delta and may be contemporary, indicating this was a particularly significant area for production and distribution⁵⁶.

Lastly, about half of the known ceramic production sites in Antique Khorezm can be described as separate production workshops in which one or two kilns are located next to a habitation structure. Usually these sites are found in the outer environs of a settlement or, less frequently, a qala fortification. Separate production workshops have the widest temporal distribution, and are known to exist throughout the Archaic and Antique periods, near early sites such as Dingil'dzhe and Kyuzeli-gyr and near later sites such as Kanga-gyrkala. Bolelov assumes that these sites represent the lowest output of production, conducted by perhaps three or four individuals residing in the associated habitation structure⁵⁷.

Bolelov's research shows that none of the Antique pottery production sites that have been investigated over 70 years of archaeological research in Khorezm are comparable to the potters' quarters that existed within city centers such as Merv, Afrasiab, or Er-kurgan in other, contemporary Central Asian oases⁵⁸. Considering the extensive amount of archaeological research that has been conducted in the Khorezm oasis, it seems hard to imagine that the region's pottery could have come from anywhere other than the already discovered production sites. The existing archaeological record strongly

поселения располагались таким образом, чтобы можно было поддерживать интенсивные контакты на культурных и экологических границах орошаемых участков⁵².

Кроме того, Болелов выделил девять «производственных центров» древнего Хорезма. Они располагались в относительной близости от водных источников (обычно вдоль ирригационного канала). Невзирая на часто фиксируемые следы производственной деятельности человека, исследователям не удалось получить свидетельства того, что в этих местах когда-то находились постоянные поселения⁵³. Заметим, что сельские производственные центры были расположены на некотором отдалении от монументальных крепостей. В ряде случаев, например в Кюзели-гыр, Калалы-гыр 1, Гяуркала 3 и Хазарасп, эти центры были обнаружены на заброшенной местности⁵⁴. С учетом того обстоятельства, что археологам не удалось обнаружить каких-либо признаков населенного пункта, Болелов выдвинул предположение о сезонном функционировании указанных производственных центров. По-видимому, их расположение близ ирригационных каналов, вдали от известных населенных пунктов преследовало практическую цель уберечь население от негативного воздействия ядовитого дыма обжиговых печей, а также иметь возможность пользоваться расположенными рядом необходимыми источниками глины и воды. Кроме того, их местоположение можно объяснить стремлением производителей реализовывать свою продукцию на более обширной площади, как это имело место с ремесленными поселениями. Производственные центры, расположенные в Кюзели-гыр, датируются раннеархаическим периодом. В качестве других примеров можно привести крупный производственный центр близ Гяур-кала-1, а также появившиеся позже центры близ Якке-Парсан⁵⁵. Фактически, Гяур-кала расположена всего лишь в 20 километрах от нынешнего Нурумского поселения в западной части Присарыкамьшской дельты, что лишнее раз подтверждает значимость указанного региона для производства и реализации керамической продукции⁵⁶.

Наконец, практически половину известных центров керамического производства античного Хорезма можно рассматривать в качестве самостоятельных производственных единиц, в которых одна или две печи размещались близ жилых кварталов. Как правило, эти места располагались за пределами населенного пункта либо, что происходило реже, на некотором расстоянии от фортификационных сооружений. Для некоторых производственных мастерских характерен чрезвычайно широкий хронологический диапазон времени. Достаточно отметить, что они располагались как вблизи ранних поселений, таких, как Дингильдже и Кюзели-гыр, так и

suggests that in Antique Khorezm, pottery commerce, and by extension at least one sector of the regional economy, was based on a rural production system that distributed goods by moving out to access the consumer base. Such a production and distribution scheme can help to explain the occurrence of Khorezmian Antique pottery in distant locations, such as the assemblages found in graves far to the west in the Aralo-Caspian region⁵⁹. This outward-oriented system would have required a significant degree of mobility on the part of producers. Mobile production may have also been encouraged by the environmental setting, as seasonal or temporary workshop would have been suited to follow the shifting water courses of the Amu and Syr Darya Rivers in order to acquire the good clay sources and water necessary for production.

Pottery workshops in Antique Khorezm were dispersed, ad hoc, and seasonal facilities. Their builders sought to place production in key locations where they would have access to resources and where they were positioned to supply their products to multiple sites⁶⁰. Unlike the potter's quarters inside the fortified walls of other Central Asian oasis towns, where pottery production was centralized and where consumers travelled in to acquire goods⁶¹, in Antique Khorezm ceramic production was organized in a way that required mobility on the part of producers for both production and distribution. Nevertheless, the ceramics these inhabitants produced show remarkable consistency in vessel assemblages, forms, decoration, and tempering across the entire oasis⁶², suggesting that mobile craftspeople must have passed a significant amount of technological and stylistic information between one another. This would have undoubtedly required frequent, dynamic interactions in mobile networks of exchange. These exchanges helped to produce the identifiable shared cultural features of Antique Khorezmian society. Though it is not possible to observe these networks directly through the lens of a fragmentary archaeological record, it is possible that they were a key factor in the integration of Khorezm as a regional entity, and in the formation of the Khorezmian nexus within Inner Eurasia.

Conclusion

Nomadic pastoralism and sedentary agriculture represent only the two most extreme poles along a continuum of highly diverse adaptive strategies⁶³. In Inner Eurasia, the physical environment of particular oasis and steppe zones may have favored one type of

более поздних поселений, таких, как Канга-гыр-кала. По мнению Болелова, эти производственные участки производили незначительный объем продукции, поскольку в них были заняты, как правило, лишь 3-4 ремесленника, жившие поблизости⁵⁷.

Проведенное Болеловым исследование показывает, что ни один из античных центров керамического производства, исследованных в течение 70 лет археологических работ в Хорезме, несравним с кварталами гончаров в городских центрах Мерва, Афрасиаба или Ер-курмана, а также в других современных центральноазиатских оазисах⁵⁸. Учитывая внушительный объем археологических исследований, осуществленных в Хорезмском оазисе, трудно представить, что керамические изделия данного региона могли производиться в каком-либо другом месте помимо уже установленных производственных участков. Результаты археологических работ убедительно показывают, что торговля керамической продукцией, несомненно, будучи одним из секторов региональной торговли древнего Хорезма, основывалась на сельской системе производства, снабжавшей население товарами путем доставки их к потребителям. Подобная схема производства и распределения объясняет то обстоятельство, что образцы древнехорезмийской керамики обнаруживаются в достаточно отдаленных местах, например, в археологических находках погребений, расположенных далеко к западу от Арало-Каспийского региона⁵⁹. Данная система, требовала значительную степень мобильности со стороны производителей. Мобильное производство также могло быть обусловлено природными факторами: при создании сезонных или временных мастерских принимались во внимание смещающиеся водные потоки рек Амударья и Сырдарья, поскольку в этом случае речь шла о получении необходимых для керамического производства соответствующих объемов глины и воды.

Следует иметь в виду, что места для керамических мастерских в античном Хорезме выбирались специально. Строители стремились расположить мастерские в ключевых местах, откуда были возможны доступ к сырью, а также удобные поставки продукции потребителям⁶⁰. В отличие от ремесленных кварталов гончаров, расположенных внутри укрепленных стен других городов-оазисов центрально-азиатского региона, где керамическое производство носило централизованный характер и потребители должны были сами отправляться за товаром⁶¹, производство керамики в древнем Хорезме было организовано таким образом, что производители вынуждены были перемещаться при производстве и поставках своей продукции. Тем не менее, керамика, произведенная указанной прослойкой населения, пред-

subsistence regime over another, but recent research has shown that mixed strategies were often employed across the continent⁶⁴. The different kinds of mobility used to achieve mixed strategies in Inner Eurasia created dynamic interactions among highly mobile, semi-mobile and sedentary individuals connected in broad and uneven social networks⁶⁵. These networks of people moving across different localities at different rates and in different ways fostered socio-political developments with significant implications at the global scale. They united local communities through communication and exchanges that were at once highly complex, but also disorderly and diffuse⁶⁶.

The archaeology of Antique Khorezm suggests that mobility was a factor in the lives of its ancient inhabitants. Despite its agrarian base, this paper has shown that many, multivalent forms of mobility were encouraged by the dynamics of the oasis environment. These diverse forms of mobility can be observed in ancient Khorezmian settlement, subsistence, and production practices. Further examination of new and existing data can provide valuable additional information on these practices, articulating the local processes that defined this oasis region and led to its development as an important nexus within the wider pulses of Eurasia.

Acknowledgements: The ideas presented here were originally developed for a paper presented at the 2010 Annual Meeting of the Society of American Archaeology in St. Louis, MO, for the session "Local and Global Change: Landscape, Climate, Socio-Political Interaction, and World Systems Analysis in Eurasian Archaeology." I would like to thank the organizers of that session, Claudia Chang and Nicholas Efremov-Kendall, for their invitation to participate and for their feedback. I am likewise especially grateful for the insightful comments provided by the discussant for that session, Bryan Hanks, which greatly improved the archaeofaunal analyses presented here.

¹ **Gunder Frank, Andre.** The Centrality of Central Asia. *Studies in History* 8(1). P. 57-58. 1992.

² **Lombard, Maurice.** The Golden Age of Islam Amsterdam: North Holland. 1975; **Barfield, Thomas. J.** 'The Centrality of Central Asia': A Dialogue with Frank. *Studies in History* 8. P. 99-122. 1992.

³ **Gunder Frank, Andre.** The Centrality of Central Asia. *Studies in History* 8(1).P. 57-58. 1992.

⁴ **Lattimore, Owen.** Inner Asian Frontiers of China. New York: American Geographical Society. 1940.

⁵ **Chang, Claudia.** Lines of Power: Equality or Hierarchy

ставляет собой совершенную продукцию с точки зрения изготовления сосудов, их форм и украшений⁶². Исходя из вышесказанного, можно предположить, что мобильные ремесленники, по всей видимости, обменивались друг с другом технологической и стилистической информацией. Вне сомнения, данное обстоятельство требовало частого и динамичного взаимодействия между ними в рамках мобильных систем обмена. Подобный обмен способствовал возникновению ярко выраженных культурных черт древнехорезмийского общества. Хотя невозможно непосредственно лицезреть указанные системы сквозь призму фрагментарных археологических данных, можно предположить, что они являлись ключевым фактором региональной интеграции Хорезма и формирования хорезмийского «ядра» в рамках внутренней Евразии.

Заключение

Кочевое скотоводство и оседлое сельское хозяйство представляют собой два противоположных полюса высоко диверсифицированных адаптивных стратегий⁶³. Физические условия окружающей среды отдельной оазисной или степной зоны на евразийском пространстве могли благоприятствовать одному режиму существования; однако последние исследования показали, что на указанном пространстве часто применялись смешанные стратегии⁶⁴. Различные типы мобильности, используемые при реализации смешанных стратегий во внутренней Евразии, способствовали динамичному взаимодействию между высокомобильными, полумобильными и оседлыми массами, объединенными в широкие, разнородные по характеру социальные системы⁶⁵. Перемещение указанных людских масс по неравномерной местности, с различной скоростью и разным образом способствовало общественно-политическому развитию в глобальном масштабе. Социальным системам удалось объединить местные сообщества посредством использования некогда разрозненных и беспорядочных коммуникаций и обмена⁶⁶.

Изучение археологических данных по античному Хорезму позволяет заключить, что мобильность являлась существенным фактором в жизни древних обитателей данного региона. В статье показано, что, невзирая на аграрный характер общественной жизни Хорезма, многие формы мобильности проявились благодаря изменениям окружающей среды оазиса. Многообразные формы мобильности наблюдаются в древнехорезмийском поселении, образе жизни и производственной деятельности его обитателей. Дальнейшее изучение новых и уже имеющихся данных может пролить свет на характер этой деятельности, выявить локальные факторы, обуславив-

among the Iron Age Agro-pastoralists of Southeastern Kazakhstan. In *Regimes and Revolutions: Materiality and Authority across Eurasia from the Past and the Present*. G. Bike Yazıcioglu Charles Hartley, and Adam T. Smith, ed. Cambridge University Press. 2012; **Humphrey, Caroline, and David Sneath**. *The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia*. Durham, NC: Duke University Press. P. 1. 1999; **Salzman, Philip Carl**. Some General Observations Based on Research in Iran. *Journal of Anthropological Research* 58(2). P. 246. 2002.

⁶ **Frachetti, Michael D.** Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkeley: University of California Press. P.18,178. 2008. **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1).P. 2-38. 2012; **Sheller, Mimi, and John Urry**. The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning. A* 38. P. 210. 2006.

⁷ **Frachetti, Michael D.** Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe. In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe*. Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. P. 23. 2009; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). 2012; **Smith, Monica L.** Networks, Territories, and the Cartography of Ancient States. *Annals of the Association of American Geographers* 95(4). P. 832-849. 2005.

⁸ **Barfield, Thomas. J.** 'The Centrality of Central Asia': A Dialogue with Frank. *Studies in History* 8. P. 99-122.1992; **Sneath, David**. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press. 2007.

⁹ **Frachetti, Michael D.** Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkeley: University of California Press. P. 7. 2008; **Yablonsky, L.T.** 'Scythian Triad' and 'Scythian World'. In *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age*. Jeannine Davis-Kimball, E. M. Murphy, L. Koryakova and L.T. Yablonsky, ed. Pp. 3-8, Vol. International Series 890: British Archaeological Report. 2000.

¹⁰ **Sneath, David**. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press. 2007.

¹¹ **Tolstov S.P.** *Drevniy Khorezm*. Moskva. 1948.

¹² **Frachetti, Michael D.** Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkeley: University of California Press. P.16. 2008

¹³ **Dyson-Hudson, Neville**. *The Study of Nomads*. In *Perspectives on Nomadism*. William Irons and Neville Dyson-Hudson, eds. Leiden: Brill. 1972; **Kaufmann, Jeffrey C.** The Sediment of Nomadism. *History in Africa*. 36: 235-264. 2009; **Kelly, Robert L.** Mobility/Sedentism: Concepts, Archaeological Measures, and Effects. *Annual Review of Anthropology* 21. P. 43-46. 1992; **Sheller,**

шие трансформацию данного оазисного региона и его развитие в один из важнейших центров Евразии.

Признательность

Положения настоящей работы первоначально предназначались для статьи, представленной на ежегодную сессию Американского Археологического Общества (Сент-Луис, 2010 г.) под заголовком «Местные и глобальные изменения: анализ ландшафта, климата, общественно-политического взаимодействия и мировых систем в Евразийской археологии». В этой связи мне хотелось бы поблагодарить организаторов сессии Клаудию Чанг и Николая Ефремова-Кендалл за приглашение принять участие в работе сессии. Также хотелось бы выразить особую признательность Брайану Хэнксу за его комментарии, позволившие в значительной степени повысить научную ценность проведенного мной исследования археологической фауны изучаемого региона.

¹ **Gunder Frank, Andre.** The Centrality of Central Asia. *Studies in History* 8(1). P. 57-58. 1992.

² **Lombard, Maurice.** The Golden Age of Islam Amsterdam: North Holland. 1975; **Barfield, Thomas J.** 'The Centrality of Central Asia': A Dialogue with Frank. *Studies in History* 8. P. 99-122. 1992.

³ **Gunder Frank, Andre.** The Centrality of Central Asia. *Studies in History* 8(1). P. 59. 1992.

⁴ **Lattimore, Owen.** Inner Asian Frontiers of China. New York: American Geographical Society. 1940.

⁵ **Chang, Claudia.** Lines of Power: Equality or Hierarchy among the Iron Age Agro-pastoralists of Southeastern Kazakhstan. In *Regimes and Revolutions: Materiality and Authority across Eurasia from the Past and the Present*. G. Bike Yazıcıoğlu Charles Hartley, and Adam T. Smith, ed. Cambridge Cambridge University Press. 2012; **Humphrey, Caroline, and David Sneath.** The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia. Durham, NC: Duke University Press. P. 1. 1999; **Salzman, Philip Carl.** Some General Observations Based on Research in Iran. *Journal of Anthropological Research* 58(2). P. 246. 2002.

⁶ **Frachetti, Michael D.** Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkeley: University of California Press. P. 18,178. 2008. **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012; **Sheller, Mimi, and John Urry.** The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning, A* 38. P. 210. 2006.

⁷ **Frachetti, Michael D.** Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe. In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe*. Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. P. 23. 2009; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). 2012; **Smith, Monica L.** Networks, Territories, and the Cartography of Ancient States. *Annals of the Association of*

Mimi, and John Urry. The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A* 38. P. 207-226. 2006.

¹⁴ **Humphrey, Caroline, and David Sneath.** The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia. Durham, NC: Duke University Press. P.1.1999; **Kaufmann, Jeffrey C.** The Sediment of Nomadism. *History in Africa*. 36: 235-264. 2009; **Salzman, Philip Carl.** Some General Observations Based on Research in Iran. *Journal of Anthropological Research* 58(2): 245-264. 2002.

¹⁵ **Honeychurch, William, and Chunag Amartuvshin.** Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings: The "New" Old World Archaeology from the Eurasian Steppe. *Asian Perspectives* 46(1).P. 36-64. 2007; **Frachetti, Michael D.** Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkeley: University of California Press. P. 17. 2008; **Frachetti, Michael D.** Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe. In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe*. Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 2009; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012; **Sneath, David.** The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press. 2007.

¹⁶ **Angourikas, Andreas, et al.** Land Use Patterns in Central Asia. Step 1: The Musical Chairs Model. *Journal of Archaeological Method and Theory* 20. 2013; **Beckwith, Christopher I.** Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton, NJ: Princeton University. Press. 2009; **Chang, Claudia.** Mobility and Sedentism of the Iron Age Agro-pastoralists of Southeast Kazakhstan. In *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism*. Willeke Wendrich and Hans Bernard, ed. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology. 2008; **Chang, Claudia.** Lines of Power: Equality or Hierarchy among the Iron Age Agro-pastoralists of Southeastern Kazakhstan. In *Regimes and Revolutions: Materiality and Authority across Eurasia from the Past and the Present*. G. Bike Yazıcıoğlu Charles Hartley, and Adam T. Smith, ed. Cambridge Cambridge University Press. 2012; **Chang, Claudia, et al.** Iron Age Society and Chronology in South-East Kazakhstan. *Antiquity* 77(296):298-312. 2003; **Clarke, Derek, et al.** Reconstructing Irrigation at Otrar Oasis, Kazakhstan 800-1700AD. *Irrigation and Drainage* 54(4). P. 75-388. 2005; **De la Vaissiere, Etienne.** Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill. **Di Cosmo, Nicola.** 1994; *Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and its Significance in Chinese History.* *Journal of Asian Studies* 53(4). P. 1092-1126. 2005; **Honeychurch, William, and Chunag Amartuvshin.** Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings: The "New" Old World Archaeology from the Eurasian Steppe. *Asian Perspectives* 46(1). P. 36-64. 2007; **Jia, Peter Weiming, Alison Betts, and Xinhua Wu.**

American Geographers 95(4). P. 832-849. 2005.

⁸ **Barfield, Thomas J.** 'The Centrality of Central Asia': A Dialogue with Frank. *Studies in History* 8. P. 99-122. 1992; **Sneath, David.** *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia.* New York: Columbia University Press. 2007.

⁹ **Frachetti, Michael D.** *Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia.* Berkeley: University of California Press. P. 7. 2008; **Yablonsky, L.T.** 'Scythian Triad' and 'Scythian World'. In *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age.* Jeannine Davis-Kimball, E. M. Murphy, L. Koryakova and L.T. Yablonsky, ed. Pp. 3-8, Vol. International Series 890: British Archaeological Report. 2000.

¹⁰ **Sneath, David.** *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia.* New York: Columbia University Press. 2007.

¹¹ **Толстов С.П.** Древний Хорезм. М., 1948.

¹² **Frachetti, Michael D.** *Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia.* Berkeley: University of California Press. P. 16. 2008.

¹³ **Dyson-Hudson, Neville.** *The Study of Nomads.* In *Perspectives on Nomadism.* William Irons and Neville Dyson-Hudson, eds. Leiden: Brill. 1972; **Kaufmann, Jeffrey C.** *The Sediment of Nomadism.* *History in Africa* 36. P. 235-264. 2009; **Kelly, Robert L.** *Mobility/Sedentism: Concepts, Archaeological Measures, and Effects.* *Annual Review of Anthropology* 21. P. 43-46. 1992; **Sheller, Mimi and John Urry.** *The New Mobilities Paradigm.* *Environment and Planning A* 38. P. 207-226. 2006.

¹⁴ **Humphrey, Caroline, and David Sneath.** *The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia.* Durham, NC: Duke University Press. P.1. 1999; **Kaufmann, Jeffrey C.** *The Sediment of Nomadism.* *History in Africa* 36: 235-264. 2009; **Salzman, Philip Carl.** *Some General Observations Based on Research in Iran.* *Journal of Anthropological Research* 58(2). P. 245-264. 2002.

¹⁵ **Honeychurch, William, and Chunag Amartuvshin.** *Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings: The «New» Old World Archaeology from the Eurasian Steppe.* *Asian Perspectives* 46(1). P. 36-64. 2007; **Frachetti, Michael D.** *Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia.* Berkeley: University of California Press., P. 17. 2008; **Frachetti, Michael D.** *Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe.* In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe.* Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 2009; **Frachetti, Michael D.** *Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia.* *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012; **Sneath, David.** *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia.* New York: Columbia University Press. 2007.

¹⁶ **Angourikas, Andreas, et al.** *Land Use Patterns in Central Asia. Step 1: The Musical Chairs Model.* *Journal of Archaeological Method and Theory* 20. 2013; **Beckwith, Christopher I.** *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present.* Princeton, NJ: Princeton University. Press. 2009; **Chang, Claudia.** *Mobility and Sedentism of the Iron Age Agro-pastoralists of Southeast Kazakhstan.* In *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism.* Willeke Wendrich and Hans Bernard, ed. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology. 2008; **Chang, Claudia.** *Lines of Power: Equality or Hierarchy among the Iron Age Agro-pastoralists of Southeastern Kazakhstan.* In *Regimes and Revolutions: Materiality*

New Evidence for Bronze Age Agricultural Settlements in the Zhunge'er (Junggar) Basin, China. *Journal of Field Archaeology* 36(4). P. 269-280. 2011; **Miller Rosen, Arlene.** *Phytolith Evidence for Agro-Pastoral Economies in the Scythian Period of Southern Kazakhstan.* In Meunier, Jean Dominique and Colin, Fabrice (Eds.), *Phytoliths: Applications in Earth Sciences and Human History.* Swets and Zeitlinger, Lisse, The Netherlands, P. 183-198. 2001; **Miller Rosen, Arlene, Chang, Claudia, and Grigoriev, Fedor Pavlovich.** *Paleoenvironments and Economy of Iron Age Saka-Wusun Agro-Pastoralists in Southeastern Kazakhstan.* *Antiquity* 74(285). P. 611-623. 2000; **Motuzaitė-Matuzevičiūtė, Giedrė, Sergey Telizhenov, and Martin K. Jones.** *Archaeobotanical Investigations of Two Scythian-Samartian Period Pits in Eastern Ukraine: Implications for Floodplain Cereal Cultivation.* *Journal of Field Archaeology* 37(1). P. 51-61. 2012; **Stride, Sebastian Bernardo Rondelli, and Simone Mantellini.** *Canals Versus Horses: Political Power in the Oasis of Samarkand.* *World Archaeology* 41(1). P. 73-87. 2009.

¹⁷ *Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe.* In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe.* Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 2009; **Frachetti, Michael D.** *Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia.* *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012.

¹⁸ **Robinson, Sarah, et al.,** *Pastoral Tenure in Central Asia: Theme and Variation in the Five Former Soviet Republics.* In *Rangeland Stewardship in Central Asia,* Victor Squires, ed. Berlin: Springer. P.243-244. 2012.

¹⁹ **Skaff, Jonathan Karam.** *The Sogdian Trade Diaspora in East Turkestan during the Seventh and Eighth Centuries.* *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 46(4). P. 475-524. 2003.

²⁰ **Allsen, Thomas T.** *The Royal Hunt in Eurasian History.* Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press. 2006.

²¹ **Betts, A.V.G.** *Chorasmians, Central Asian Nomads, and Chorasmian Military Architecture.* In *The Military Architecture of Ancient Chorasmia,* Svend Helms, ed. Paris: de Boccard. 2006.

²² **Kelly, Robert L.** *Mobility/Sedentism: Concepts, Archaeological Measures, and Effects.* *Annual Review of Anthropology* 1992. P.48; **Salzman, Philip Carl.** *Some General Observations Based on Research in Iran.* *Journal of Anthropological Research.* P. 246. 2002.

²³ **Binford, Lewis J.** *Willow Smoke and Dogs' Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation.* *American Antiquity* 45(1). P. 4-20. 1980.

²⁴ **Weissner, Polly.** *Beyond Willow Smoke and Dogs' Tails: A Comment on Binford's Analysis of Hunter-Gatherer Settlement Systems.* *American Antiquity* 47(1) P.171-178. 1982.

²⁵ **Angourikas, Andreas, et al.** *Land Use Patterns in Central Asia. Step 1: The Musical Chairs Model.* *Journal of Archaeological Method and Theory* 20. 2013.

- and Authority across Eurasia from the Past and the Present. **G. Bike Yazıcioğlu Charles Hartley, and Adam T. Smith, ed.** Cambridge University Press. 2012; **Chang, Claudia**, et al. Iron Age Society and Chronology in South-East Kazakhstan. *Antiquity* 77 (296). P. 298-312. 2003; **Clarke, Derek**, et al. Reconstructing Irrigation at Otrar Oasis, Kazakhstan 800-1700 AD. *Irrigation and Drainage* 54(4). P. 75-88. 2005; **De la Vaissiere, Etienne**. Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill. 2005; **Di Cosmo, Nicola**. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and its Significance in Chinese History. *Journal of Asian Studies* 53(4). P. 1092-1126. 1994; **Honeychurch, William, and Chunag Amartuvshin**. Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings: The «New» Old World Archaeology from the Eurasian Steppe. *Asian Perspectives* 46(1). P. 36-64. 2007; **Jia, Peter Weiming, Alison Betts, and Xinhua Wu**. New Evidence for Bronze Age Agricultural Settlements in the Zhunge'er (Junggar) Basin, China. *Journal of Field Archaeology* 36(4). P. 269-280. 2011; **Miller Rosen, Arlene**. Phytolith Evidence for Agro-Pastoral Economies in the Scythian Period of Southern Kazakhstan. In Meunier, Jean Dominique and Colin, Fabrice (Eds.), *Phytoliths: Applications in Earth Sciences and Human History*. Swets and Zeitlinger, Lisse, Netherlands, P. 183-198. 2001; **Miller Rosen, Arlene, Chang, Claudia, and Grigoriev, Fedor Pavlovich**. Paleoenvironments and Economy of Iron Age Saka-Wusun Agro-Pastoralists in Southeastern Kazakhstan. *Antiquity* 74(285). P. 611-623. 2000; **Motuzaitė-Matuzevičiute, Giedre, Sergey Telizheno, and Martin K. Jones**. Archaeobotanical Investigations of Two Scythian-Samartian Period Pits in Eastern Ukraine: Implications for Floodplain Cereal Cultivation. *Journal of Field Archaeology* 37(1). P. 51-61. 2012; **Stride, Sebastian Bernardo Rondelli, and Simone Mantellini**. Canals Versus Horses: Political Power in the Oasis of Samarkand. *World Archaeology* 41(1). P. 73-87. 2009.
- ¹⁷ Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe. In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe*. Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 2009; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012.
- ¹⁸ **Robinson, Sarah**, et al. Pastoral Tenure in Central Asia: Theme and Variation in the Five Former Soviet Republics. In *Rangeland Stewardship in Central Asia*, Victor Squires, ed. Berlin: Springer. P. 243-244. 2012.
- ¹⁹ **Skaff, Jonathan Karam**. The Sogdian Trade Diaspora in East Turkestan during the Seventh and Eighth Centuries. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 46 (4). P. 475-524. 2003.
- ²⁰ **Allsen, Thomas T.** *The Royal Hunt in Eurasian History*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press. 2006.
- ²¹ **Betts, A.V.G.** Chorasians, Central Asian Nomads, and Chorasmian Military Architecture. In *The Military Architecture of Ancient Chorasmia*, Svend Helms, ed. Paris: de Boccard. 2006.
- ²² **Kelly, Robert L.** Mobility/Sedentism: Concepts, Archaeological Measures, and Effects. *Annual Review of Anthropology*. P. 48. 1992; **Salzman, Philip Carl**. Some General Observations Based on Research in Iran. *Journal of Anthropological Research* P. 246. 2002.
- ²³ **Binford, Lewis J.** Willow Smoke and Dogs' Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation. *American Antiquity* 45(1). P. 4-20. 1980.
- ²⁴ **Weissner, Polly**. Beyond Willow Smoke and Dogs' Tails: A Comment on Binford's Analysis of Hunter-Gatherer Settlement Systems. *American Antiquity* 47(1). P. 171-178. 1982.
- ²⁶ **Stride, Sebastian Bernardo Rondelli, and Simone Mantellini**. Canals Versus Horses: Political Power in the Oasis of Samarkand. *World Archaeology* 41(1). P. 73-87. 2009.
- ²⁷ **Gunder Frank, Andre**. The Centrality of Central Asia. *Studies in History* 8(1) P. 52. 1992.
- ²⁸ **Boomer, Ian, Nicolai Aladin, Igor Plotnikov, Robin Whatley**. The Paleolimnology of the Aral Sea: a review. *Quaternary Science Reviews* 19. P.1259-1278. 2000; **Boomer, I., B. Wunermann, A.W. Mackay, P. Austin, P. Sorrel, C. Reinhardt, D. Keyser, F. Boroffka, Nikolaus, et al.** Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea. *Geoarchaeology* 21(7). P. 721-734. 2009; **Reinhardt, D. Keyser, F. Boroffka, Nikolaus, et al.** Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea. *Geoarchaeology* 21(7). P. 721-734. 2006; **Cretaux, Jean-Fracois, Rene Letolle, and Muriel Berge-Nguyen**. History of Aral Sea Level Variability and Current Scientific Debates. *Global and Planetary Change* 110, Part A: 99-113. 2013; **Letolle R., Micklin P., Aladin N. and Plotnikov I.** Uzboy and the Aral Regressions: A Hydrological Approach. *Quaternary International* 173-174. P. 125-136. 2007; **Oberhänsli, H., Boroffka N., Sorrel P. and Krivonogov S.** Climate Variability During the Past 2000 Years and Past Economic and Irrigation Activities in the Aral Sea Basin. *Irrigation and Drainage Systems* 21. P. 167-183. 2007; **Reinhardt, Christian, Bernd Wunemann, Sergey K. Krivonogov**. Geomorphological Evidence for the Late Holocene Evolution and the Holocene Lake Level Maximum of the Aral Sea. *Geomorphology* 93. P. 302-315. 2008; **Sorrel, P., S.-M. Popescu, M.J. Head, J.P. Suc, S. Klotz and H. Oberhänsli**. Hydrographic Development of the Aral Sea During the Last 2000 Years Based on a Quantitative Analysis of Dinoflagellate Cysts. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 234. P. 304-327. 2006; **Tolstov, S.P. and A.S. Kes**. Nizov'ia Amu-Dar'i, Sarykamysh, Uzboy, Istoriya Formirovaniya i Zaseleniya. *Materialy Khorezmskoy Ekspeditsii* 3. Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, Moskva. 1960.
- ²⁹ **Oberhänsli, H., Boroffka N., Sorrel P. and Krivonogov S.** Climate Variability During the Past 2000 Years and Past Economic and Irrigation Activities in the Aral Sea Basin. *Irrigation and Drainage Systems* 21. P. 167-183. 2007.
- ³⁰ **Khozhaniyazov, G.** The Military Architecture of Ancient Chorasmia (6th century B.C. - 4th century A.D.). S.W. Helms, ed. Paris: de Boccard. 2006; **Tolstov S.P.** Drevniy Khorezm. Moskva. 1948; **Tolstov S.P.** Po Drevnim Del'tam Oksa i Yaksarta. Izdatel'stvo Vostochnoy Literaturi, Moskva. 1962.
- ³¹ **Betts, A.V.G.** Chorasians, Central Asian Nomads, and Chorasmian Military Architecture. In *The Military Architecture of Ancient Chorasmia*, Svend Helms, ed. Paris: de Boccard. 2006; **Negus Cleary, M.** The Ancient Oasis Landscape of Choramia: the Role of the Kala in Central Asian Settlement Patterns. In *Social Orders and Social Landscapes*, Laura Popova, Charles W. Hartley, and Adam T. Smith, eds. Cambridge: Cambridge Scholars

- ²⁵ **Angourikas, Andreas, et al.** Land Use Patterns in Central Asia. Step 1: The Musical Chairs Model. *Journal of Archaeological Method and Theory* 20. 2013.
- ²⁶ **Stride, Sebastian Bernardo Rondelli, and Simone Mantellini.** Canals Versus Horses: Political Power in the Oasis of Samarkand. *World Archaeology* 41(1). P. 73-87. 2009.
- ²⁷ **Gunder Frank, Andre.** The Centrality of Central Asia. *Studies in History* 8(1). P. 52. 1992.
- ²⁸ **Boomer, Ian, Nicolai Aladin, Igor Plotnikov, Robin Whatley,** The Paleolimnology of the Aral Sea: a review. *Quaternary Science Reviews* 19. P. 1259-1278. 2000; **Boomer, I., B. Wunermann, A.W. Mackay, P. Austin, P. Sorrel, C. Reinhardt, D. Keyser, F. Boroffka, Nikolaus, et al.** Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea. *Geoarchaeology* 21(7). P. 721-734. 2009; **Reinhardt, D. Keyser, F. Boroffka, Nikolaus, et al.** Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea. *Geoarchaeology* 21(7). P. 721-734. 2006; **Cretaux, Jean-Francois, Rene Letolle, and Muriel Berge-Nguyen.** History of Aral Sea Level Variability and Current Scientific Debates. *Global and Planetary Change* 110, Part A. P. 99-113. 2013; **Letolle R., Micklin P., Aladin N. and Plotnikov I.** Uzboy and the Aral Regressions: A Hydrological Approach. *Quaternary International* 173-174. P. 125-136. 2007; **Oberhänsli, H., Boroffka N., Sorrel P. and Krivonogov S.** Climate Variability During the Past 2000 Years and Past Economic and Irrigation Activities in the Aral Sea Basin. *Irrigation and Drainage Systems* 21. P. 167-183. 2007; **Reinhardt, Christian, Bernd Wunemann, Sergey K. Krivonogov.** Geomorphological Evidence for the Late Holocene Evolution and the Holocene Lake Level Maximum of the Aral Sea. *Geomorphology* 93. P. 302-315. 2008; **Sorrel, P., S.-M. Popescu, M.J. Head, J.P. Suc, S. Klotz and H. Oberhänsli.** Hydrographic Development of the Aral Sea During the Last 2000 Years Based on a Quantitative Analysis of Dinoflagellate Cysts. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 234. P. 304-327. 2006; **Толстов С.П., Кесь А.С.** Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамьша Узбоя. История формирования и заселения // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 3. М., 1960.
- ²⁹ **Oberhänsli, H., Boroffka N., Sorrel P. and Krivonogov S.** Climate Variability During the Past 2000 Years and Past Economic and Irrigation Activities in the Aral Sea Basin. *Irrigation and Drainage Systems* 21. P. 167-183. 2007.
- ³⁰ **Khozhaniazov, G.** 2006. The Military Architecture of Ancient Chorasmia (6th century B.C. - 4th century A.D.). S.W. Helms, ed. Paris: de Boccard. 2006; **Толстов С.П.** Древний Хорезм. М., 1948; **Толстов С. П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- ³¹ **Betts, A.V.G.** Chorasmians, Central Asian Nomads, and Chorasmian Military Architecture. In *The Military Architecture of Ancient Chorasmia*, Svend Helms, ed. Paris: de Boccard. 2006; **Negus Cleary, M.** The Ancient Oasis Landscape of Choramia: the Role of the Qala in Central Asian Settlement Patterns. In *Social Orders and Social Landscapes*, Laura Popova, Charles W. Hartley, and Adam T. Smith, eds. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, P. 334-358. 2007; **Negus Cleary, M.** Walls in the Desert: the Phenomenon of Central Asian Urbanism in Ancient Chorasmia. In *Art, Architecture and Religion on the Silk Roads*, K. Parr, ed. Turnhout: Ancient History Documentary Research Centre, Macquarie University; Brepols: P. 51-78. 2008; **Lamberg-Karlovsky, C.C.** The Bronze Age Khanates of Central Asia. *Antiquity* 68(259). P. 398-405. 1994.
- ³² **Negus Cleary, M.** The Ancient Oasis Landscape of Choramia: the Role of the Qala in Central Asian Settlement Patterns. In *Social Orders and Social Landscapes*, Laura Popova, Charles W. Hartley, and Adam T. Smith, eds. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, P. 334-358. 2007; **Negus Cleary, M.** Walls in the Desert: the Phenomenon of Central Asian Urbanism in Ancient Chorasmia. In *Art, Architecture and Religion on the Silk Roads*, K. Parr, ed. Turnhout: Ancient History Documentary Research Centre, Macquarie University; Brepols: P. 51-78. 2008.
- ³³ **Nerazik E.E.** Sel'skoe Zhilishche v Khorezme (I - XIV vv.). Nauka, Moskva. 1976.
- ³⁴ **Andrianov B.V.** Drevnie Orositel'niye Sistemy Priaral'ya (v svyazi s istoriey vznikeniya i razvitiya oroshaemogo zemledeliya. Nauka, Moskva. 1969.
- ³⁵ **Tsvetsinskaya, E.A., B.I. Vainberg, and E.V. Glushko.** An Integrated Assessment of Landscape Evolution, Long-term Climate Variability, and Land Use in the Amudarya Prisar'ykamys' Delta. *Journal of Arid Environments* 51. P. 363-381. 2002.
- ³⁶ **Tsalkin V.I.** Fauna Antichnogo i rannesrednevekovogo Khorezma. *Trudy Khorezmskoy Arkheologo-Etnograficheskoy Ekspeditsii* 1. 1952; **Tsalkin, V.I.** Drevnee zhivotnovodstvo plemen Vostochnoy Evropy i Sredney Azii / Materialy i Issledovaniya po Arkheologii SSSR 135. Nauka, Moskva. 1966.
- ³⁷ **Vorob'eva M.G.** Dingildzhe v Drevnem Khorezme. Nauka, Moskva. 1973.
- ³⁸ **Nerazik, E.E.** Sel'skie Poseleniya Afrigidskogo Khorezma. Moskva: Nauka. 1966.
- ³⁹ **Morales Muniz, A. and E. Antipina.** Srubnaya Faunas and Beyond: A Critical Assessment of the Archaeozoological Information from the East European Steppe. In *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*, M. Levine, C. Renfrew, and K. Boyle, eds. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. P. 335-336. 2003.
- ⁴⁰ **Robinson, Sarah, et al.,** Pastoral Tenure in Central Asia: Theme and Variation in the Five Former Soviet Republics. In *Rangeland Stewardship in Central Asia*, Victor Squires, ed. Berlin: Springer. P. 243-244. 2012.
- ⁴¹ **Reitz, Elizabeth J. and Elizabeth S. Wing.** 1999. Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 107-108. 1999.
- ⁴² Real species diversity is unknowable because collection strategies have overlooked small taxa (particularly birds and fish).
- ⁴³ The results from these two sites, Kyuzeli-gyr (Sarykamys' 6th cen. BC) and Toprak-kala (Akcha Darya, 3rd cen. AD), are interesting. A quick review of their species lists suggests that the additional diversity seen at Topr-

- and Social Landscapes, Laura Popova, Charles W. Hartley, and Adam T. Smith, eds. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 334-358. 2007; **Negus Cleary, M.** Walls in the Desert: the Phenomenon of Central Asian Urbanism in Ancient Chorasnia. In *Art, Architecture and Religion on the Silk Roads*, K. Parr, ed. Turnhout: Ancient History Documentary Research Centre, Macquarie University; P. 51-78. Brepols. 2008.
- ³³ **Неразник Е.Е.** Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) М., 1976.
- ³⁴ **Андрианов Б.В.** Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.
- ³⁵ **Tsvetsinskaya, E.A., B.I. Vainberg, and E.V. Glushko.** An Integrated Assessment of Landscape Evolution, Long-term Climate Variability, and Land Use in the Amudarya Pristarykamysch Delta. *Journal of Arid Environments* 51. P. 363-381. 2002.
- ³⁶ **Цалкин В.И.** Фауна античного и раннесредневекового Хорезма // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1952; **Цалкин В.И.** Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 135. М., 1966.
- ³⁷ **Воробьева М.Г.** Дингильдже в Древнем Хорезме. М., 1973.
- ³⁸ **Неразник Е.Е.** Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- ³⁹ **Morales Muniz, A. and E. Antipina.** Srubnaya Faunas and Beyond: A Critical Assessment of the Archaeozoological Information from the East European Steppe. In *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*, M. Levine, C. Renfrew, and K. Boyle, eds. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. P. 335-336. 2003.
- ⁴⁰ **Robinson, Sarah, et al.,** Pastoral Tenure in Central Asia: Theme and Variation in the Five Former Soviet Republics. In *Rangeland Stewardship in Central Asia*, Victor Squires, ed. Berlin: Springer. P. 243-244. 2012.
- ⁴¹ **Reitz, Elizabeth J. and Elizabeth S. Wing.** Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 107-108. 1999.
- ⁴² Фактическое разнообразие видов неизвестно, поскольку некоторые малые виды, в частности, птицы и рыбы, остались вне сферы внимания исследователей вследствие несовершенства используемых ныне методов сбора материала.
- ⁴³ Заслуживают внимания результаты исследований по двум раскопкам Кюзели-гыр (Сарыкамыш, VI век до н. э.). Из краткого списка установленных биологических видов можно заключить, что многообразие видов, наблюдаемое в Топрак-кале, приходится на мелких и крупных диких млекопитающих. В этой связи можно предположить рост охоты в этой зоне в III веке н. э. К сожалению, отсутствие подробных сведений не дает возможности определить, отражает ли эта разница изменения в жизни тогдашнего населения; или она вытекает из сопоставления двух совершенно разных контекстов, например, сравнения ритуального и бытового контекстов.
- ⁴⁴ **Цалкин В.И.** Фауна античного и раннесредневекового Хорезма // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. С. 215. М., 1952; **Цалкин В.И.** Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 135. С. 155. М., 1966.
- ⁴⁵ **Morales Muniz, A. and E. Antipina.** Srubnaya Faunas and Beyond: A Critical Assessment of the Archaeozoological Information from the East European Steppe. In *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*, M. Levine, C. Renfrew, and K. Boyle, eds. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, P. 340. 2003.
- ⁴⁶ Основываясь на скудности археологического материала, совет-
- akkala is attributable to small and large wild mammals. This may suggest an increase in hunting activities at this site in the 3rd century. AD. Unfortunately, more detailed information on find contexts are not reported for these assemblages, making it impossible to determine if this difference is reflective of subsistence change, or the result of comparing two very different contexts (such as ritual vs. domestic, or domestic vs. midden, etc.).
- ⁴⁴ **Tsalkin V.I.** Fauna Antichnogo i rannesrednevekovogo Khorezma / Trudy Khorezmskoy Arkheologo-Etnograficheskoy Ekspeditsii. T. 1. Pp. 215. Moskva. 1952; **Tsalkin V.I.** Drevnee zhivotnovodstvo plemen Vostochnoy Evropy i Sredney Azii. Materialy i Issledovaniya po Arkheologii SSSR Vyp. 135. P. 155. Moskva. 1966.
- ⁴⁵ **Morales Muniz, A. and E. Antipina.** Srubnaya Faunas and Beyond: A Critical Assessment of the Archaeozoological Information from the East European Steppe. In *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*, M. Levine, C. Renfrew, and K. Boyle, eds. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. P. 340. 2003.
- ⁴⁶ Soviet scholars assumed that wild taxa were not a significant part of Khorezmian subsistence practices because they are not consistently found in archaeofaunal assemblages. However, this study has shown that these less frequent taxa should not necessarily be expected in samples of less than 2000 specimens. In the few cases where site assemblages meet this criterion or come close to it, a diversity of wild taxa is the norm.
- ⁴⁷ **Frachetti, Michael D.** Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkeley: University of California Press. P. 48. 2008; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012.
- ⁴⁸ **Bolelov S.B.** Goncharstvo drevnego Khorezma: formi organizatsii remesla // Etnograficheskoe obozrenie. Vipusk 2. P. 63-75. 1997; **Bolelov S.B.** Goncharstvo drevnego Khorezma po arkheologicheskim dannim (vtoraya polovina I tis. do n.e. – pervaya polovina I tis. n.e.). Kand. diss. Moskva. 2005a; **Bolelov S.B.** Raskopki usad'bi v Nurumskom oazise (Severnaya Turkmeniya). Problemi istorii, filologii, kulturi. Vipusk 15. P. 90-110. 2005b.; **Bolelov S.B.** Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii vo vtoroy polovine I tis. do n.e. – pervoy polovine I tis. n.e. // Possiyskaya arkheologiya. Vipusk 3. P. 116-127. 2006.
- ⁴⁹ **Bolelov S.B.** Raskopki usad'bi v Nurumskom oazise (Severnaya Turkmeniya). Problemi istorii, filologii, kulturi. Vyp. 15. P. 90-110. 2005b.
- ⁵⁰ **Vaynberg B.I., Levina L.M.** Nizov'ya Sirdar'I v drevnosti. Chirikrabskaya kul'tura. P. 18-19, ris. 4. Moskva. 1993.
- ⁵¹ **Mambetullaev M.** Khumbuz-tepe – keramicheskij tsentr Yujnogo Khorezma // Arkheologiya Priaral'ya. Vyp. 2. P. 80-91. Tashkent. 1984.
- ⁵² **Bolelov S.B.** Goncharstvo drevnego Khorezma po arkheologicheskim dannim (vtoraya polovina I tis. do n.e. – pervaya polovina I tis. n.e.). Avtoref. kand. diss. Moskva. P. 10. 2005a.

ские ученые полагали, что представители дикой фауны не играли существенной роли в жизни Хорезма. Однако в настоящем исследовании показано, что редко встречающиеся виды необязательно должны присутствовать в выборке, состоящей менее чем из 2000 экземпляров. В тех редких случаях, когда собранный материал отвечает данному критерию или близок к нему, разнообразие представителей дикой фауны считается нормой.

⁴⁷ **Frachetti, Michael D.** Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkeley: University of California Press. P. 48. 2008; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012.

⁴⁸ **Боделов С.Б.** Гончарство древнего Хорезма: формы организации ремесла // Этнографическое обозрение. Вып. 2. С. 63-75. 1997; **Боделов С.Б.** Гончарство древнего Хорезма по археологическим данным (вторая половина I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н.э.). Автореф. канд. дисс. Москва. 2005a; **Боделов С.Б.** Раскопки усадьбы в Нурумском оазисе (Северная Туркмения). Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 15. С. 90-110. 2005b; **Боделов С.Б.** Гончарное производство Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. // Российская археология. Вып. 3. С. 116-127. 2006.

⁴⁹ **Боделов С.Б.** Раскопки усадьбы в Нурумском оазисе (Северная Туркмения). Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 15. С. 90-110. 2005b.

⁵⁰ **Вайнберг Б.И., Левина Л.М.** Низовья Сырдарьи в древности. Чирикратская культура. С.18-19, рис. 4. М., 1993.

⁵¹ **Мамбетуллаев М.** Хумбузтепе – керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. 2. С. 80-91. Ташкент, 1984.

⁵² **Боделов С.Б.** Гончарство древнего Хорезма по археологическим данным (втор.пол.I тыс. до н. э.-первая половина I тыс. н.э.). Автореф. канд. дисс. С. 10. М., 2005a.

⁵³ **Боделов С.Б.** Гончарство древнего Хорезма по археологическим данным (вторая половина I тыс. до н. э.- первая половина I тыс. н.э.). Автореф. канд. дисс. С. 9. М., 2005a; **Боделов С.Б.** Гончарное производство Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Российская археология. Вып. 3. С. 122. 2006.

⁵⁴ **Боделов С.Б.** Гончарство древнего Хорезма: формы организации ремесла // Этнографическое обозрение. Вып. 2. С. 66. 1997; **Мамбетуллаев М.** Хумбузтепе – керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. 2. С. 37. Ташкент, 1984; **Воробьева М. Г., Лапиров–Скобло М.С., Неразик Е.Е.** Археологические работы в Хазараспе // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. С. 174. М., 1963.

⁵⁵ **Боделов С.Б.** Гончарное производство Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Российская археология. Вып. 3. 2006.

⁵⁶ Следы жилых кварталов на производственном участке Гяур-кала I и вокруг него позволяют предположить, что это был ремесленный поселок, а не сезонный производственный центр; однако, на данном участке здесь еще не были проведены археологические исследования, могущие подтвердить либо опровергнуть эти предположения. Сведения, связанные с поселением Гяур-кала и центром керамического производства, а также с аналогичным, но меньшего размера производственным участком близ Туз-гыра, содержатся в исследовании, осуществленном Неразик (**Неразик Е.Е.** Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). С. 16-18. М., 1976).

⁵⁷ **Боделов С.Б.** Гончарное производство Средней Азии во второй

⁵³ **Bolelov S.B.** Goncharstvo drevnego Khorezma po arkheologicheskim dannim (vtoraya polovina I tis. do n.e. – pervaya polovina I tis. n.e.). Avtoref. kand.diss. P. 9. Moskva. 2005a; **Bolelov S.B.** Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii vo vtoroy polovine I tis. do n.e. – pervoy polovine I tis. n.e. // Possiyskaya arkheologiya. Vyp. 3. P. 122. 2006.

⁵⁴ **Bolelov S.B.** Goncharstvo drevnego Khorezma: formi organizatsii remesla // Etnograficheskoe obozrenie. Vipusk 2. P. 66. 1997; **Mambetullaev M.** Khumbuz-tepe – keramicheskii tsentr Yujnogo Khorezma // Arkheologiya Priaral'ya. Vyp. 2. P. 37. Tashkent. 1984; **Vorob'eva M.G., Lapirov-Skoblo M.S., Nerazik E.E.** Arkheologicheskie raboti v Khazaraspe // Materiali Khorezmskoy ekspeditsii. Vyp. 6. P.174. Moskva.1963.

⁵⁵ **Bolelov S.B.** Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii vo vtoroy polovine I tis. do n.e. – pervoy polovine I tis. n.e. // Possiyskaya arkheologiya. Vyp. 3. P. 122. Moskva. 2006.

⁵⁶ Traces of habitations at the Gyuar-kala 1 production site and its location may indicate that it is a craft settlement and not a seasonal production center, however no archaeological investigations have been conducted here that can confirm or reject these inferences. For more information on the Gyuar-kala settlement and ceramic production site, and a similar but smaller production arrangement at nearby Tuz-gyr, see Nerazik (**Nerazik E.E.** Sel'skoe Zhilishche v Khorezme (I - XIV vv.). Nauka, S.16-18. Moskva. 1976.).

⁵⁷ **Bolelov S.B.** Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii vo vtoroy polovine I tis. do n.e. – pervoy polovine I tis. n.e. // Possiyskaya arkheologiya. Vyp. 3. P. 124. Moskva. 2006.

⁵⁸ **Bolelov S.B.** Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii vo vtoroy polovine I tis. do n.e. – pervoy polovine I tis. n.e. // Possiyskaya arkheologiya. Vyp. 3. P. 118-121. Moskva. 2006; **Mambetullaev M.** Khumbuz-tepe – keramicheskii tsentr Yujnogo Khorezma // Arkheologiya Priaral'ya. Vyp. 2. P. 37. Tashkent. 1984.

⁵⁹ **Betts, A.V.G., and V.N. Yagodin.** The Fire Temple at Tash-k'irman Tepe, Chorasmia. In After Alexander: Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy 133. J. Cribb and G. Herrmann, eds. Oxford: Oxford University Press. P. 36-39. 2007.

⁶⁰ **Bolelov S.B.** Goncharstvo drevnego Khorezma: formi organizatsii remesla // Etnograficheskoe obozrenie. Vyp. 2. P. 70-71. Moskva. 1997.

⁶¹ **Bolelov S.B.** Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii vo vtoroy polovine I tis. do n.e. – pervoy polovine I tis. n.e. // Possiyskaya arkheologiya. Vyp. 3. P. 116-127. Moskva. 2006.

⁶² **Nerazik E.E.** Keramika Afrighidskogo Khorezma. In Keramika Khorezma. M.G. Vorob'eva, ed. Moskva, 1959. **Nerazik E.E.** Rannee srednevekov'e v Khorezme // Etnograficheskoe obozrenie. Vyp. 1. P. 41-59. Moskva. 1997.

⁶³ **Salzman, Philip Carl.** Pastoralists: Equality, Hierarchy and the State. Boulder, CO: Westview Press. P. 34. 2004.

⁶⁴ **Angourikas, Andreas, et al.** Land Use Patterns in Central Asia. Step 1: The Musical Chairs Model. *Journal of Archaeological Method and Theory* 20. 2013; **Beckwith,**

половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Российская археология. Вып. 3. С. 124. М., 2006.

⁵⁸ **Болелов С.Б.** Гончарное производство Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Российская археология. Вып. 3. С. 118-121. М., 2006; **Мамбетгуллаев М.** Хумбузтепе – керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. 2. С. 37. Ташкент, 1984.

⁵⁹ **Betts, A.V.G., and V.N. Yagodin.** The Fire Temple at Tash-k'irman Tepe, Chorasmia. In *After Alexander: Central Asia before Islam*. Proceedings of the British Academy 133. J. Cribb and G. Herrmann, eds. Oxford: Oxford University Press. P. 36-39. 2007.

⁶⁰ **Болелов С.Б.** Гончарство древнего Хорезма: формы организации ремесла // Этнографическое обозрение. Вып. 2. С. 70-71. М., 1997.

⁶¹ **Болелов С.Б.** Гончарное производство Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Российская археология. Вып. 3. С. 116-127. М., 2006.

⁶² **Nerazik E.E.** Керамика афригидского Хорезма // Керамика Хорезма. М., 1959; **Неразик Е.Е.** Ранее средневековье в Хорезме // Этнографическое обозрение. Вып. 1. С. 41-59. М., 1997.

⁶³ **Salzman, Philip Carl.** Pastoralists: Equality, Hierarchy and the State. Boulder, CO: Westview Press. P. 34. 2004.

⁶⁴ **Angourikas, Andreas, et al.** Land Use Patterns in Central Asia. Step 1: The Musical Chairs Model. *Journal of Archaeological Method and Theory* 20. 2013; **Beckwith, Christopher I.** Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton, NJ: Princeton University. Press. 2009; **Chang, Claudia.** Mobility and Sedentism of the Iron Age Agro-pastoralists of Southeast Kazakhstan. In *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism*. Willeke Wendrich and Hans Bernard, ed. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology. 2008; **Chang, Claudia.** Lines of Power: Equality or Hierarchy among the Iron Age Agro-pastoralists of Southeastern Kazakhstan. In *Regimes and Revolutions: Materiality and Authority across Eurasia from the Past and the Present*. G. Bike Yazicioğlu Charles Hartley, and Adam T. Smith, ed. Cambridge University Press. 2012; **Chang, Claudia, et al.** Iron Age Society and Chronology in South-East Kazakhstan. *Antiquity* 77(296):298-312. 2003; **Clarke, Derek, et al.** Reconstructing Irrigation at Otrar Oasis, Kazakhstan 800-1700 AD. *Irrigation and Drainage* 54(4). P.75-388. 2005; **De la Vaissiere, Etienne.** Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill. Di Cosmo, Nicola 1994. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and its Significance in Chinese History. *Journal of Asian Studies* 53(4). P. 1092-1126. 2005; **Honeychurch, William, and Chunag Amartuvshin.** Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings: The «New» Old World Archaeology from the Eurasian Steppe. *Asian Perspectives* 46(1). P. 36-64. 2007; **Jia, Peter Weiming, Alison Betts, and Xinhua Wu.** New Evidence for Bronze Age Agricultural Settlements in the Zhunge'er (Junggar) Basin, China. *Journal of Field Archaeology* 36(4). P. 269-280. 2011; **Miller Rosen, Arlene.** Phytolith Evidence for Agro-Pastoral Economies in the Scythian Period of Southern Kazakhstan. In Meunier, Jean Dominique and Colin, Fabrice (Eds.), *Phytoliths: Applications in Earth Sciences and Human History*. Swets and Zeitlinger, Lisse, The Netherlands. P. 183-198. 2001; **Miller Rosen, Arlene, Chang, Claudia, and Grigoriev, Fedor Pavlovich.** Paleoenvironments and Economy of Iron Age Saka-Wusun Agro-Pastoralists in Southeastern Kazakhstan. *Antiquity* 74(285). P. 611-623. 2000; **Motuzaitė-Matuzevičiute, Giedre, Sergey Telizheno, and Martin K. Jones.** Archaeobotanical Investigations of Two Scythian-Samartian Period Pits in Eastern Ukraine: Implications

Christopher I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton, NJ: Princeton University. Press. 2009; **Chang, Claudia.** Mobility and Sedentism of the Iron Age Agro-pastoralists of Southeast Kazakhstan. In *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism*. Willeke Wendrich and Hans Bernard, ed. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology. 2008; **Chang, Claudia.** Lines of Power: Equality or Hierarchy among the Iron Age Agro-pastoralists of Southeastern Kazakhstan. In *Regimes and Revolutions: Materiality and Authority across Eurasia from the Past and the Present*. G. Bike Yazicioğlu Charles Hartley, and Adam T. Smith, ed. Cambridge University Press. 2012; **Chang, Claudia, et al.** Iron Age Society and Chronology in South-East Kazakhstan. *Antiquity* 77(296):298-312. 2003; **Clarke, Derek, et al.** Reconstructing Irrigation at Otrar Oasis, Kazakhstan 800-1700AD. *Irrigation and Drainage* 54(4). P.75-88. 2005; **De la Vaissiere, Etienne.** Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill. Di Cosmo, Nicola. 1994. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and its Significance in Chinese History. *Journal of Asian Studies* 53(4). 2005. P.1092-1126; **Honeychurch, William, and Chunag Amartuvshin.** Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings: The “New” Old World Archaeology from the Eurasian Steppe. *Asian Perspectives* 46(1). P. 36-64. 2007; **Jia, Peter Weiming, Alison Betts, and Xinhua Wu.** New Evidence for Bronze Age Agricultural Settlements in the Zhunge'er (Junggar) Basin, China. *Journal of Field Archaeology* 36(4).P. 269-280. 2011; **Miller Rosen, Arlene.** Phytolith Evidence for Agro-Pastoral Economies in the Scythian Period of Southern Kazakhstan. In Meunier, Jean Dominique and Colin, Fabrice (Eds.), *Phytoliths: Applications in Earth Sciences and Human History*. Swets and Zeitlinger, Lisse, The Netherlands, P. 183-198. 2001; **Miller Rosen, Arlene, Chang, Claudia, and Grigoriev, Fedor Pavlovich.** Paleoenvironments and Economy of Iron Age Saka-Wusun Agro-Pastoralists in Southeastern Kazakhstan. *Antiquity* 74(285). P. 611-623. 2000; **Motuzaitė-Matuzevičiute, Giedre, Sergey Telizheno, and Martin K. Jones.** Archaeobotanical Investigations of Two Scythian-Samartian Period Pits in Eastern Ukraine: Implications for Floodplain Cereal Cultivation. *Journal of Field Archaeology* 37(1). P. 51-61. 2012; **Stride, Sebastian Bernardo Rondelli, and Simone Mantellini.** Canals Versus Horses: Political Power in the Oasis of Samarkand. *World Archaeology* 41(1). P. 73-87. 2009.

⁶⁵ **Frachetti, Michael D.** Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe. In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe*. Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 2009.; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012.; **Smith, Monica L.** Networks, Territories, and the Cartography of Ancient States. *Annals of the Association*

for Floodplain Cereal Cultivation. *Journal of Field Archaeology* 37(1). P. 51-61. 2012; **Stride, Sebastian Bernardo Rondelli, and Simone Mantellini.** Canals Versus Horses: Political Power in the Oasis of Samarkand. *World Archaeology* 41(1). P. 73-87. 2009.

⁶⁵ **Frachetti, Michael D.** Differentiated Landscapes and Non-uniform Complexity among Bronze Age Societies of the Eurasian Steppe. In *Monuments, Metals and Mobility: Trajectories of Complexity in the Late Prehistoric Eurasian Steppe*. Bryan K. Hanks and Katheryn Linduff, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 2009; **Frachetti, Michael D.** Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53(1). P. 2-38. 2012.; **Smith, Monica L.** Networks, Territories, and the Cartography of Ancient States. *Annals of the Association of American Geographers* 95(4). P. 832-849. 2005.

⁶⁶ **Barfield, Thomas J.** 'The Centrality of Central Asia': A Dialogue with Frank. *Studies in History* 8. P. 99-122.1992; **Sneath, David.** *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press. 2007.

of American Geographers 95(4). P. 832-849. 2005.

⁶⁶ **Barfield, Thomas J.** 'The Centrality of Central Asia': A Dialogue with Frank. *Studies in History* 8. P. 99-122.1992; **Sneath, David.** *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press. 2007.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КЫРГЫЗСТАНА: ИССЛЕДОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF KYRGYZSTAN: RESEARCH AND CONSERVATION

© 2013 г. Б.Э. Аманбаева,
А.Т. Сулайманова
Бишкек, Кыргызстан

© 2013 B.E. Amanbayeva,
A.T. Sulaymanova
Bishkek, Kyrgyzstan

Археологические памятники составляют значительную часть культурного наследия Кыргызстана. В официальном Списке памятников национального значения 2002 г. к этой категории отнесен 371 объект при общем числе 583. Изучение археологического наследия в Кыргызстане, начатое в середине XIX в., имеет свои традиционные направления. Они предполагают параллельное исследование памятников оседло-земледельческого и кочевого сообществ. Обусловлено это особенностью исторического процесса в нашей стране, территория которой с эпохи бронзы становится ареной взаимодействия земледельческой и кочевой культур. Соответственно, этим же объясняется и разнообразие типов памятников, характерных для нашей страны.

Археологическими изысканиями в период суверенитета выявлены новые материалы, обогатившие источниковедческую базу истории Кыргызстана. Это памятники различных этапов каменного века, как на севере, так и на юге страны. В 2000 г. исследования памятников палеолита были возобновлены на юге страны Кыргызско-Российской международной археолого-палеолитической экспедицией в соответствии с договором о сотрудничестве между Институтом истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики (ИИиКН) и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии Наук¹. В местности Юташ-Сай (Кадамжайский район Баткентской области) была зафиксирована новая стоянка племен каменного века - Капчыгай-II. Во время поисковых работ в 2002-2004 гг. выявлено 30 горизонтов залегания археологического материала, разделенных стерильными прослойками (фото 1). Получен комплекс артефактов, насчитывающий более 36 тыс. экземпляров, на основании которого памятник датирован средним палеолитом². В 2007 г. проведены археологические разведывательные поездки по выявлению местонахождений объектов каменного века в Ат-Башинском районе Нарынской области. В них участвовали специалисты Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (КТУ), Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына (КНУ) и Американского университета Центральной

Archaeological monuments make up an essential part of cultural heritage of Kyrgyzstan. Pertaining to this category in the official list-2002 of monuments of national importance are 371 objects out of total 583. Research into archaeological heritage of Kyrgyzstan that started in mid-19th century has its traditional directions, including parallel study of monuments of sedentary-agricultural and nomadic communities. That is predetermined by distinctions of historical process in our country whose territory had since the Bronze Age been an arena of interaction of agricultural and nomadic cultures. Hence, that explains diversity of types of monuments typical for Kyrgyzstan.

Archaeological explorations in the sovereignty period revealed new materials that enriched source study basis of Kyrgyzstan's history. These are monuments of various stages of the Stone Age both in the north and south of the country. In 2000, explorations of Paleolithic monuments restarted in the south of Kyrgyzstan by the Kyrgyz-Russian international archaeological-Paleolithic expedition to comply with an agreement on cooperation between the Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic and the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences¹. A new site of the Stone Age – Kapchigay- II was discovered in Yutash-Say (Kadamjan region of Batkent province). Prospecting work of 2002-2004 revealed 30 horizons of archaeological material bedding divided into sterile streaks (photo 1). On hand is a complex of artifacts numbering above 36,000 copies, following which it became possible to date the monument to the middle palaeolith². Archaeological prospecting work was carried out in 2007 to reveal objects of the Stone Age in At-Bashi region of Naryn province. Involved in the work were specialists of the Kyrgyz-Turkish University “Manas” (KTU), Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (KNU) and the American University of the Central Asia. New monuments of the ancient Stone Age were discovered in Kochkor valley: in the borough Kalmak-Tash, near the village of Cholpon (5), in the upriver Naryn and

Азии (АУЦА). Были зафиксированы новые памятники древнекаменного века в Кочкорской долине: в местности Калмак-Таш, около с. Чолпон (5), в верховьях рек Нарын и Сары-Жаз (Центральный и Внутренний Тянь-Шань), на пастбищах Ат-Башинского района (Беш-Белчир, Чатыр-куль, Ак-Сай, Арпа). Аналогичные работы проводились и в Прииссыккулье. На всех объектах, особенно расположенных в высокогорной зоне, обнаружены выходы сырья, пригодного для изготовления древних каменных орудий (кремний, халцедон, яшмовидный роговик, сланец, порфирит). Коллекция орудий труда представлена следующими экземплярами: массивным орудием с «носиком», галечными орудиями, призматическими нуклеусами, массивными обломками со следами обработки и дефилированными отщепами, которые авторы датируют эпохами неолита и мезолита, но некоторые формы, предварительно, отнесены ими к верхнему и среднему палеолиту³. Таким образом, памятники эпохи палеолита, обнаруженные в Ат-Башинском районе, позволяют предполагать существование локального или даже локальных вариантов каменного века «высокогорной Азии» и в пределах Кыргызстана.

Широкий резонанс в профессиональной среде

Sary-Zhaz (Central and Inner Tien Shan); on pastures of At-Bashi region (Besh-Belchir, Chatyr-kul, Ak-Say, Arpa). Identical work was carried out in Priissykkulye. On all the objects, especially those in highland zone, there were discovered outputs of raw material suitable for manufacture of ancient stone implements (silicon, chalcedony, jasperoid hornstone, slate, porphyry). A collection of labor instruments includes a solid implement with “a beak”, pebble tools, prismatic nucleuses, and massive splinters with traces of processing dated by some authors to late Stone Age and Mesolithic, however, some forms have previously been attributed to Upper and Middle Palaeolith³. Thus, palaeolith monuments from At-Bashi region make it possible to admit some local or even local variants of the Stone Age – “highland Asia” within the bounds of Kyrgyzstan.

Widespread response in the professional medium had excavations of Shagym necropolis (Uzgen region of Osh province) in 2005-2006. The point is about a complex composed of adornments, household articles, weaponry and labor implements characterizing the material culture of Bronze Age Northern Bactria. The monument was explored by researchers of the Institute of History of Kyrgyzstan jointly with the Kazakh

Фото 1. Стратиграфический разрез среднего и верхнего палеолитического памятника Капчыгай II. Юташ-Сай. Баткенская область.

Photo 1. Stratigraphic section of medium and upper Paleolithic site Kapchigay-II. Yutash-Say. Batkent province.

имели раскопки некрополя Шагым (Узгенский район Ошской области) в 2005-2006 гг. Получен комплекс, состоящий из изделий нескольких основных типов украшений, предметов быта, вооружения и орудий труда, характеризующих материальную культуру Северной Бактрии эпохи бронзы. Памятник был исследован сотрудниками Института истории Кыргызстана и Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов⁴. Основная коллекция предметов из Шагыма имеет полное соответствие в материалах, характеризующих ранний этап культуры Сапалли в Южном Узбекистане, а также в памятниках Дашлинского оазиса и поселения Шортугай в Северном Афганистане. Заслуживает внимания и сходство некоторых изделий с материалами памятников Зарафшанской долины – поселения и могильника Заманбаба (Узбекистан), погребения Зардча-Халифа и позднего слоя поселения Саразм (Таджикистан). На основании приведенных аналогий датировка могильника Шагым предварительно определяется в пределах первой половины II тыс. до н.э., т.е. до получения калиброванных дат по C 14 некрополь можно считать самым северо-восточным пунктом распространения раннеземледельческой культуры Северной Бактрии в центрально-азиатском регионе. Этот факт свидетельствует о том, что в эпоху ранней бронзы в Ферганской долине существовала культура протогородского типа, предшествовавшая чустской культуре.

В 2004 г. на могильнике Бел-Саз в Кочкорской долине археологами КНУ обнаружены курганы, также относящиеся к бронзовому веку. В результате исследования погребений зафиксированы две разновидности погребального обряда, характерные для населения северного Кыргызстана эпохи бронзы: часть погребений была совершена по обряду кремации, а другая – ингумации⁵.

Продолжались также исследования памятников, относящихся к более поздним хронологическим периодам. Так, по-прежнему изучались средневековые чуйские городища. Комплекс христианских построек, имеющий сложную планировку, был открыт в юго-восточной части шахристана-1 городища Ак-Бешим (Суяб). Значительная часть объекта раскопана специалистами ИИиКН и Государственного Эрмитажа (ГЭ). В настоящее время памятник законсервирован. По оценке специалистов, это сооружение является самым крупным из числа известных культовых построек, связываемых с христианством в Центральной Азии⁶. Раскопки другого руинированного сооружения на том же памятнике в 2006–2007 гг., проведенные

Scientific-Research Institute for Cultural Heritage of Nomads⁴. A major collection of Shagym articles is in line with materials that characterize earlier stages of Sapally culture in Uzbekistan, as well as monuments of Dashly oasis and settlement of Shortugay in Northern Afghanistan. On the other hand, noteworthy is similarity of some articles with materials of Zarafshan valley monuments, including settlements and a burial ground Zamanbaba (Uzbekistan), an interment Zardcha-Khalifa and a later layer of the settlement Sarazm (Tajikistan). On the basis of similarities cited, the dating of a burial ground Shagym, prior to obtaining calibrated date by C14, is preliminarily specified in the range of the first half of the II millennium B.C. In other words, a burial ground Shagym is presently north-easternmost point of spreading of early agricultural culture of Northern Bactria in the Central Asian region. This goes to show that during the early Bronze a culture of proto-urban type existed in Fergana valley and preceded the Chust culture.

In 2004, archaeologists of the National University discovered Bronze Age barrows on a burial ground Bel-Saz, Rjchkor valley. Examination of interments made it possible to identify two variants of obsequial rite typical for population of Bronze Age Northern Kyrgyzstan: some interments complied with cremation; others – with inhumation⁵.

Underway were explorations of monuments going back to later chronological periods, including medieval Chuy sites. A complex of Christian buildings was uncovered in the south-eastern part of Shristan-1, site of AK-Beshim (Suyab). A substantial part of the object was unearthed by specialists of the Institute of History and Cultural Heritage of Kyrgyzstan and the Hermitage Museum. At present, the monument is dormant. As viewed by experts, this building is the largest among well-known ecclesiastical erections attributable to Christianity in the central Asia⁶. Excavations of another ruined erection on the same monument carried out in 2006-2007 jointly with Japanese specialists revealed several living quarters and a real complex; some finds are regarded as fragments of Buddhist sculptures and decor⁷.

In 2004-2010, jointly with Bonn University (Germany) there were carried out archaeological explorations on the site of Novopokrovskoye-2, located 10 km away to the east from the capital. An area in the south-eastern corner of the site was explored; it consisted of a part of fortress wall with an angular tower, as well as outward and inward living quarters. Explorations

совместно с японскими специалистами, выявили несколько жилых помещений и вещественный комплекс, некоторые находки рассматриваются как фрагменты буддийских скульптур и декора⁷.

В 2004-2010 гг. совместно с Боннским университетом (Германия) проводились археологические изыскания на городище Новопокровское-2, расположенном в 10 км к востоку от столицы. В юго-восточном углу городища был исследован участок, включающий часть крепостной стены с угловой башней, а также примыкающие к ней изнутри и снаружи жилые помещения. В ходе работ было определено, что на городище сохранилось три строительных горизонта. В последний этап, относящийся к XI–началу XII в., фортификационные сооружения городища уже не функционировали, поверхность стены были устроены жилые помещения (фото 2). Из нижнего строительного горизонта времени VII–начала VIII в. был получен своеобразный керамический комплекс, генезис и параллели которого ученым еще предстоит выяснить⁸.

С 2007 г. возобновилось археологическое изучение городища Красная речка. Исследования до 2009 г. проводились специалистами Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ), а с 2010 г.

found that the site had three building horizons. The last of them went back to the 11-earlier 12th centuries; fortifications were unfit; living quarters were arranged above walls (photo 2). A lower building horizon of the 7-earlier 8th centuries had a peculiar ceramic complex whose origin and parallels have still to be identified⁸.

Archaeological explorations of the site Krasnaya rechka resumed since 2007. Note that prior to 2009 explorations were carried out by specialists of the Kyrgyz-Russian Slav University (KRSU), and since 2010 by researchers of the Institute History and Cultural Heritage and the Hermitage Museum. Objects of research were parts of the monument that exposed to present-day anthropogenic impact, including a necropolis, destroyed sections of shahristan walls I and II, an estate near the north-western corner of the site. In 2010, an emergency pit was laid on a hill in the western part of rabad. As a result, explorers managed to reveal remains of “third” Buddhist temple and a lower part of torso of earthen sculpture of Buddha sitting solemnly on a rectangular pedestal. The erection has preliminarily been dated by the 7-8 centuries. Attempts to disclose the object are still underway⁹. Not only do materials obtained supplement a source study base but

Фото 2. Раскоп на средневековом городище Новопокровское. Чуйская долина.
Photo 2. The excavation at medieval settlement Novopokrovskoye. Chuy valley.

Фото 3. Раскопки «третьего» буддийского храма на Красной речке.
 Photo 3. The excavations of the "third" Buddhist temple at Krasnaya rechka.

– сотрудниками ИИиКН и ГЭ. Объектами изучения стали те участки памятника, которые в той или иной степени подверглись современному антропогенному воздействию – некрополь, разрушенные разрезы стен шахристанов I и II, усадьба у северо-западного угла городища. В 2010 г. был заложен аварийный раскоп на одном из холмов в западной части рабада (рис. 1). В результате чего выявлены остатки «третьего» буддийского храма и нижняя часть торса глиняной скульптуры Будды, сидящего на прямоугольном постаменте (фото 3). Предварительно сооружение датируется VII-VIII вв. Работы по вскрытию этого объекта продолжаются и в настоящее время⁹. Полученные материалы не только дополняют источниковедческую базу, но и позволяют исследователям по-новому осмыслить некоторые этапы формирования городища.

Изучение памятников Прииссыккуля, в отличие от других регионов страны, велось непрерывно, причем на одновременных и разноплановых объектах. Наиболее результативными считаются работы на стационарном поселении, расположенном на дне Тюпского залива (северо-восточная оконечность озера), датируемой античной эпохой, и в средневековом Курментинском

also enable researchers to comprehend stages of site formation afresh.

It has to be stressed that the study into monuments of Priissykkulye was carried out, as distinguished from other regions of the country, incessantly on differently timed objects. Of interest are explorations on a stationary settlement located on the bottom of Tyup bay dating back to ancient times and medieval Kurmentin site. Materials obtained gave grounds for a new interpretation of some issues related to urbanization process localization of some historical objects in Priissykkulye¹⁰.

Note that archaeological explorations in a Fergana part of Kyrgyzstan, in Osh and its district were carried out in 1997-2000 within the framework of the national program "Osh-3000". The explorations made it possible to disclose a medieval bath-house near an eastern foot of Mt. Sulayman-Too and continue excavations of the site of Ak-Buurin which, according to some authors, could be ruins of Osh in the ancient and early Middle Ages¹¹.

Systematic survey of Kochkor valley (Naryn region) of Inner Tien- Shan in 1998-2006 by archaeologists of the national and Kyrgyz-Turkish universities made it possible to spring an unexpected discovery – a landmark

городище. Полученные материалы стали основанием для новой интерпретации отдельных вопросов, связанных с процессом урбанизации, а также локализацией некоторых исторических объектов в Прииссыккулье¹⁰.

В ферганской части Кыргызстана, в Оше и его округе археологические исследования в 1997-2000 гг. проводились в рамках национальной программы «Ош-3000». В ходе ее реализации завершено вскрытие средневековой бани у восточного подножья горы Сулайман-Тоо и продолжены раскопки Ак-Бууринского городища, которое, по мнению авторов работ, может быть руинами Оша античного и раннесредневекового эпох¹¹.

Систематическое обследование одного из районов Внутреннего Тянь-Шаня - Кочкорской долины (Нарынская область) в 1998-2006 гг. археологами КНУ и КТУ «Манас» преподнесло неожиданное открытие, которое стало этапным событием в изучении памятников древнетюркской культуры. По мнению некоторых исследователей, именно здесь локализуется заповедная зона тюркских каганов, упоминаемая в раннесредневековых письменных источниках. В юго-восточной части долины, на горной гряде Кара-Тоо широтно-простираясь, на валуны нанесены изображения всадников-воинов с ловчими птицами, сопровождаемые древнетюркскими надписями (около 30 шт.) и родовыми тамгами. В этом же районе в значительном количестве зафиксированы древнетюркские погребальные и поминальные памятники, каменные изваяния и установленные в один ряд балбалы¹². В 2004–2006 гг. вновь возобновлены работы на городище Кошой-Коргон, отождествляемом со средневековым городом Атбаш (Нарынская область). Основной целью этих исследований был сбор материалов для экспозиции историко-краеведческого музея, возведенного в 2008 г. рядом с этим памятником¹³.

В 2002-2004 гг. в рамках подготовки научной составляющей Концепции зон охраны Национального комплекса «Манас-Ордо» (Таласская область) сотрудниками ИИиКН проведены аварийные работы на Кенкольском могильнике, который относится к гуннскому времени. В результате получены новые данные о катакомбной культуре, в частности, по конструкции погребальных сооружений, обряду захоронения, а также собрана значительная вещественная коллекция¹⁴. Продолжалось также изучение еще одного важного компонента археологического наследия страны – наскальных изображений. В первую очередь, это широко известные местонахождения Саймалы-Таш, Жалтырак-Таш, Чийим-Таш (Ур-Марал), Кенкол, Орнок, Сулайман-Тоо, Айрымач-Тоо, Дулдул-Ата и другие¹⁵.

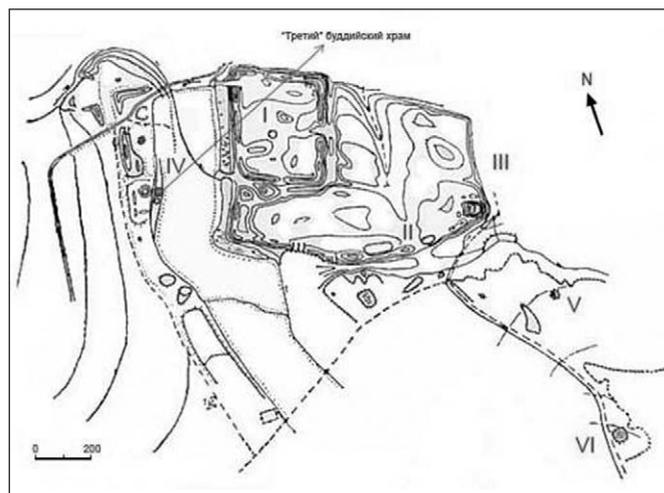

Рис. 1. Общий план городища Красная речка и месторасположение «третьего» буддийского храма.
Fig.1. General plan of Krasnaya rechka settlement and the location of the “third” Buddhist temple.

event in studying monuments of the ancient Turkic culture. In some researchers' opinion, conservation area of Turkic kagans mentioned in early medieval written sources was localized here. In the south-eastern part of the valley, on a ridge Kara-Too of latitudinal strike there were pictures of horsemen-warriors with hunting birds and ancient Turkic inscriptions (approx.30) and patrimonial tamga. The same region was notable for ancient Turkic burial and funeral monuments, stone sculptures and one-row balbals¹². In 2004–2006, excavations recommenced in a medieval site of Koshoy-Korgon which is identified to the town of Atbash (Naryn region). Main purpose of the research was to collect materials for exposition of a museum of regional studies built near this monument in 2008¹³.

In 2002-2004, within the framework of working up a concept of conservation zones of the national complex “Manas-Ordo” (Talas region), specialists of the Institute of History and Cultural Heritage of Kyrgyzstan carried out restoration work on Kenkol burial ground of Hun period. Following the work done, researchers obtained new facts about catacomb culture, particularly, design of funeral erections, burial rites; collected essential materials¹⁴. Underway was research into an important component of archaeological heritage of the country – petroglyphs. These include, in the first turn, best known locations Saymaly-Tash, Zhaltyrak-Tash, Chiyim-Tash (Ur-Maral), Kenkol, Ornok, Sulayman-Too, Ayrymach-Too, Duldul-Ata, etc¹⁵.

It should be noted that archaeological explorations of the past decades formed a part of complex programs that combined documentary, research and practical

Необходимо отметить, что археологические работы последних десятилетий являлись частью комплексных программ, сочетающих документационный, исследовательский и практический компоненты, которые реализуются в рамках национальных и международных проектов. При этом важную роль сыграли проекты ЮНЕСКО: «Сохранение памятников Великого Шелкового пути в верховьях Чуйской долины в Кыргызстане – Невакет (Красная речка), Баласагун (Бурана), Суяб (Ак-Бешим)» (2004–2008 гг.) (на средства Тростового фонда Японии) и «База данных по наскальному искусству Центральной Азии» (CARAD, 2003–2005 гг.). В рамках первого из них нашим ученым и специалистам была предоставлена возможность улучшить национальный опыт через участие в раскопках и практической консервации памятников, а также путем обучения и совместной работы с международными экспертами. На руинированных объектах вышеуказанных городищ были применены различные виды консервации: от простой засыпки вскрытых конструкций (руины средневекового христианского комплекса на Ак-Бешиме; P-1, P-7 на Красной речке) до сооружения перекрытий над некоторыми из них (цитадель и буддийский храм на Красной речке). Весьма перспективным и эффективным оказалось применение метода сохранения древних стен современными консервационными кладками с частичной реконструкцией разрушенных участков (мавзолей 4 на Буране).

Кроме того, были заложены и основы базового документирования – подготовлены топографические планы, проведены фотофиксация и аэросъемка, собраны и проанализированы текстовые отчеты, архивные материалы предшествующих лет. В результате представилась возможность последовательно решить следующие важные задачи: определение охранных зон как средство обеспечения эффективной юридической и физической защиты объектов; создание специальных структур по их управлению и использованию; подготовка номинации для включения этих памятников в Список всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО в рамках серийной номинации по Великому Шелковому пути. Подготовительный этап этого транснационального проекта, начавшийся в 2006 г., завершился представлением в январе 2013 г. в Центр Всемирного природного и культурного наследия (Париж) первой части совместного номинационного досье пятью странами-участницами – Китаем, Кыргызстаном, Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Приоритетной серией, которую представила наша страна в формате «тянь-шаньского коридора», стала

components within the framework of national and international projects. Greatly contributing to this were UNESCO projects, including “Conservation of Silk Road Monuments in the Upriver of Chuy Valley in Kyrgyzstan – Nevaket (Krasnaya rechka), Balasagun (Buran), Suyab (Ak-Beshim)” (2004–2008) (at the expense of Japanese Trust Fund) and “Database on Rock Paintings of the Central Asia” (CARAD, 2003–2005). Within the framework of the first project, our scholars and specialists were provided with opportunity to improve the national experience through the participation in excavations and practical conservation of monuments, as well as by means of training and joint work with international experts. Various types of conservation were applied on ruined objects starting from simple filling-up of unearthed constructions (ruins of medieval Christian complex in Ak-Beshim; P-1, P-7 in Krasnaya rechka) to the construction of overlapping above some of them (a citadel and a Buddhist temple on Krasnaya rechka). Rather perspective and effective proved to be a method of conservation of ancient walls with the help of modern conservation laying and partial reconstruction of destroyed parts (a mausoleum-4 on Buran).

Besides, researchers laid down principles of basic documentation, drew up topographic plans, carried out photo-fixation and aerial survey, collected and examined textual reports, archival materials of previous years. It became possible to successively solve problems as follows: definition of conservation zones as a method of effective legal and physical protection of objects; creation of special structures to manage and use these objects; preparation of nomination to put monuments on the UNESCO List of World Natural and Cultural Heritage within the framework of serial nomination by the Silk Road. A preparatory stage of the last transnational project that started in 2006 ended in January 2013 with the presentation to the Center of World Natural and Cultural Heritage (Paris) of the first part of joint nomination file by five participating countries – China, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan. Our country presented a priority series in the format of “Tien-Shan” – Chuy composed of three sites: Krasnaya rechka (Nevaket), Ak-Beshim (Suyab), Buran (Balasagun). Underway now is the process of consideration and appraisal of nomination file to be completed next year with the adoption of a decision in principle.

Inventory of our country’s cultural heritage objects, including those from the Preliminary List-2001 car-

чуйская, состоящая из трех городищ: Красной речки (Невакет), Ак-Бешима (Суяб), Бураны (Баласагун). В настоящее время идет процесс рассмотрения и оценки номинации, который должен завершиться летом текущего года принятием на заседании Комитета решения принципиального характера.

Инвентаризация объектов культурного наследия нашей страны, включая и состоявшие в Предварительном списке 2001 г. памятники, проведенная в 2006–2007 гг. показала, что, значительная часть памятников связана с темой Шелкового пути. Поскольку условия подготовки серийной номинации допускают представление целой группы разновременных и разнотипных объектов, отражающих специфику и роль того или иного участка ВШП, то нами было сформировано 6 внутренних (национальных) серий. Они состоят из разнообразных памятников, относящихся к древнему и средневековому периоду, дают представление об общих чертах и локальных особенностях, как на национальном и региональном уровне, так и в контексте ВШП в целом. Таким образом, кыргызстанский участок магистрали представлен следующими объектами, которые вошли в обновленный Предварительный список Кыргызстана в 2011 г.: «Памятники кочевников Внутреннего Тянь-Шаня»; «Памятники южного побережья Иссык-Куля»; «Средневековые городища в верховьях Чуйской долины»; «Культурное пространство Манас-Ордо»; «Городища Узген и Шоробашат» и «Культурный ландшафт Сафид-Булан».

Второй проект – CARAD дал возможность объединить усилия специалистов различного профиля по исследованию и документированию наиболее значительных и интересных мест скопления петроглифов: на северном побережье Иссык-Куля – Чолпон-Ата и Орнок; в Таласе – Жалтырак-Таш (Ур-Марал) и Кенкол; на юге – Саймалы-Таш и памятники Ошского оазиса, а также стал основой для подготовки другой серийной номинации ЮНЕСКО – «Наскальное искусство Центральной Азии», первый этап которого также начался в 2006 г. Картографирование местонахождений показало, что изображения имеются во всех регионах страны. Общее количество зарегистрированных памятников наскального искусства в Кыргызстане точно не установлено. Специалистами приводятся разные цифры, однако, уже сейчас можно говорить, что их более 100. В Государственном списке объектов национального значения 2002 г. отмечено всего 24 местонахождения. По степени концентрации и изученности выделяются три основных историко-географических района: Прииссыккулье, – на севере страны, Таласская долина – на

риед out in 2006–2007, showed that their considerable part was attributable to the topic of the Silk Road. In considering that terms of preparation of serial nomination provide for presentation of the whole group of differently timed and typed monuments reflecting specificity and role of the Silk Road routes, we have formed six internal (national) series. They consist of various monuments characterizing either segment of the Silk Road that ran through a territory of our country in the ancient times and Middle Ages, and provide an idea of general and special both at national and regional levels, as well as in the light of the Silk Road as a whole. Thus, a Kyrgyzstan section of the main line includes the following objects from the Preliminary List of Kyrgyzstan in 2011: “Monuments of Nomads from Inner Tian-Shan”; “Monuments of Southern Shore of Issyk-Kul”; “Medieval Sites in the Upriver of Chuy Valley”; “Cultural Expanse of Manas Ordo”; “Sites of Uzgen and Shorobashat” and “Cultural Landscape of Safid Bulan”.

The second project – CARAD gave an opportunity to unite efforts of specialists of various profile to explore and document the most essential and interesting places of petroglyph concentration, including Cholpon-Ata and Ornok on the northern shore of Issyk-Kul; Zhaltyrak-Tash (Ur-Maral) and Kenkol in Talas; Saymaly-Tash and monuments of Osh oasis in the south. Also, it formed the basis for preparation of another UNESCO serial nomination – “Rock Paintings Art of the Central Asia” (first stage started in 2006). Mapping of these locations went to show that pictures were found in all the regions of the country. Exact number of the monuments of rock painting registered in Kyrgyzstan remains to unknown. Specialists refer to different figures, however, at any rate, their number is above 100. The State list of objects of national importance-2002 numbers just 24 locations. To a degree of concentration and coverage, there are three main historical-geographical regions: Priissykkulye in the north of the country; Talas valley in the north-west; Kyrgyz part of Fergana valley in the south. At present, a work is underway to make inventory and selection of monuments-claimants in this serial nomination and thus characterize the phenomenon of rock paintings art of the Central Asia as a whole and Kyrgyzstan in particular.

Of no less importance was a project implemented jointly with the Ministry of Culture and the National Commission for UNESCO. The project realization made it possible to collect nomination documents for

северо-западе, кыргызстанская часть Ферганской долины – на юге. В настоящее время продолжается работа по инвентаризации и отбору памятников-претендентов в эту серийную номинацию. Они должны характеризовать феномен наскального искусства Центральной Азии в целом и Кыргызстана в частности.

Не менее значимым был совместный проект, инициированный Министерством культуры и Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО, в ходе реализации которой была подготовлена номинационная документация для включения священной горы Сулайман-Тоо в Список Всемирного природного и культурного наследия. Досье готовилось на протяжении трех лет (2004–2007 гг.). Первичное обсуждение состоялось в Новой Зеландии на XXXI сессии Комитета Всемирного наследия летом 2007 г., которой было предложено внести некоторые дополнения. В 2008 г. весь комплекс рекомендованных работ был завершен: подготовлен менеджмент-план объекта с двумя субпланами; разработана новая концепция расширенной буферной зоны. В 2009 г. Сулайман-Тоо был включен в престижный список лучших памятников планеты.

В последнее время большое внимание уделяется еще одному виду памятников - эпиграфике. На грант ЮНЕСКО¹⁶ исследователями начаты работы по каталогизации объектов эпиграфического наследия страны. С 2008 г. по настоящее время на южном побережье Иссык-Куля специалистами КНУ и КТУ «Манас» ведется изучение погребальных и поминальных сооружений эпохи ранних и средневековых кочевников, памятников наскального искусства и эпиграфики, а также развалин средневекового городища Кан-Добе, отождествляемого с историческим городом Тун (Дун). Эти работы не только внесли вклад в увеличение фактологической базы археологии Кыргызстана, но и открыли поселение, соотносимое с древними кочевниками, документально подтвердив мнение некоторых ученых о существовании местной традиции оседлой культуры¹⁷. В 2012-2013гг. в рамках совместного кыргызско-японского проекта по исследованию, сохранению и менеджменту объектов культурного наследия Чуйской долины. проведены раскопки в центральной части основного шахристана городища Ак-Бешим. В результате выявлены остатки здания караханидского времени и часть главной городской улицы. Работы будут продолжены и в последующие полевые сезоны. Резюмируя обзор проведенных за последние 20 лет исследований, необходимо отметить, что реализация перечисленных проектов не только позволила нашим специалистам решать задачи исследовательского, до-

putting sacred Mt. Sulayman-Too on the List of World Natural and Cultural Heritage. The file had been prepared within three years (2004–2007). Initial debates were held in New Zealand at the XXXI session of the Committee of World Heritage in summer 2007 where some amendments were suggested. In 2008 the whole complex of recommended work and management plan of the object with two sub-plans were completed; a new concept of expanded buffer zone drawn up, son in 2009 Mt. Sulayman-Too was unanimously put on the list of world's best monuments.

For some time past, an emphasis has been laid on another type of monuments – epigraphy. Researchers started work to catalogue objects of epigraphic heritage of the country at the expense of UNESCO grant¹⁶. From 2008-present, researchers have been engaged in studying burial and funeral erections in the southern shore of Issyk-Kul. Note these erections go back to the epoch of early and medieval nomads, monuments of rock paintings and epigraphy, as well as ruins of the medieval site of Kan-Dobe identified with the historical town of Tun (Dun). Also discovered were monuments of the ethnographic time. Not only efforts did in this direction contribute to the stocking of archaeological facts of Kyrgyzstan but also help to discover a settlement comparable with ancient nomads and provide documentary evidence of local traditions of sedentary culture¹⁷. Excavations in the central part of shahristan-1 were carried out in 2012 within the framework of the joint Kyrgyz-Japanese project to study, conserve and manage objects of cultural heritage of Chuy valley. Remains of a building of the Karakhanid period and a part of the main town street were unearthed. The work on this track is expected to continue in the years to come. Implementation of all these projects enabled specialists to solve not only separate research, documentation, practical and educational problems but also lay down principles of complex, multi-disciplinary approach to objects of archaeological heritage and contribute to the strengthening of regional and international cooperation.

The latest efforts may be regarded as an effective measure aimed at the conservation zoning of monuments with due regard for their historical and cultural importance. In the first turn, the point is about monuments from the Preliminary List of the UNESCO or aspiring to be included in the said list as a part of future nominations. At present, conservation zone concepts for four objects of this kind – sites of Krasnaya rechka, Buran, Ak-Beshim and Mt.Sulayman-Too have been drawn up, discussed and approved by the Methodic

кументального, практического, обучающего плана, но и заложила основы комплексного, мультидисциплинарного подхода к объектам археологического наследия, способствовала укреплению регионального и международного сотрудничества.

Действенной мерой по защите объектов археологического наследия можно считать начавшиеся в последние годы работы по охранному зонированию памятников с учетом их исторической и культурной значимости. В настоящее время на четыре объекта - городищ Красная речка, Бурана, Ак-Бешим и гору Сулайман-Тоо, подготовлены концепции зон охраны, которые обсуждены и утверждены Методическим советом при Министерстве культуры. В 2008 г. впервые в Кыргызстане был подготовлен менеджмент-план Сулайман-Тоо, предусматривающий средне- и долгосрочный перспективы развития этого памятника, охватывающий все сферы его жизнедеятельности: от мер юридической и физической защиты до информационно-образовательных программ и выработки стратегии туризма. Такого же рода работа проведена на объектах, вошедших в серийную номинацию «Памятники Великого Шелкового пути» - городища Красная речка, Ак-Бешим, Бурана. В скором будущем аналогичная работа будет проведена и по другим объектам археологического наследия. Скорее всего, это опять же будут памятники, претендующие на внесение в Список Всемирного наследия.

Таким образом, краткий экскурс в историю археологических исследований, проведенных в Кыргызстане после провозглашения независимости, показывает, что, несмотря на сложности в политической, экономической и общественной жизни, которыми сопровождалось становление государственности, археологическим объектам как важной части историко-культурного наследия страны уделялось достаточно внимания. И это вселяет в нас надежду, что с дальнейшей стабилизацией всех сфер жизнедеятельности общества оно станет еще более ощутимым и результативным.

¹ **Чаргынов Т.Т.** Памятник Юташ-Сай (Уйташ-сай) в палеолите южного Кыргызстана. С. 10. Бишкек, 2010.

² **Султанов Э.** Палеолитическое местонахождение Капчигай-II (результаты исследований 2002 г.) // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. С. 3-6. Бишкек, 2005; **Чаргынов Т.Т.** Памятник Юташ-Сай (Уйташ-сай) в палеолите южного Кыргызстана. Бишкек, 2010.

³ **Абдыканова А.К., Табалдиев К.Ш., Мураталиев Э.А., Акматов К.К.** Поиски каменного века на территории Ат-Башинского района в 2007 году // Материалы и исследование по археологии Кыргызстана. Вып. 3. С. 3-9. Бишкек, 2008.

council under the Ministry of Culture. First ever in Kyrgyzstan, in 2008 a management plan of Sulayman-Too was drawn up to provide for medium- and long-term plans of its development embracing all spheres of its vital activity: from legal and physical protection measures to information-educational programs and tourism strategy making. Note that the work of this sort has been done on objects of serial nomination "Monuments of the Silk Road", - the site of Krasnaya rechka, Ak-Beshim and Buran. In a short while, an identical work has to be carried on in respect of other objects of the archaeological heritage. Most probably, the point is about monuments claiming to be inserted in the List of World Heritage.

Thus, a brief review of archaeological studies carried out in Kyrgyzstan after the proclamation of country's sovereignty goes to show that despite political, social and economic difficulties typical for infancy period, the authorities have devoted much attention to archaeological objects as an important part of historical-cultural heritage. All these give hope to us that progress on this track is likely to become more appreciable as all the spheres of social life are increasingly stabilized.

¹ **Chargynov T.T.** Pamyatnik Yutash – Say (Uytash-say) v paleolite yuzhnogo Kyrgyzstana. S. 10. Bishkek. 2010.

² **Sultanov E.** Paleoliticheskoye mestonakhozhdeniye Kapchigay-II (rezul'taty issledovaniy 2002 g.) // Materialy i issledovaniya po arkhologii Kyrgyzstana. Vyp.1. S. 3-6. Bishkek, 2005; **Chargynov T.T.** Pamyatnik Yutash - Say (Uytash - say) v paleolite yuzhnogo Kyrgyzstana. Bishkek. 2010.

³ **Abdykanova A.K., Tabaldiyev K.SH., Murataliyev E.A., Akmatov K.K.** Poiski kamennogo veka na territorii At - Bashinskogo rayona v 2007 godu // Materialy i issledovaniye po arkhologii Kyrgyzstana. Vyp. 3. S. 3-9. Bishkek. 2008.

⁴ **Amanbayeva B.E., Rogozhinskiy A.Ye., Merfi D.** Mogil'nik Shagym-novyy pamyatnik epokhi bronzy Vostochnoy Fergany (Kyrgyzstan) // Arkheologicheskiye issledovaniya v Uzbekistane. S. 256-265. Tashkent. 2005.

⁵ **Tabaldiyev K.SH.** Drevnosti Tyan' - Shanya. S. 28. Bishkek, 2011.

⁶ **Semenov G.L.** Raskopki 1996-1998 gg. // Suyab - Ak - Beshim. S. 46. Sankt - Peterburg. 2002.

⁷ **Kurimoto SH., Vedutova L.M.** Otchet ob arkhologicheskom issledovanii Ak - Beshim. Tokio, 2007; Vedutova L.M., Kurimoto SH. Paradigma rannesrednevekovoy tyurkskoy kul'tury: gorodishche Ak - Beshim. Bishkek. 2014.

⁸ **Kol'chenko V.A., Rott F.G.** O Novopokrovskikh gorodishchakh // Materialy i issledovaniya po arkhologii Kyrgyzstana. Vyp. 1. S. 75-81. Bishkek. 2005.

⁹ **Torgoyev A.I., Kiy Ye.A., Kol'chenko V.A., Viktorova O.S., Kazimirova R.A., Kulish A.V.** Novyy buddiyskiy pamyatnik v Chuyskoy doline (Severnaya Kirgiziya) // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Vyp. LXX. S. 191-200. Sankt - Peterburg. 2012.

- ⁴ **Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.Е., Мэрфи Д.** Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) // Археологические исследования в Узбекистане. С. 256–265. Ташкент, 2005.
- ⁵ **Табалдиев К.Ш.** Древности Тянь-Шаня. С. 28. Бишкек, 2011.
- ⁶ **Семенов Г.А.** Раскопки 1996-1998 гг. // Суяб-Ак-Бешим. С. 46. Санкт-Петербург, 2002.
- ⁷ **Куримото Ш., Ведутова Л.М.** Отчет об археологическом исследовании Ак-Бешим. Токио, 2007; **Ведутова Л.М., Куримото Ш.** Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. Бишкек, 2014.
- ⁸ **Кольченко В.А., Ротт Ф.Г.** О Новопокровских городищах // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. С. 75-81. Бишкек, 2005.
- ⁹ **Торгоев А.И., Кий Е.А., Кольченко В.А., Викторова О.С., Казмирова Р.А., Кулиш А.В.** Новый буддийский памятник в Чуйской долине (Северная Киргизия) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXX. С. 191-200. Санкт-Петербург, 2012.
- ¹⁰ **Плоских В.М., Плоских В.В.** Подводные тайны Иссык-Куля. Бишкек, 2008.
- ¹¹ **Аманбаева Б.Э., Абдуллоев Д.А.** Доарабский Ош в свете раскопок на Ак-Бууринском городище. Ош и древности южного Кыргызстана // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 5. С. 4-5. Бишкек, 2000.
- ¹² **Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Рунические надписи Кочкорской долины // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. № 1-2. Бишкек, 2001.
- ¹³ **Москалев М.И., Солтобаев О.А., Омурбеков Т.Н.** Кошой-Коргон – древний город Атбаш. Бишкек, 2007.
- ¹⁴ **Аманбаева Б.Э., Ведутова Л.М., Жолдошов Ч.М.** Отчет об исследованиях Кенкольского могильника. Рукописный фонд Института истории и культурного наследия НАН КР. Бишкек, 2002.
- ¹⁵ **Ташбаева К.И.** Памятники Кыргызстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004; **Ташбаева К.И., Франкфорт А.-П.** Изучение петроглифов Жалтырак-Таша // Вестник Международного Института центральноазиатских исследований. Вып. 1. Самарканд-Бишкек, 2005; **Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М.** Петроглифы Ошского оазиса // Кыргызстан. История и современность. С. 257-267. Бишкек, 2006; **Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М.** Разведывательные маршруты Таласского археологического отряда в 2003–2005 гг. // Известия НАН КР. Бишкек, 2007; **Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М.** Наскальное искусство Кыргызстана. Бишкек, 2009; **Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М.** Наскальное искусство Центральной Азии. Тематическое исследование. Раздел по Кыргызстану. С. 247-280. Париж, 2011.
- ¹⁶ **Табалдиев К.Ш., Белек К.** Памятники письменности на камнях Кыргызстана. Бишкек, 2008.
- ¹⁷ **Remzi Ataoglu, Tabaldiyev K. SH., Belek Kayrat, Ashik Alpaslan.** Кыргызстан - Turtsiya Universitet Manas: arkeologicheskiye issledovaniya. P. 10. Bishkek, 2010.
- ¹⁰ **Ploskikh V.M., Ploskikh V.V.** Podvodnyye tayny Issyk - Kulya. Bishkek. 2008.
- ¹¹ **Amanbayeva B.E., Abdulloev D.A.** Doarabskiy Osh v svete raskopok na Ak - Buurinskom gorodishche. Osh i drevnosti yuzhnogo Kyrgyzstana // Osh-3000 i kul'turnoye naslediyе narodov Kyrgyzstana. Vyp. 5. S. 4-5. Bishkek. 2000.
- ¹² **Tabaldiyev K.SH., Soltobayev O.A.** Runicheskiye nadpisi Kochkorskoj doliny // Izvestiya Natsional'noy Akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki. № 1-2. Bishkek. 2001.
- ¹³ **Moskalev M.I., Soltobayev O.A., Omurbekov T.N.** Koshoy - Korgon - drevniy gorod Atbash. Bishkek. 2007.
- ¹⁴ **Amanbayeva B.E., Vedutova L.M., Zholdoshev CH.M.** Otchet ob issledovaniyakh Kenkol'skogo mogil'nika. Rukopisnyy fond Instituta istorii i kul'turnogo naslediya NAN KR. Bishkek. 2002.
- ¹⁵ **Tashbayeva K.I.** Pamyatniki Kyrgyzstana // Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Tsentral'noy Azii. Obshchestvennoye uchastiyе, menedzhment, konservatsiya, dokumentatsiya. Almaty. 2004; **Tashbayeva K.I., Frankfort A.-P.** Izucheniye petroglifov Zhaltyrak - Tasha // Vestnik Mezhdunarodnogo Instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy. Vyp. 1. Samarkand - Bishkek. 2005; **Amanbayeva B.E., Sulaymanova A.T., Zholdoshev CH.M.** Petroglify Oshskogo oazisa // Kyrgyzstan. Istoriya i sovremennost'. S. 257-267. Bishkek. 2006; **Amanbayeva B.E., Sulaymanova A.T., Zholdoshev CH.M.** Razvedyvatel'nyye marshruty Talasskogo arkeologicheskogo otryada v 2003-2005 gg. // Izvestiya NAN KR. Bishkek. 2007; **Amanbayeva B.E., Sulaymanova A.T., Zholdoshev CH.M.** Naskal'noye iskusstvo Kyrgyzstana. Bishkek. 2009; **Amanbayeva B.E., Sulaymanova A.T., Zholdoshev CH.M.** Naskal'noye iskusstvo Tsentral'noy Azii. Tematicheskoye issledovaniye. Razdel po Kyrgyzstanu. S 247-280. Parizh. 2011.
- ¹⁶ **Tabaldiyev K.SH., Belek K.** Pamyatniki pis'mennosti na kamnyakh Kyrgyzstana. Bishkek. 2008.
- ¹⁷ **Remzi Ataoglu, Tabaldiyev K. Sh., Belek Kayrat, Ashik Alpaslan.** Kyrgyzstan – Turkey Manas University: archeological researches. P. 10. Bishkek. 2010.

ОБЪЕКТЫ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ГОРОДИЩА ЖАЙЫК

SITE OF ZHAYIK: CONSTRUCTION PROJECTS

© 2013 г. М.Д. Калменов
Уральск, Казахстан

© 2013 M.D. Kalmenov
Uralsk, Kazakhstan

Средневековое городище Жайык (GPS:N 51 06'16,88; E 51 19'17,59) находится на территории г. Уральска (Зачаганский округ) Западно-Казахстанской области Республики Казахстан на 12 км трассы Уральск – Атырау. Расположено оно на морской аккумулятивной равнине нижнехвалинского возраста, на коренном берегу крупного протока реки Чаган, которая формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размывы и прослеживаются на склоне долины далеко в стороне как выше, так и ниже по течению Урала. Далее, к руслу Урала последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы¹. С южной и юго-восточной сторон территорию городища Жайык ограничивает склон террасы р. Урал, а с других – естественные овраги. Следов каких-либо искусственных ограждений по периметру не обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 7-8 га. На настоящий момент - это отдельно стоящие бугры высотой от 0,3 до 0,6 м, различной планировки и размеров. В 2 км западнее городища на вершине Свистун-горы располагается городской некрополь, где выделяются остатки погребальных сооружений, которые превратились в округлые в плане бугры высотой до 0,2-0,3 м. Поверхность задернована и усыпана обломками жженого кирпича, поливными изразцами.

Кирпичеобжигательная печь. Археологическое изучение печей для обжига кирпичей городища Жайык началось сравнительно недавно, в 2001 году². В полевом сезоне 2012 г. работы по исследованию памятника были продолжены. Юго-восточная часть городища, возможно, была локализована ремесленными кварталами. Для получения окончательной информации было решено произвести археологические исследования в районе обнаружения печи. Был заложен раскоп №1 размером 18x14 м, и в результате проведенных работ расчищена сохранившаяся камера кирпичеобжигательной печи в плане прямоугольной формы.

Объект был построен на краю надпойменной террасы, которая условно является юго-восточным краем городища. Выявленные размеры приблизительны: длина 4,90 м, ширина 3,60 м, высота 1,20 м (рис. 1). Поперек печи размещено восемь перегородок, имеющих

A medieval site of Zhayik (GPS:N 51 06'16,88; E 51 19'17,59) is located on the territory of the town of Uralsk (Zachagan district), the Western-Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan, 12 km of Uralsk-Atyrau highway. It is situated on a maritime accumulative plain of lower Hvalinskiy age, on an indigenous bank of a large channel of river Chagan that forms a terrace-side floodplain. Terraces here are completely eroded and retraced on a slope of the valley far from up/downstream from Ural. Further, closer to Ural's riverbed there are sequentially located a central and riverbed-side floodplains¹. An area of the site of Zhayik is fringed from southern and south-eastern sides with a river Ural terrace slope; from other sides – by natural gullies. No signs of artificial enclosures by perimeter were detected. An area with obvious signs of site development is approximately 7-8 hectares. At present, these are separate hillocks, 0,3 to 0,6 m high, of varied planning and dimensions. Note that a town necropolis is located 2 km away, westward of the site on top of Mt. Svistun. The necropolis is notable for ruins of sepulchral facilities, now in the form of rounded hillocks, up to 0,2-0,3 m high, with surfaces matted and bestrewn with burnt brickbats and slip glazes.

Brick kiln. Archaeological exploration of brick kilns of the site of Zhayik had started not long ago, in 2001². In 2012, archaeological explorations of the monument were under way. A south-eastern part of the site had obviously been localized into handicraft quarters.

To finalize information, it was decided to carry out archaeological excavations on-site of kiln detection. A pit №1 was laid, dimensions 18x14 m, and an extant cell of brick kiln of rectangular form was cleared.

The facility was built on the edge of the above-floodplain terrace which is a south-eastern brink of the site. Its dimensions are as follows: length - 4,90 m; width - 3,60 m; height - 1,20 m (fig. 1). The kiln is divided into eight partitions with an arched aperture in the middle part; a main heating flue is partly preserved in a butt of the southern wall. Partly extant is an arch rising 1,23 m above a level of the primary floor; in the course of clearing it was reinforced by a steel rim (fig. 2). Note that arches are spanned by a horizontal brick setting that forms rectangular apertures – air holes above each channel sections (fig. 3);

Рис. 1. Кирпичеобжигательная печь. Профиль.
Fig1. Brick kiln. Profile.

в средней части проем, перекрытый аркой. Частично сохранились главный топочный канал в торце южной стены и одна арка. Высота арки от уровня основного пола 1,23 м, во время расчистки она была усилена с помощью стального ободка (рис. 2). Арки были перекрыты горизонтальной кирпичной площадкой, образующей над каждой секцией каналов прямоугольные отверстия – продухи (рис. 3), промежуток между ними составляет 25-32 см. Стенки и перегородки сложены из кирпичей на глиняном растворе (рис. 4). Толщина боковых стенок 5-7 см. Внутренняя поверхность стенок ошлакована под действием сильного огня, а наружные – оштукатурены глиняной обмазкой. Толщина горизонтальных швов глиняного раствора - 3-4 см. Размер кирпичей 28x28x5 и 23x22x6 см, но встречаются и более крупные – 30x30x6; 30x25x6 см, а в арках, наоборот, более мелкие – 22x10x5 см. Внутреннее пространство печи оказалось забито глиной и культурным слоем. Во время расчистки найдены слипшиеся блоки бракованных кирпичей - видимо, остатки продукции. В целях безопасности и обеспечения сохранности памятника не были раскопаны до материка южная и юго-восточная стенки печи.

Реконструкция процесса обжига. Анализ устройства этих печей в немногочисленных позднесредневековых письменных источниках, а также этнографических материалов, касающихся методов кустарного обжига

a gap between them is 25-32 cm. Walls and partitions are made of clay mortar brick (fig. 4). Thickness of side walls is 5-7 cm. Inner surface of walls is slagged due to heavy fire; outer surface is stuccoed with puddle. Thickness of horizontal welds of clay mortar are 3-4 cm. Brick dimensions are 28x28x5 and 23x22x6 cm; sometimes 30x30x6 and 30x25x6 cm; smaller in arches – 22x10x5 cm. Internal space of the kiln is choked up with clay and cultural. The clearing made it possible to find stuck, defective brick, perhaps, residues of the product. To ensure safety and integrity of the monument, southern and south-eastern walls of the kiln were not excavated to bedrock.

Reconstruction of firing process. Analysis of the kiln device as provided in not numerous later medieval written sources, as well as ethnographic materials on methods of artisanal brick firing in the 19 century enabled researchers to identify key conditions of operation process. First of all, it is obvious that long-flamed fuel, i.e. ordinary firewood was used in terms of extensive heating flue and relatively high bulkhead. By the way, fuel wood had, up to earlier 20 century, been regarded to be the best for these purposes³. The heat spread along the main heating and lateral flues between bulkheads to create temperature needed for firing. In all probability, upper surfaces of bulkheads served as a hearth stone of the kiln. A width of space between them made up not more than 20 cm; thus, if mudbrick was set on edge transversely to these channels, it did not

*Рис. 2. Кирпичеобжигательная печь, усиленная с помощью стального ободка.
Fig. 2. Steel-belted brick kiln.*

*Рис. 3. Прямоугольные отверстия печи – продухи.
Fig. 3. Rectangular holes of kiln – air holes.*

Рис. 4. Стенки и перегородки печи.
Кирпич и глиняный раствор.
Fig. 4. Walls and baffles of kiln.
Brick and clay mortar.

кирпича в XIX в., позволяет понять основные условия эксплуатации. Прежде всего становится очевидным, что при протяженном топочном канале и относительно высоких перемышках должно было применяться длиннопламенное топливо, т.е. обычные дрова, которые, кстати, вплоть до начала XX в. продолжали считаться лучшим топливом для этих целей³. Жар распространялся по главному топочному и поперечным каналам между перемышками, создавая необходимую для обжига температуру. Возможно, подом печи служили верхние плоскости самих перемышек. Ширина пространства между ними составляла не более 20 см; следовательно, если сырцовые кирпичи клали на ребро поперек этих каналов, то они не должны были проваливаться. Тем не менее, по-видимому, для придания устойчивости нижний ряд обжигаемых кирпичей еще и подклинивали. Таким образом, этот нижний ряд кирпичей создавал решетку, на которую укладывали вырабатываемую продукцию⁴. Вероятно, для лучшего обжига ряды сырца укладывались на ребро, причем кирпичи одного ряда размещались перпендикулярно кирпичам соседнего, или же «в елочку».

Производственный процесс представляется достаточно сложным. Сначала в печи создавали не очень высокую температуру, которую затем поднимали до 800-950 °. После завершения обжига ждали, пока печь остынет, на что уходило не менее недели. В XIX в. весь рабочий цикл - от загрузки до выгрузки продукции - продолжался около двух-трех недель. Предусмотренное для выхода горячих газов верхнее отверстие должно было быть достаточно большим, чтобы через него можно было вести загрузку и выгрузку продукции⁵. Очень

fall through. Also, a lower row of brick fired was additionally wedged up to secure it. In other words, the lower row formed a lattice on which products were laid⁴. To make firing better, the mudbrick was set on edge; in so doing, bricks of one row were placed perpendicularly to those of the neighboring row, or “book-matched”.

Production process seems to be rather difficult. First, kiln temperature was not very high; in the sequel, it rose up to 800-950° C. It took, at least, a week until the kiln got cold. The whole operational cycle – from loading to unloading – lasted for about two-three weeks in the 19th century. A higher aperture designed for gas discharge was rather large to ensure loading/unloading of product⁵. It is probable that the kiln had no vaulted top; its walls rose high enough to be in line with a height of products loaded, i.e. not more than 3 m above upper area of bulkheads. Even in the 19th century a preference was shown to vaultless kilns with open top⁶. In this case, bricks of two-three rows were laid flatwise to serve as roof. Thin layer of sand or slag was usually put on these bricks. A wooden shed was installed above the kiln to protect against rain.

Reconstruction, in general terms, of firing process permits to make a casting-off of kiln output. As is known, in terms of arris bricking, a free space remains between bricks, so that hot gases could shroud adobe brick from all parts. For this reason approx. 400-500 pieces could be placed in one row of the kiln. It was recommended to lay not more than 25 rows of adobe brick in height, mainly less than 16-18 rows in brick kilns of the 19th century. Note that thin bricks of the 12th century were much more deformable, hence, these bricks could be laid as squared ones in many rows. In considering that the kiln was loaded with thin brick in height of 10 rows, it is obvious that about 4-5,000 pieces could be fired si-

Рис. 5. Кирпичи, сложенные круглой в плане формой.
Fig. 5. Round formed brick.

возможно, что печь вообще не имела сводчатого верха, а стенки ее поднимались на высоту, соответствующую высоте рядов загруженной продукции, т.е. не более 3 м над уровнем верхней площадки перемычек. Даже в XIX в. при кустарном производстве предпочитали строить печи с открытым верхом, без свода⁶. В таком случае кирпичи на двух-трех верхних рядах укладывали плашмя вплотную, так что они служили как бы крышей. Поверх этих кирпичей обычно насыпали тонкий слой песка или шлака. Для защиты от дождя над печью ставили деревянный навес.

Реконструкция, хотя бы в самых общих чертах, процесса обжига позволяет сделать примерный расчет производительности печей. Как известно, при укладке кирпичей на ребро между ними остается свободное пространство, чтобы горячий воздух мог охватить сырец со всех сторон, поэтому в одном ряду можно было разместить примерно 400-500 штук. В кирпиче-обжигательных печах XIX в. рекомендовалось укладывать не более чем 25 рядов сырца в высоту, а большей частью - значительно меньше, всего 16-18 рядов. Тонкие кирпичи XII в. гораздо легче поддавались деформации и, несомненно, их нельзя было укладывать во много рядов, как брусковые. Если принять, что печь загружали плинфой на высоту 10 рядов, то окажется, что можно было одновременно обжигать до 4-5 тыс. штук кирпичей. А так как при обжиге получалось много брака, то примерным количеством можно считать 1200 штук⁷. Сезон работы кирпичеобжигательных печей мог продолжаться несколько дольше, чем сезон формовки сырцов - до 150 рабочих дней. Учитывая, что цикл работы печи был примерно 2,5 недели, можно полагать, что каждая печь использовалась 8-10 раз за сезон и могла дать, таким образом, до 50 тыс. кирпичей. Количество кирпичей, необходимых для возведения достаточно крупного здания, составляло менее 1 млн. штук.

Сравнение кирпичеобжигательных печей Жайыка и соседних территорий дает основание заключить, что выявленные типы печей имели широкое территориальное распространение. В 2009 году на округе городище Жалпактал была обнаружена аналогичная кирпичеобжигательная печь⁸. Известна печь, возможно, X в. в Маджаре (Болгария). Она врезана в землю, прямоугольна с поперечными перемычками, сквозь которые проходит два параллельных перекрытых арками топочных канала. Под обжигательной камерой сложен из горизонтально расположенных кирпичей. Близкие по конструкции печи имели распространение и на территории, входившей в состав Золотой Орды. Так, одна из них раскопана в древнем Сарайчике, функци-

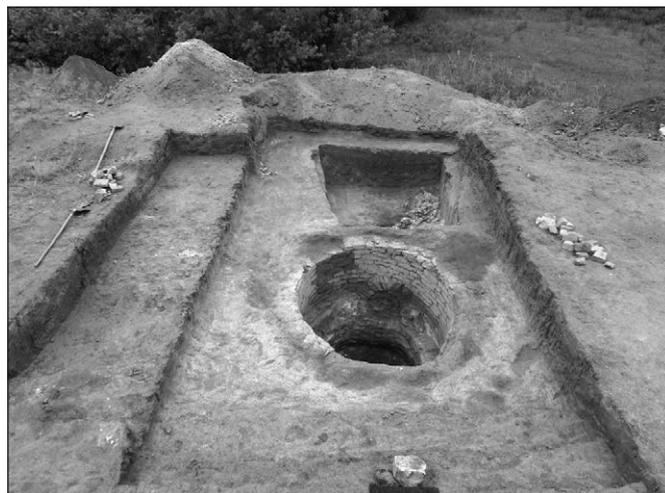

Рис. 6. Печь для сжигания извести.

Fig. 6. Lime burning kiln.

multaneously. Furthermore, there was a great quantity of defective articles averaging 1200 pieces⁷. Working season of brick kilns lasted longer than that of adobe brick forming - about 150 working days. When adjusted for the fact that kiln's production cycle was about 2,5 weeks, it may be supposed that every kiln was used 8-10 times per season and could produce 50,000 pieces of brick. The number of bricks required for erection of a large building made up, at least, 1 million pieces.

Comparison between brick kilns of Zhayik and neighboring territories gives grounds to infer that the revealed types of kilns were widely spread. In 2009, an identical brick kiln was discovered on the site of Zhalpaktal⁸. The kiln is known to operate in the 10th century in Madara (Bulgaria). It is cut into earth of rectangular form with cross bulkheads traversed by two parallel arched heating flues. A hearth of roasting chamber is laid of horizontally located bricks. Constructively identical kilns were spread on a territory that formed a part of the Golden Horde. Thus, one of them was unearthed in ancient Saraychik and operated at the turn of the 13-14th centuries¹⁰. Cross walls were placed close to each other, so their upper surface served as a hearth of roasting chamber. A rectangular kiln of the 14th century, dimensions 3,0 x 2,5 m, was uncovered in Bolgar¹¹. It, perhaps, had a hearth of horizontally laid bricks resting on cross walls. Two kilns were discovered in medieval Belgorod to form a single production complex going back to the 13-14th centuries¹². They were cut into remains of ancient housing developments and their walls laid of adobe brick on clay mortar. Also, space between walls and stone walls of ancient buildings was choked up with earth. As viewed by researchers, these kilns served for firing brick, tile, pipes and other building materials. A larger rectangular kiln (4,5 x 3,0 м) with six cross walls

онировала на рубеже XIII-XIV вв.¹⁰. Здесь поперечные стенки были расположены столь близко одна от другой, что их верхняя поверхность могла служить подом обжигательной камеры. Прямоугольная печь XIV в. (3,0x2,5 м) вскрыта в Болгаре¹¹. Она, по-видимому, имела под из горизонтально сложенных кирпичей, опирающихся на поперечные стенки. Две печи, представляющие собой единый производственный комплекс и относящиеся к рубежу XIII-XIV вв., обнаружены в средневековом Белгороде¹². Они встроены в остатки античных жилых построек. Стенки сложены из сырцов на глиняном растворе, для теплоизоляции пространство между стенками и каменными стенами древних построек забито землей. По предположению исследователей, печи служили для обжига кирпичей, черепицы, труб и прочих строительных материалов. Более крупная прямоугольная печь (4,5 x 3,0 м) с шестью поперечными стенками раскопана в Старом Орхее¹³. Сквозь поперечные стенки вдоль печи также проходил перекрытый широкими арками топочный канал. Об устройстве верхней камеры (обжигательной) сведений нет. Печь служила для обжига кирпичей и относится к XIV в. Аналогии и в достаточном количестве изучены на территории и в памятниках Средней Азии. Здесь известны печи, относящиеся к XI-XII и XIII-XV вв.¹⁴. Они прямоугольные, с пятью-семью поперечными стенками внутри и проходящим сквозь них единственным топочным каналом, перекрытым аркой. Размер печей обычно около 3 м. Подом обжигательной камеры служили верхние горизонтальные плоскости поперечных стенок.

Таким образом, в X-XV вв. почти идентичные по конструкции печи для обжига кирпича применялись на чрезвычайно обширной территории Юго-Восточной Европы и Средней Азии. Исследователи уже отмечали, что по происхождению данный тип связан с позднеантичными традициями. При этом выясняется, что расположение печей на плоской площадке или на склоне не может служить характеризующим признаком, а скорее связано с местными условиями. Если была возможность врезать печь в глинистый склон, это, конечно, повышало ее теплотехнические качества и удешевляло строительство. Но если такого склона поблизости не было, печь строили на плоскости, значительно увеличивая толщину наружных стенок или забучивая пространство вокруг стенок камнями и засыпая землей. Не представляет принципиальных отличий и форма печи - прямоугольная или круглая, поскольку известны одинаковые по устройству печи как той, так и другой формы, а иногда даже промежуточные - приближающиеся к прямоугольнику со скругленными

was unearthed in Old Orkhea¹³. A broadly arched heating flue ran across cross walls. No information about design of upper chamber (roasting) is available. The kiln went back to the 14th century and served for firing bricks. Identical kilns were explored on the territory and in monuments of the Central Asia. The point is about kilns going back to the 11-12th and 13-15th centuries¹⁴. These were of rectangular form with 5-7 cross walls inside and an arched heating flue running through them. Dimension of the kilns is about 3 m. Upper horizontal plane of cross walls served as a hearth of roasting chamber.

Thus, in the 10-15th centuries, practically identical kilns for brick firing were applied on a vast territory of South-Eastern Europe and Central Asia. Researchers pointed out that this type went back to later ancient traditions. It turned out that placement of kilns on a flat surface or a slope was not a distinctive featured but rather linked to local conditions. In case where the kiln was cut into a clayey slope, this helped to improve its heat-engineering qualities and make construction cheaper. If no slope of this sort was available, the kiln was installed on plane to thus essentially expand thickness of periphery walls or backfill space around walls with stones and cover up with earth. Nothing different was typical for forms of the kiln, either rectangular or circular, for there are kilns both of varied and identical forms, sometimes intermediates, closer to rectangular ones with rounded corners. There is more essential difference – presence or lack of a special hearth with round air holes. Kilns designed solely for firing bricks, not amphora or any other crocks had upper surfaces of walls or horizontally laid bricks that served as hearths. Kilns with round air holes running through a vaulted hearth were mostly designed for firing of vessels. However, that was possible but not obligatory, so bricks

Рис. 7. Проем печи стрельчатой формы.
Fig. 7. Kiln aperture of pointed form.

углами. Более существенное различие - наличие или отсутствие специального пода с круглыми продухами. В тех печах, которые, несомненно, строились специально для обжига кирпичей, а не амфор или другой посуды, подом служили верхние поверхности стенок или же горизонтально уложенные на них кирпичи. Печи с круглыми продухами, проходящими сквозь сводчатый под, большей частью предназначались для обжига именно сосудов, что, очень возможно, не было безусловным и кирпичи обжигали в печах обоего типа.

Печь для сжигания извести. Для выявления стратиграфии надпойменной зоны городища Жайык были заложены несколько шурфов. В одном из шурфов (впоследствии раскоп №4) на глубине 60-65 см были обнаружены остатки кладки из плинфы. Кирпичи были сложены круглой в плане формой (рис.5). находка представляет особый интерес, если учесть, что основным связующим материалом в средневековом строительстве была известь. Получали ее путем обжига известняка в специальных печах¹⁵.

Печь имела форму цилиндрической шахты с внутренним диаметром 2,2-2,3 м. Стенки сложены из кирпичей на глине. Размер кирпичей 30x30x6 см. Толщина стенок около 32 см, т.е. в один кирпич. Сохранились стенки на высоту 13 рядов кирпичей (рис. 6). Изнутри стенки ошлакованы огнем. С южной стороны в нижней части печи размещался стрельчатой формы проем шириной 90 см, несколько расширявшийся наружу (рис. 7). Чуть ниже находился проем-продух размером 20x15 см. Дно печи глиняное, прожженное на глубину 5 см. На высоте 70-80 см от дна внутренние стенки имеют уступ (рис. 8), стенки которого побелели от приставшей извести. Также отмечены осколки белого камня – известняка и скопление древесной золы, встречены обожженная глина, культурные остатки. На глубине 20-25 см от уступа обнаружен толстый слой золы с мелкими фрагментами мела. В заполнении печи найдены куски стенки - битые плинфы на глине, фрагменты костей животных, а также красноглиняной керамики. Ниже лежал слой извести и обломки известняка. Известь имелась и вне печи, перед ее проемом. В южной части вне печи расчищен котлован глубиной 1,30 м, который был заполнен крупными кусками извести. По-видимому, данный котлован служил для хранения заготовок, т.е. мела, извести.

Для сравнения можно отметить, что аналогичные печи для обжига конца XIII-начала XIV в. известны также по раскопкам в средневековых русских городах и Уэлсе (Англия)¹⁶. Это круглые в плане строения, сложенные из камней насухо. Внутренний диаметр печей около

Рис. 8. Уступ внутренней стенки печи.
Fig. 8. Ledge of kiln inside wall.

were fired in kilns of both types.

Lime firing kiln. Several bore pits were laid to identify the above-floodplain stratigraphy of the site of Zhayik. Fragments of thin brick were uncovered in a bore pit at a depth of 60-65 cm (hereinafter referred to as archaeological dig №4). The brickwork was laid of round in plan form (fig.5). The find is of particular interest, especially as the main binding material used in the medieval construction was lime. It was produced through firing limestone inside special furnaces¹⁵.

The kiln was of cylindrical pit form with inner diameter 2,2-2,3 m. Its walls are made of brick in clay. Dimensions of brick are 30x30x6 cm. Thickness of walls is about 32 cm, i.e. one brick. Height of walls extant is 13 rows of brick (fig. 6). Walls are slagged with fire inside. An aperture, 90 cm wide, slightly splay outside (fig. 7), was located in the lower part of the kiln from the southern side. Just below there was an aperture – air hole, dimensions 20x15 cm. Bottom of the kiln is earthen, burnt through 5 cm. Inner walls have a shoulder (fig.8) at a height of 70-80 cm from the bottom. Walls of the shoulder were white because of stuck limestone; there are fragments of white stone – limestone and accumulations of ash. Also, there are fragments of burnt clay and cultured remains. A thick layer of ashes with small chalk fragments was discovered at a depth of 20-25 cm from the shoulder. Pieces of walls were discovered in kiln filling, including broken thin brick on clay, fragments of animal bones and red-clay ceramic. A layer of lime and splinters of limestone were found in the lower part. Note that the lime was discovered outside the kiln in front of its aperture. A depression, 1,30 m was cleaned in the southern part outside the kiln with its inside part filled with large pieces of lime. In all probability, the depression served as storage for chalk and lime laying-in.

2 м, книзу они несколько сужаются. В отдельно стоящих печах толщина стенок почти 2 м, а в тех, что врыты в холм - всего 30 см. В нижней части печей имеется по два отверстия, расположенных друг против друга. Известь здесь выжигали из местного известняка или мела, а топливом служил местный каменный уголь. К сожалению, принцип функционирования таких печей остается не вполне ясным. Рабочие моменты протекали по двум вариантам. В первом случае печь действовала периодически (так называемая "непроходная" печь), во втором - непрерывно («проходная» печь)¹⁷. В «непроходной» печи над топочной камерой делали свод из крупных известняковых камней. Этот свод служил как бы решеткой, на которую загружали более мелкие куски известняка. Обжиг в такой печи продолжался 3-5 дней (включая загрузку и охлаждение после обжига), затем печь выгружали. В «проходной» печи над топочной камерой размещалась решетка, на которой укладывались чередующиеся слои угля и известняка. При обжиге известь сквозь решетку попадала вниз и выгребалась через устье, а сверху загружался новый слой. На один цикл работы требовалось около недели. В печах второго типа количество угля оказывалось больше, чем при обжиге в «непроходной» печи. По какой системе работала обнаруженная нами печь, судить трудно. Уступ на внутренних стенках мог служить для укладки решетки (если печь работала как «проходная»), но мог быть предназначен и для опоры пят каменного свода (при «непроходной» печи).

To compare, identical kilns of later 13-earlier 14th centuries are known by excavations carried out in medieval Russian towns and in Wales (England)¹⁶. Round formed kilns are built of dry stone. Their inside diameter is about 2 m, gets slightly narrower downwards. Thickness of walls of separate kilns is nearly 2 m, and that of hill-dug is just 30 cm. In the lower parts of kilns there are two holes as opposed one to another. Lime was burnt here out of local limestone or chalk with local black coal as a fuel. Regretfully, a principle of functioning of kilns of this sort remains to be hazy. Operating mechanism comes from two variants. In the first variant, the kiln operated periodically (the so-called "no-go" kiln); in the second variant, it operated continually (the so-called "pusher-type" kiln)¹⁷. An arch of large limestone was built in "no-go" kiln above a combustion chamber. This arch served as a grid where smaller pieces of limestone were charged on. Burning process lasted 3-5 days, including charging and cooling after burning; then the kiln was discharged. There was a grid above a combustion chamber in the "pusher-type" kiln charged with alternating layers of coal and limestone. When burnt, the lime through the grid went down and then raked out via an orifice, a new layer was charged from above. It took one week to complete one cycle of work. Kilns of the second type had a greater quantity of coal as compared with burning by "no-go" kiln. It is hard to judge how the kiln discovered operated. A ledge on inside walls was intended for laying a fireguard (in case of "pusher-type" kiln), and for supporting an abutment (in case of "no-go" kiln).

¹ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002.

² Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. С. 72-86. Алматы, 2005.

³ Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.

⁴ Кузнецова М.Ю. Раскопки печи для обжига кирпича в пос. Селище // Археологические открытия - 1975 г. С. 72-74. М., 1976.

⁵ Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.

⁶ Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.

⁷ Коноров А.В. К истории кирпича в России в XI-XX вв. // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 7. С. 110-124. М., 1956.

⁸ Отчет о курганном комплексе Жалпактал 1 и городище Жалпактал в 2009 году. Исполнители: Марыксин Д. В., Джубанов А.А. (Архив «Центра истории и археологии ЗКО», г. Уральск, РК). Уральск, 2010.

⁹ Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.

¹ Baypakov K.M., Smagulov E.A., Axatov G.A. Issledovanie srednevekovogo goroda v okrestnostyax g. Ural'ska // Voprosi istorii i arkeologii Zapadnogo Kazakhstana. Vyp. 1. Ural'sk. 2002.

² Baypakov K.M., Smagulov E.A., Axatov G.A. Srednevekovoe gorodishe Jayik. S.72-86. Almati. 2005.

³ Rappoport P.A. Stroitel'noe proizvodstvo Drevney Rusi X-XIII vv. Sankt-Peterburg. 1994.

⁴ Kuznetsova M.Yu. Raskopki pechi dlya objiga kirpicha v pos. Selishe // Arkheologicheskie otkritiya - 1975 g. S. 72-74. Moskva. 1976.

⁵ Rappoport P.A. Stroitelnoe proizvodstvo Drevney Rusi X-XIII vv. Sankt-Peterburg. 1994.

⁶ Rappoport P.A. Stroitelnoe proizvodstvo Drevney Rusi X-XIII vv. Sankt-Peterburg. 1994.

⁷ Konorov A.V. K istorii kirpicha v Rossii v XI-XX vv. // Trudi Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki. T.7. S. 110-124. Moskva. 1956.

⁸ Otchet o kurgannom komplekse Jalpaktal 1 i gorodishe Jalpaktal v 2009 godu. Ispolniteli: Mariksin D.V., Djubanov A.A. (Arkhiv "Tsentra istorii i arkeologii ZKO", g. Ural'sk, RK). Ural'sk. 2010.

⁹ Rappoport P.A. Stroitelnoe proizvodstvo Drevney Rusi X-XIII vv. Sankt-Peterburg. 1994.

¹⁰ Pacevich G.I. Pech' dlya objiga kirpicha v drevnem gorode Saray-

- ¹⁰ **Пацевич Г.И.** Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. Вып. 69. С. 111. Москва, 1957.
- ¹¹ **Хованская О.С.** Гончарное дело города Болгара // МИА. № 42. М. 1954.
- ¹² **Кравченко А.А.** Производственные комплексы Белгорода XIII-XIV вв. // Античная Тира и средневековый Белгород. С. 115. Киев, 1979.
- ¹³ **Полевой Л.Л.** Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. С. 156. Кишинев, 1969.
- ¹⁴ **Пругер Е.Б.** Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // ТЮТАКЭ. Т. 14. С. 230-239. Ашхабад, 1969.
- ¹⁵ **Раппопорт П.А.** Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. С. 19. Санкт-Петербург, 1994.
- ¹⁶ **Раппопорт П. А.** Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. С. 39-44. Санкт-Петербург, 1994.
- ¹⁷ **Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П.** Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 4 (70). С. 47-49. Кишинев, 1957.
- chike // KSIIMK. Vipusk 69. S. 111. Moskva. 1957.
- ¹¹ **Khovanskaya O.S.** Goncharnoe delo goroda Bolgara // MIA. № 42. Moskva. 1954.
- ¹² **Kravchenko A.A.** Proizvodstvennie kompleksi Belgoroda XIII-XIV vv. // Antichnaya Tira I srednekoviy Belgorod. S.115. Kiev. 1979.
- ¹³ **Polevoy L.L.** Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ya v XIV v. S.156. Kishinev. 1969.
- ¹⁴ **Pruger E.B.** Kirpicheobjigatel'noe proizvodstvo srednekovogo Merva // TYUTAKE. T. 14. S. 230-239. Ashkhabad. 1969.
- ¹⁵ **Rappoport P.A.** Stroitelnoe proizvodstvo Drevney Rusi X-XIII vv. S. 19. Sankt-Peterburg. 1994.
- ¹⁶ **Rappoport P.A.** Stroitelnoe proizvodstvo Drevney Rusi X-XIII vv. S. 39-44. Sankt-Peterburg. 1994.
- ¹⁷ **Chebotarenko G.F., Birnya P.P.** Arkheologicheskie raskopki u s. Bravicheni v 1956 g. // Izvestiya Moldavskogo filial AN SSSR. № 4 (70). S. 47-49. Kishinev. 1957.

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА

URBANISTIC CIVILIZATION OF MEDIEVAL KHOREZM

© 2013 г. М.-Ш. Кдырниязов

Нукус, Узбекистан

© 2013 M.-Sh. Kdyrniyazov

Nukus, Uzbekistan

Изучение средневековых городов Узбекистана, в частности Хорезма, игравших значительную роль в истории государственности, является одной из важных задач археологической науки республики. И в наши дни центральными остаются вопросы процесса урбанизации в Хорезме с античности до позднего средневековья.

Хорезм можно назвать одним из цивилизованных, урбанизированных центров Центральной Азии, возраст некоторых городов доходит до 2500-2700 лет (Хива, Хазарасп)¹. Сегодня хорошо изучены остатки ряда античных городов, таких, как Кюзелигыр (VI в до н.э.), Кой-крылган-кала (VI в до н.э. - IV в н.э.), Акшахан, Хива (IV в. до н.э.), Топрак-кала (II в до н.э. - V в. н.э.) и др.

В письменных источниках Хорезм неоднократно упоминается как богатейший центр градостроительства, ремесла, торговли. Расположение Хорезма на пути передвижения караванов с Востока на Запад и обратно, близкое соседство с Великой степью благоприятствовали его экономическому и культурному развитию, привели в некоторой степени к интеграции городской культуры Хорезма, Мавераннахра и в целом Восточного исламского мира.

Однако до настоящего времени в историографических работах урбанизация средневекового Хорезма проблемно не разрабатывалась, не были специально рассмотрены факторы и исторические этапы развития процесса. В свете вышесказанного наша статья посвящается вопросам исторического развития урбанистической цивилизации средневекового Хорезма, охватывая конец раннего средневековья до начала XVI в. Это период, когда городская культура Хорезма, несмотря на некоторые негативные явления (нашествие монголов), развивалась, в основном, по восходящей линии.

Интерес к истории средневековых городов Хорезма давно был в центре внимания отечественного и зарубежного востоковедения и археологии (В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, С.П. Толстов, Я.Г. Гулямов, Н.Н. Вактурская). В прошлом столетии в ходе работ Хорезмской археологической экспедиции появились отдельные исследования, статьи, посвященные предварительным результатам изучения античных (Кой-крылган-кала, Кюзелигыр, Топрак-кала) и средневековых городов

The research into the history of medieval towns of Uzbekistan, particularly, Khorezm, that played a key role in the history of statehood, is one of the most important tasks of the archaeological science of the Republic. Note that questions of urbanization in Khorezm from ancient times to later Middle Ages remain to be imperative in these days as well.

Khorezm may be termed as one of the most civilized, urbanized centers of the Central Asia with ages of some cities reaching 2500-2700 years (Khiva, Khazarasp)¹. At present, remains of some ancient towns, including Kyuzeligyr (6th century B.C.), Koy-krylgan-kala (6th century B.C. – 4th century A.D.), Akshakhan, Khiva (4th century B.C.), Toprak-kala (2th century B.C. – 5th century A.D.), etc.

Written sources repeatedly refer to Khorezm as the richest center of town-planning, handicraft and trade. Khorezm's location on caravan routes from the East to the West and back, close neighborhood to the Great Steppe did much to foster its economic and cultural development and thus led to the integration of urban culture of Khorezm, Mavarannahr and the Oriental Islamic world as a whole.

However, until recently no urbanization of medieval Khorezm has so far been scrutinized nor factors and historical stages of development processes examined. In this regard, our article deals with historical development of urbanistic civilization of medieval Khorezm embracing later Middle Ages-earlier 16th century. The point is about a period where the urban culture of Khorezm, despite some negative events (Mongolian invasion), developed largely in the line of accent.

It'd be appropriate to note that the interest in the history of medieval towns of Khorezm has long been in the focus of attention of home and foreign oriental studies and archaeology (V.V. Bartold, A.Y. Yakubovskiy, S.P. Tolstov, Y.G. Gulyamov, N.N. Vakturskaya). The last century saw some research materials following the results of the Khorezm archaeological expedition. These included works and articles devoted to preliminary results of the study into ancient (Koy-krylgan-kala Kyuzeligyr Toprak-kala) and medieval towns (Kunya-Urgench, Shemakha, Sheherlik, Miz-

(Куня-Ургенч, Шемаха, Шехерлик, Миздахкан). На основании этих данных были разработаны этапы развития урбанизации в античном Хорезме², определены зоны распространения городской культуры в раннесредневековом Хорезме³. Однако период от начала развитого и до позднего средневековья (XI-XV вв.), несмотря на его важность, до сих пор оставался слабоосвещенным.

Урбанизация в истории цивилизации Хорезма, как и в других районах Центральной Азии, имеет тысячелетнюю историю. В настоящее время установлено, что ранние этапы приходятся на эпоху раннего железного века, т.е. процесс начался в первой половине I тысячелетия до н. э. В это время появился Кюзелигыр - городской центр в левобережном Хорезме. Как показали раскопки на городище Кюзелигыр, общественные постройки здесь сооружены на рубеже VII-VI вв. до н. э.⁴. В последние годы аналогии выявлены и в Акшахан кале⁵. В целом, в пределах Хорезмского оазиса зафиксировано около 400 поселений античного времени⁶. Археологические работы во второй половине прошлого столетия дали основание выделить следующие этапы урбанизации античного Хорезма: доахеменидский период (VII-до середины VI в. до н.э.), ахеменидский - (середина VI-V вв. до н.э.), раннеантичный - (конец V-III вв. до н.э.), переходный - (II в. до н.э.-I в. н.э.), позднеантичный - «кушанский» (II-IV в. н.э.)⁷.

В работе С.П. Толстова, изданной в 1948 году, выделяются афригидский (VI-IX вв.), афригидо-саманидский (IX-XI вв.), хорезмшахский (XI-нач.XIII в.) и хорезмийско-джучидский (XIII-XIV вв.) средневековые периоды Хорезма. Здесь же дана краткая характеристика различных этапов городской культуры средневековья⁸. Позже Е.Е. Неразик на основе новых материалов предложила свой вариант распространения урбанизации на территории страны. По ее мнению выделяются три зоны: I - центральная, приамударьинский район; 2 - низовья Амударьи; 3 - северо-западные окраины страны (ДAUDAN, ДАРЬЯЛЫК)⁹. Однако, поскольку не было принято серьезных попыток выделить основные этапы урбанистического развития средневекового Хорезма, мы попытаемся провести собственный анализ городской цивилизации, охватив период X-XV вв., и внести некоторые коррективы в свете новых исследований.

Поскольку Хорезм был одной из культурных областей мусульманского мира, то и значительная часть письменных источников создавалась в арабо- и персоязычных странах. Сведения о средневековых городах Хорезма можно найти, в основном, в путевых записках, географических трудах и исторических сочинениях. Они содержат информацию о городах и поселениях,

The data obtained enabled researchers to scrutinize various stages of urbanization development in ancient Khorezm², identify zones of urban culture spreading in early medieval Khorezm³. However, the period covering the beginning of developed and the end of later Middle Ages (11-15th centuries) is, despite its significance, scantily explored.

It should be noted that the urbanization in the history of Khorezm civilization, like in other regions of the Central Asia has a millennium old history. It has recently been established that earlier stages fell on the Iron Age; in other words, the process started in the first half of the I millennium B.C. This period marked the appearance of Kyuzeligyr, urban center in left-bank Khorezm. Excavations on the site of Kyuzeligyr went to show that public structures here had been erected at the turn of the 7-6th centuries B.C.⁴. For some time past, similarities have been revealed in Akshakhan-kala⁵. As a whole, approx. 400 settlements of ancient times have been established within the bounds of Khorezm oasis⁶. Archaeological excavations in mid- and end of the last century gave grounds to single out the following stages of urbanization of ancient Khorezm: pre-Ahemenide period (7-mid-6th centuries B.C.), Ahemenide (mid-6-5 centuries B.C.), early ancient period (later 5-3th centuries B.C.), towns of transition period (2th century B.C.-1th century A.D.), later ancient - "Kushan" period (2-4th centuries)⁷.

A work by S.P. Tolstov issued in 1948 sorts out Afrigide (6-9th centuries), Afrigid-Samanide (9-11th centuries), Khorezmshah (11- earlier 13th centuries) and Khorezmian-Juchid (13-14th centuries) medieval periods of Khorezm. It provides a brief description of various states of urban culture in the Middle Ages⁸. Later on, E.E. Nerazik suggested on the basis of new materials her own variant of urbanization spreading on the country's territory. To her thinking, there three zones: 1 - central Amu Darya region; 2 - lower reaches of Amu Darya; 3 - north-western outskirts of the country (Daudan, Daryalyk)⁹. However, no serious attempts have so far been made to identify main stages of urbanistic development of medieval Khorezm, we'll try to conduct our own analysis of urban civilization to cover the 10-15th centuries and make some amendments to comply with new historical materials.

When adjusted for the fact that Khorezm was one of the cultural centers of the Moslem world, a substantial part of written monuments was created in Arab- and Persian-language countries. Information about medieval towns of Khorezm may largely be

на основе которых изучались проблемы исторического развития урбанизации в Хорезме IX-XV вв.

Одними из раннесредневековых городов Хорезма можно считать Кят (Фил), Хазарасп и Ургенч (Табари)¹⁰. Как показали раскопки в двух последних, они сформировались еще в античное время (VI в. до н.э.-IV в. н.э.)¹¹. В 30-е годы X в. количество городов в Хорезме достигало 13 (Кас (Кят), Дарган, Хазарасп, Хива, Хушмисан, Ардахумисан, Сафардыз, Нузбар, Кардаранхош, Кардар, Баратегин, Мазминия, Джуржания)¹². А уже к концу X в. (985-1000 гг.), по данным ал-Макдиси, число городов доходит до 33¹³. В это время появляются и господствуют рабады - пригороды, куда переходят центры экономической жизни городов. Большинство из них локализуется на месте современных развалин древних городов. Однако указанное количество городов нельзя считать исчерпывающим, так как в должной мере не обследованы археологически "мертвые" городские поселения, которые к настоящему времени перекрыты поздними застройками или современными кладбищами.

В источниках эпохи хорезмшахов Ануштегинидов (1097-1231 гг.) к вышеперечисленным названиям добавляются новые. Например, Якут ал-Хамавий в своем энциклопедическом географическом словаре (1219/1220 гг.) приводит названия новых городов (Субурна-Шахсанем, Баф, Ишша, Тумуртош, Хорур, Рузан). В этот период развивается ремесло, торговля, земледелие и строительное дело, усиливается экономическая мощь страны. При хорезмшахах раннесредневековые поселения превращаются в большие города. Кроме того, возникает целый ряд новых городов и поселений, особенно в левобережной части Амударьи. В эту эпоху начинается военная и культурно-экономическая экспансия Хорезма на север. Представители правящей династии в лице Атсыз шаха (1127-1156 гг.) и Иль Арслана (1156-1172 гг.) в борьбе против Сельджукидов неоднократно организовывали походы на Мангышлак. Тогда и возникли некоторые крепости полуострова со следами элементов строительной и материальной культуры Хорезма. К ним относятся Кызыл-кала (X-начало XIII в.), Шер-кала, городища Коргантас, Каракавак, десятки новых караван-сараяв и крепости-убежища: Айгырлы, Тубежик (территория Мангышлака). Материалы этих городищ свидетельствуют, что в средние века северная часть Арало-Каспийского региона была составной частью крупнейшего историко-культурного центра Хорезма. В целом, по авторитетному мнению исследователя данного региона А.Е. Астафьева, «благодаря именно природным условиям в местности Акмыш (вокруг Кызыл-калы) и других возникает хорезмийский

found in travel writings, historical works, geographical and historical works. They provide information about towns and settlements that helped scrutinize the historical development of urbanization process in Khorezm, 9-15th centuries.

As for early medieval towns of Khorezm, worthy of note are Kyat (Fil), Khazarasp and Urgench (Tabari)¹⁰. Excavations of the two last went to show that they had been shaped in ancient times (6 century B.C.-4th century A.D.)¹¹. In the 930s, the number of towns in Khorezm reached 13 (Kas (Kyat), Dargan, Khazarasp, Khiva, Hushmisan, Ardahumisan, Safardyz, Nuzbar, Kardaranhosh, Kardar, Barategin, Mazminia, Jurd-jania)¹². In the end of the 10th century (985-1000), the number of towns reached 33, according to al-Makdisi¹³. In the reviewed period there arose and ruled rabads – suburbs as centers of economic life of towns. Most of them were localized in place of today's ruins of ancient towns. However, the number of towns is not exhaustive, since archaeologically "dead" urban settlements have not properly been explored and are currently blocked by later buildings or cemeteries.

New towns are referred to in historical sources going back to the epoch of Khorezmshahs Anushteginides (1097-1231). For instance, Yakut al-Khamavi mentions in his encyclopedic geographical vocabulary (1219/1220) names of new towns (Suburna-Shahsenem, Baf, Ishsha, Tumurtosh, Horur, Ruzan). Also, handicrafts, trade, farming and construction rapidly developed in the reviewed period; economic might of the country strengthened. Under Khorezmshahs, early medieval settlements tended to turn into big cities. Besides, there arose new towns and settlements, especially in left-bank of Amu Darya. This epoch marked the military and cultural-economic expansion of Khorezm northwards. Representatives of the ruling dynasty in the persons of Atsyz Shah (1127-1156) and Il Arslan (1156-1172) repeatedly attacked a peninsula of Mangyshlak when struggling against Seljukides. This period was notable for the construction of several fortresses on the peninsula that had traces of construction and material culture of Khorezm. These included Kyzyl-kala (10-earlier 13th centuries), Sher-kala, sites of Korgantas and Karakavak, tens of new caravanserais and fortresses-shelters: Aygyrly, Tubezhik (territory of Mangyshlak). Materials of these sites are indicative that in the Middle Ages the northern part of Aral-Caspian region was an integral part of historical-cultural center of Khorezm in the Central Asia. As viewed by A.E. Astafyev, an authoritative expert in monuments of

культурно-ремесленный центр, связанный с доходами транзитной торговли и торговли с местным кочевым населением»¹⁴. Об этом свидетельствуют и следы железного, медницкого, стекольного, гончарного производства (печи) и ювелирного ремесла, массовый сбор хозяйственной, бытовой, столовой и поливной керамики хорезмийского образца. В целом, эти артефакты полностью идентичны материалам Хорезма периода X-начала XIII века.

Рост городов продолжался и в последующие десятилетия, их территория расширяется за счет рабадов. Формируется городская планировка, отвечающая традиционным критериям восточного мусульманского градостроительства. Площадь поселений становится максимальной. Город дает много продукции, причем некоторые виды имеют массовый характер. Однако ученые, занимающиеся археологическим исследованием городов Хорезма, специально не рассматривали причины и характер подъема градостроительной культуры, хотя актуальность такого проблемного вопроса несомненна.

Как известно, развитие центрально-азиатских городов было прервано монгольскими завоеваниями (1219-1221 гг.). Источники XIII-XIV вв. эмоционально и образно описывают состояние областей, подвергшихся монгольскому нашествию. Как выяснилось, были разорены поселение Кават-кала и большой сельскохозяйственный район «от Замахшара до Ярбекира»¹⁵. Археологические работы позволяют говорить, что впоследствии не все города смогли возродиться.

Вместе с тем исследования последних лет свидетельствуют о новом подъеме городской культуры в XIII-XIV вв. Многолетние раскопки на Кунья-Ургенче, Джанпык-кале, Топрак-кале (Кунградская), Бограхане, Пулжае, Урге, Миздахкане, Хиве, Хазараспе приводят к выводу, что в золотоордынскую эпоху успешно развивались города и сельские поселения, например, северного Хорезма. В частности, в ранее не обследованном оазисе Крантау выявляются образцы материальной культуры (керамика) и погребальных сооружений хорезмско-джучидской культуры¹⁶. Аналогичная картина наблюдается и в других городах Центральной Азии. В это время начинается возрождение городской жизни в Дехистане, Анау, Геруриде¹⁷, Ахуре, Нисе¹⁸, Шехр-Исламе¹⁹, Мерве²⁰, Термезе²¹, Самарканде²², Бухаре²³, Отраре²⁴, Испиджабе²⁵ и других.

Большинство городов в средневековом Хорезме возникли на базе земледельческих поселений как результат социально-экономического развития страны. С.П. Толстов указывал, что города Хорезма в VIII-IX

the region, "It was natural conditions that favored the creation of Khorezmian cultural-artisanal center in Akmysh (near Kyzyl-kala) to deal with transit trade and local nomadic population income"¹⁴. Testifying to this are traces of iron, copper, glass, pottery and jewelry production; finds of household, domestic and glazed ceramics of Khorezmian type. As a whole, these artifacts are identical to materials of Khorezm in the 10-earlier 13th centuries.

It has to be kept in mind that the growth of towns went on in the subsequent decades as well; their territories expanded at the expense of rabads. Town-planning design to comply with traditional criteria of the Oriental Moslem urban development was formed; areas of settlements maximized; the town yielded large volume of products, some of mass production. This matter being topical today notwithstanding, experts in archaeology of Khorezmian towns failed to examine reasons and nature of the growth of town-planning culture.

It is widely known that the development of Central-Asian towns came to a halt due to the Mongolian invasion (1219-1221). Sources of the 13-14th centuries figuratively describe the situation in Mongolian invasion-affected regions. Archaeological explorations go to show that subsequently not all towns returned to life. It appeared that the Mongols ravaged the settlement of Kavat-kala and a large agricultural area "from Zamahshar to Yarbekir"¹⁵.

The latest studies testify to a new growth of urban culture in the 13-14th centuries. Years-long excavations in Kunya -Urgench, Janpyk-kale, Toprak-kale (Kungradskaya), Bograkhhan, Pulzhay, Urga, Mizdakhan, Khiva, Khazarasp say that towns and rural settlements in the Golden Horde epoch returned to life and developed, for instance, in the northern part of Khorezm. In particular, previously unexplored oasis Krantau revealed specimens of material culture (ceramics) and burials of Khorezm-Juchid culture¹⁶. The same is true of other towns of the Central Asia when the urban life revived in Dehistan, Anau, Gerurid¹⁷, Ahur, Nisa¹⁸, Shehr-Islam¹⁹, Merv²⁰, Termez²¹, Samarqand²², Bukhara²³, Otrar²⁴, Ispidjab²⁵, etc.

It'd be appropriate to note that most towns of medieval Khorezm came to life on the basis of agricultural settlements in terms of social-economic development of the country. S.P. Tolstov pointed out that the towns of Khorezm in the 8-9th centuries took shape out of trade and artisan quarters near castles of feudal landowners. Typical for towns of the 9-12th centuries was the location of towns close to major waterways. Towns

вв. сложились в виде торгово-ремесленных посадок у стен замков-феодалов (земледельцев). Для городов IX-XII вв. характерно близкое размещение к водным артериям. Гургандж, Миздахкан, Гулдурсун, Даудан, Кават, Хива, Джанпык, Замахшар, Пулжай, Бограхан и другие тяготели к самой Амударье или к ее притокам Дарьялык, Гавхорэ, Даудан, каналам Хейканик, Мадра, Курдер.

Изменение гидрологического режима в дельте Амударьи привело к отмиранию жизни в некоторых городах и сельских поселениях. Изучение памятников IX-XIV вв. Мончаклы, Кетенлер, Калалык, Топрак-кала (Кунградская), Томар-кала I-III, Бограхан, Пулжай, Саксаулсай-кала, Шибинды, Караумбет, Кияжол и Урга-кала, расположенных в западной части Приаральской дельты, вдоль восточного чинка Устырта, свидетельствует, что дельтовое русло было единственным источником водоснабжения городов. Изменение основного стока Амударьи в сторону Сарыкамьша (конец XIV в.) привело к опустошению городов²⁶. С ирригационной системой была связана и культурная жизнь в Каваткалинском оазисе²⁷.

Таким образом, одним из факторов, способствовавших интенсивному развитию городских центров Хорезма, было наличие крупных ирригационных систем в зоне орошения дельтовых протоков и русел Амударьи. В целом, в археологическом изучении процесса урбанизации в Хорезме X-XV вв. еще осталось много нерешенных задач. К ним, прежде всего, относится вопрос о трехчастном делении (принцип «триада») города – цитадель, шахристан и рабад.

В процессе урбанизации важную роль сыграла торговля, связанная с внутренними путями и межрегиональными трассами. В XI-начале XIII в. значительно возросла караванная торговля. В расширении торговли и повышении ее удельного веса во внутренней и международной сфере немалую роль играли транзитные магистрали, пересекавшие Хорезм в XI-XIV вв.

Изучение археологических памятников в Восточном чинке и Центральной части Устырта позволило наметить два направления торговых путей. Один путь - на северо-западе, где располагались сигнальные башни, караван-сарай, колодцы и сардобы²⁸. Другая дорога следовала из Гурганджа по берегам Амударьи, выводила на Амуй и Бухару, направляясь далее в Мавераннахр²⁹. От этих крупных магистралей расходились дороги между городами, они играли важную роль в развитии торговли, установлении связей с внешним миром. Государство принимало серьезные меры для их благоустройства и обеспечения безопасности³⁰.

of Gurganj, Mizdakhan, Guldursun, Daudan, Kavat, Khiva, Janpyk, Zamakhshar, Pulzhay, Bograkhan, etc. tended either to Amu Darya or its tributaries Daryalyk, Gavhore, Daudan, canals Heykanik, Madra, Kurder.

It was changes in hydrological regime in the delta of Amu Darya that led to dying out of some towns and urban settlements. Research into monuments of the 9-14th centuries - Monchakly, Ketenler, Kalalyk, Toprak-kala (Kungradskaya), Tomar-kala I-III, Bograkhan, Pulzhay, Saksaulsay-kala, Shibirli, Karaumbet, Kiyazhol and Urga-kala located in the western part of Priaral delta along the eastern chink of Ustyurt testifies to the fact that the delta riverbed was the only source for towns' water supply. Changes in the main flow of Amu Darya toward Sarykamys (later 14th century) led to the devastation of towns²⁶. Note that the cultural life of Kavatkala oasis was related to the irrigation system²⁷.

Thus, one of the factors to foster intensive development of urban centers of Khorezm was large-scale irrigation systems in the delta channels and riverbeds of Amu Darya. As a whole, there are lots of unsettled questions in the archaeological research into urbanization process of Khorezm in the 10-15th centuries. First of all, this is a question of three-part division ("triad" principle) town – citadel, shahristan and rabad.

Greatly contributing to the urbanization process was a trade linked with domestic and inter-regional trade routes. The caravan trade appreciably intensified in the 11-earlier 13th centuries. Transit ways that crossed Khorezm in the 11-14th centuries played a crucial role in expanding the trade and enhancing its specific weight in the domestic and international sphere. The study into archaeological monuments of the eastern chink and the central part of Ustyurt made it possible to chart two directions of trade routes – in the northwest where beacons, caravanserais, wells and sardobs were located²⁸. Another road ran from Gurganj along Amu Darya bank to Amul and Bukhara and further to Maverannahr²⁹. These arterial roads broke into routes that linked towns and played an important role in developing trade and establishing ties with outer space. Note that the state took drastic measures to improve and ensure their security³⁰.

Contributing to the development of urbanistic processes and the appearance of major and minor towns was the handicraft potential of populated localities. At earlier stages of urbanization process the crafts were separated from agriculture. It was responsibility of town administration to identify places for labor activity of craftsmen who could freely move and adapt

Развитию урбанистических процессов, появлению больших и малых городов способствовал ремесленный потенциал населенных пунктов. Еще на ранних этапах урбанизации происходит отделение ремесла от сельского хозяйства. Городская администрация определяла места для трудовой деятельности ремесленников, которые могли свободно передвигаться и размещаться. Большинство городов Хорезма развивались на одном и том же месте, это способствовало выделению городских кварталов с торгово-ремесленным населением. По данным археолого-топографических изысканий, в XII-XIV вв. значительный ремесленный подъем переживают крупные и средние города Хорезма. Большое значение для истории ремесленного производства имеет фиксация следов ремесленных мастерских на территории города. В XII-XIV вв. развитое ремесленное производство существовало в Куня-Ургенче, Шемахакале³¹, Миздахкане³², Шехерлик³³, Джанпык-кале³⁴, Замахшаре³⁵, Уйгарак³⁶, Садваре³⁷ и других городах. Еще в X в., как свидетельствуют средневековые авторы, в городах Хорезма, помимо обработки продукции сельского хозяйства и рыболовства, существовали и такие отрасли производства, как металлообработка, оружейная, текстильная, кожевенная, судостроительная³⁸. Не случайно, именно в X-XII вв. некоторые раннесредневековые поселения становятся крупными городскими центрами³⁹. Одной из отличительных особенностей процесса урбанизации в средневековом Хорезме, следует считать возникновение ряда городов как результат взаимоотношений хорезмийского населения с кочевой степью. В связи с этим особый интерес представляет влияние этнодемографического фактора. В первой половине XI века на хорезмийских землях осело значительное число тюркоязычного населения: огузы, кыпчаки и другие племена. Так, в 1034 г. хорезмшах Хорунбек отвел землю огузам около Шурахана и рабата Маш (район Говхорэ)⁴⁰. Привозная кочевническая посуда сырдарьинского происхождения встречается в Каваткалинском оазисе. В эпоху хорезмшахов появились смешанные хорезмийско-кыпчакские поселения в районе Дарьялыка, близ Ургенча⁴¹. Этнические процессы у народов Приаралья особенно усилились в эпоху Золотой Орды (XIII-XIV вв.)⁴².

Наиболее распространенное явление для средневекового Хорезма - это возникновение торгово-ремесленных поселений около крепостей на периферии, в контактных зонах. В качестве примера можно привести памятники хорезмской городской культуры: Пулжай, Бограхан, Шемаха-кала, Топрак-кала (Кунградская) и других. Археологический материал городищ представ-

themselves. Most Khorezmian towns developed in the same place following there arose urban quarters with trade-handicraft population. According to archaeological-topographic explorations, handicrafts in large and medium-sized towns of Khorezm were soaring up in the 12-14th centuries. Of great importance for the history of artisan production is the discovery of traces of workshops on the territory of towns. Note that developed handicrafts existed in the 12-14th centuries in Kunya-Urgench, Shemakha-kala³¹, Mizdakhan³², Sherlik³³, Janpyk-kala³⁴, Zamakhshar³⁵, Uygarak³⁶, Sadvar³⁷, etc. As evidenced by medieval authors, in addition to fishery and agricultural products, there were metalworking, armory, textile, tanning and shipbuilding industries in the towns of Khorezm, 10th century³⁸.

It was no mere coincidence that in the 10-12th centuries some early medieval settlements grew into large urban centers³⁹. One of distinctive features of the urbanization process in medieval Khorezm was the emergence of towns that came as a result of interrelations between the Khorezmian population and the nomadic steppe. In this respect, of great interest is the influence of ethno-demographic factor. In the first half of the 11th century a great number of Turkic-language population settled down on lands of Khorezm. These included Oghuzes, Kypchaks, other tribes. In 1034, Khorezmshah Horunbey granted lands to Oghuzes near Shurakhan and rabat Mash (region of Govhore)⁴⁰. Note that nomadic tableware of Syr Darya provenance is found in Kavatkala oasis. Mixed Khorezmian-Kypchak settlements appeared in the region of Daryalyk near Urgench during the Khorezmshahs⁴¹. Ethnic processes among peoples of Priaralye particularly intensified during the Golden Horde (13-14th centuries)⁴².

Most typical for medieval Khorezm was the emergence of trade-artisan settlements near fortresses on periphery and contact zones. Cited as an example may be monuments of Khorezmian urban culture, specifically Pulzhay, Bograkhan, Shemakha-kala, Toprak-kala (Kungradskaya), etc. Archaeological material of sites is a combination of Khorezmian and traditions of adjacent regions that reflected influence of Oghuz and Kerder possessions⁴³. Indicative of this is the penetration of new ethnic elements into towns of Khorezm and gradual Turkization of native population, first, in the 9-11th centuries and later in the 13-14th centuries. Among reasons of intensified urbanization there was an ethno-demographic factor typical for new left-bank towns and settlements of urban type in the delta of Amu Darya, such as Barategin (Great Aybuir-kala),

ляет собой сплав хорезмийских и традиций сопредельных районов, отражая влияние огузских и кердерских владений⁴³. Это свидетельствует о начавшемся ранее (IX-XI вв.) и продолжившемся позже (XIII-XIV вв.) проникновении в города Хорезма новых этнических элементов и постепенной тюркизации коренного населения. Таким образом, одна из причин активизации процесса урбанизации - этнодемографический фактор, особенно характерный для новых левобережных городов и поселений городского типа в дельте Амударьи, таких, как Баратегин (Большой Айбуир-кала), Гит (Пулжай), Мадминия (Бограхан), Куджак (Топрак-кала Кунградская), Варгада (Кетенлер), Джувикан (Мончаклы). Несомненно, не менее существенное влияние на процесс сложения городов оказали благоприятная политическая обстановка и выгодное географическое расположение.

Полученные материалы и совокупность фактов позволяют выделить следующие основные этапы исторического развития урбанистической цивилизации средневекового Хорезма X-XV вв.:

1. X-XI вв. - это время правления династии хорезмшахов Мамунидов (995-1017 гг.). Хорезм со столицей в Гургандже по причине удаленности от Саманидов фактически стал независимым и вышел на политическую арену. В условиях стабилизирующихся феодальных отношений продолжалось развитие городов. Выгодное географическое расположение Хорезма и столичного города на транзитных торговых путях и в зоне постоянных контактов земледельческих оазисов с кочевой степью способствовали его экономическому упрочению. На это время приходится расширение торговли и рост городов. Однако в археологическом отношении этот период недостаточно изучен, исследователи лишь ограничиваются данными письменных источников.

2. XII-начало XIII в. - "хорезмшахский период" (1097-1231 гг.), городские центры выявляются во всех регионах Хорезма. Как отмечалось выше, завоевательные походы, выгода от торговли способствовали притоку в Хорезм колоссальных богатств. Совокупность археологических и письменных данных отражает громадный шаг вперед экономики и культуры области по сравнению с предшествующими периодами (VII-X вв.). Расцвет городской жизни проходит на основе бурного развития производительных сил, особенно городского ремесла. От этого периода сохранилось большое число архитектурных памятников-мавзолеев (Текеша, иль-Арслана), мечетей (Бограхан, Шах-Санем, Кават-кала, Миздахкан), минаретов (Мончаклы, Бограхан, Куны-Ургенч), караван-сараяв (Ярбекир, Малая

Git (Pulzhay), Madminia (Bograkhan), Kudjak (Toprak-kala Kungradskaya), Vargada (Ketenler), Juvikan (Monchakly). Beyond any doubts, contributing to town development were favorable political situation and advantageous geographical location.

Materials available and facts obtained make it possible to sort out the following main stages of historical development of urbanistic civilization of medieval Khorezm in the 10-15th centuries:

1. The 10-11th centuries are the period of reign of the dynasty of Mamunide Khorezmshahs (995-1017). Owing to its remoteness from Samanides, Khorezm with a capital in Gurganj became independent and entered into political arena. The town development progressed in terms of stabilizing feudal relations. It was the advantageous geographical location of Khorezm and its capital on transit trade routes and in contact zone of agricultural oases and nomadic steppe that fostered its economic consolidation. This period marked the expansion of trade and growth of towns. However, archaeologically this period has scantily been explored with an emphasis on written sources only.

2. In the 12-earlier 13th centuries - "Khorezmshah period" (1097-1231), urban centers came up in all regions of Khorezm. As noted above, campaigns of conquest and commercial interests did much to foster the glut of wealth into Khorezm. Archaeological materials and written monuments are an evidence of economy and culture's breakthrough as compared with previous periods (7-10th centuries). The flowering of urban life occurred in terms of rapid development of productive forces, especially town handicrafts. Testifying to this is a great number of architectural monuments-mausoleums (Tekesh, il-Arslan), mosques (Bograkhan, Shah-Sanem, Kavat kala, Mizdakhan), minarets (Monchakly, Bograkhan, Kunya-Urgench), caravanserais (Yarbekir, Minor Aybugyr-kala, Kulanly, Galygumbez, etc.). They are richly decorated with figured laying, terracotta, fillet, enamel. Widely used were luster wares of varied decor. Note urbanistic process covered north-western outskirts of the region. Trade and craft settlements of urban type rapidly developed along the eastern slopes of Ustyurt plateau, including Shemakha-kala, Bograkhan, Ketenler, Monchakly, Pulzhay, Urga, etc. These towns are located at the point of contact of Khorezm farmers and cattle-breeders of Aral-Caspian sea area. An essential factor of their flowering was Khoresmian-nomadic relations and their location close to a large trade route from the Central Asia to the Eastern Europe.

Айбутир-кала, Куланлы, Галыгумбес и др.). Они богато украшены фигурной кладкой, терракотой, резным шtukом, глазурью. Широко применяется кашинная и люстровая посуда с разнообразным декором. Урбанистический процесс захватывает северо-западные окраины области. Вдоль Восточного чинка плато Устюрт бурно развиваются торгово-ремесленные поселения городского типа, такие, как Шемаха-кала, Бограхан, Кетенлер, Мончаклы, Пулжай, Урга и др. Эти города расположены в зоне соприкосновения земледельцев Хорезма со скотоводами-кочевниками Арало-Каспийского Междуморья. Существенным фактором их расцвета являлись хорезмийско-кочевнические связи и расположение возле крупной торговой трассы из Средней Азии в Восточную Европу.

3. Новый этап развития урбанизации в средневековом Хорезме относится к золотоордынской эпохе (1221-1388 гг.). Археолого-топографический, структурно-планиграфический и источниковедческий анализ памятников городской культуры позволяет выделить три периода. Первый - раннезолотоордынский (40-50-е годы XIII в.-1310 г.) характеризуется восстановлением домонгольских городов; во втором периоде наблюдается развитие градостроительства, замедленный рост сменяется подъемом городской жизни (1310-1360 гг.); третий период отражает угасание и упадок градостроительной культуры (1370г.-конец XIV в.)⁴⁴.

Урбанизация в золотоордынскую эпоху отличается от процессов, протекавших в предшествующие периоды. Упадок оседло-земледельческой культуры в Средней Азии, Иране и в других сопредельных районах коснулся, в том числе, и Хорезма. Начиная со второй половины XIII в., старые города в оазисах, где хозяйственная жизнь была временно приостановлена монгольскими завоеваниями, возродились и стали центрами торговли и ремесла в государстве Золотой Орды. Об оживлении городской жизни в золотоордынский период свидетельствуют историко-топографические наблюдения, продукция городского ремесла, архитектурные памятники и т.д. Верификация письменных источников археологическими и нумизматическими материалами позволяет наметить изменения в городском организме после монгольского нашествия. Некоторые города занимали только часть территории внутри стен (Бограхан, Джанпык-кала, Топрак-кала Кунградская). Однако большинство городов в связи с ростом торговли, развитием ремесла, агроризацией городских поселений продолжают свое развитие, расширяются территориально (Гургандж, Миздахкан, Шемаха, Бограхан, Пульжай). В XIII-XIV вв., как сви-

3. The new stage of urbanization development in medieval Khorezm goes back to the Golden Horde period (1221-1388). Archaeological-topographic, structural-planigraphic and source analysis of urban monuments makes it possible to single out three periods. The first, early Golden Horde (1240-50s.-1310) period is characterized by restoration of pre-Mongolian towns; the second period marks the development of town-planning and the growth of urban life (1310-1360); the third period reflects the decline of architectural culture (1370–end of the 15th centuries)⁴⁴.

It'd be appropriate to note that urbanistic processes of the Golden Horde epoch are different from previous centuries. General decline of sedentary-agricultural culture in the Central Asia, Iran and other adjacent regions affected Khorezm as well. Commencing from the second half of the 13 century, old towns in oases with their economic relations suspended due to Mongolian conquests, returned to life and became centers of trade and handicrafts in the Golden Horde. Illustrative of revived urban life in the Golden Horde period are historical-topographic observations, town crafts, architectural monuments, etc. Verification of written monuments through archaeological and numismatic materials makes it possible to identify some changes in the urban organism after the Mongolian invasion. Some towns occupied just a part of the territory inside walls (Bograkhan, Janpyk-kala, Toprak-kala Kungradskaya). However, owing to the growth of trade, development of handicrafts and agrorization of urban settlements, most towns went on developing and territorially expanding (Gurganj, Mizdakhkan, Shemakha, Bograkhan, Pulzhay). In the 13-14th centuries, as archaeological data testify, no new towns arose, nor the number of the old ones sharply reduced.

Of interest is the fact that Khorezmian towns sprang up not in steppes like Povolzhye ones but in place of older towns to comply with traditions of sedentary-agricultural culture. Contributing to the development of urban planning was fortunate location of the region on routes of the Silk Road. In spite of the fact that material culture of these towns developed on the basis of achievements of Khorezmshah epoch, it largely remained its local distinctions. To a lesser degree, it was a sort of "alloy" of varied cultures as distinct from Povolzhye. Written monuments indicate and archaeological materials confirm that many towns of the 13-14th centuries were not fortified⁴⁵. No walls are traced around suburbs of Khorezm⁴⁶.

Thus, neglected lands were re-cultivated in the

детельствуют археологические данные, новые города по существу не появляются, но и количество старых городов резко не сокращается.

Хорезмские города возникали не в степях, как поволжские, а на месте старых городов и опирались на традиции оседло-земледельческой культуры. На развитие градостроительства повлияло удачное расположение области на отрезках дорог Великого шелкового пути. Материальная культура этих городов, развиваясь на основе достижений времени хорезмшахов, оставалась местной. Она гораздо в меньшей степени являлась "сплавом" различных культур, нежели в Поволжье. Письменные источники свидетельствуют, а археологические данные подтверждают, что многие города XIII-XIV вв. не были укрепленными⁴⁵. Вокруг пригородов в Хорезме не прослеживается возведение стен⁴⁶.

Таким образом, в 40-50-х годах XIII в., особенно в XIV в., запустевшие земли вновь осваиваются, возрождаются немногочисленные сельские поселения, особенно на северо-западе Хорезма. При этом в процессе формирования средневековых городов Хорезма отсутствует единая схема. На тот период возникновение и эволюция городской жизни тесно связаны с определенными миграционными процессами.

4. В изучении проблемных вопросов исторического развития урбанистической цивилизации средневекового Хорезма актуальными являются исследования более глубоких пластов городской культуры Хорезма эпохи Амира Темура и Темуридов (1388-1500), когда в рамках большого государства впервые было объединено пространство от Восточного Туркестана до Кавказа. Однако история периферийных зон государства, культура населявших их народов остаются неизученными. В этот период Хорезм занял особое место в истории Мавераннахра. Через Хорезм осуществляется безопасность северных границ централизованного государства, развиваются города, ремесла, торговля, интегрируется культура. Богатые духовные традиции хорезмийцев нашли отражение в шедеврах Шахрисабза, Самарканда и Туркестана. Это прежде всего наблюдаются в строительных решениях архитектурных памятников дворца Ак-Сарай, мавзолея Джахангира (Шахрисабз), в мозаичных оформлениях Ширинбек-ака в комплексе Шахи-Зинда, мавзолея «Безымянный I», эмира Бурундука (Самарканд)⁴⁷, Чашма Аюб (Бухара) и мавзолея Ходжа Ахмада Яссави (г. Туркестан)⁴⁸. Интеллектуальная среда Хорезма получила дальнейшее развитие и в темуридскую эпоху. В целом, в 80-е годы XIV в., несмотря на непродолжительный хозяйственный кризис, в Хорезме наблюдается новый подъем

1240-50s, especially in the 13 century. These included not numerous rural settlements in the north-west of Khorezm. Note that no single layout was used in the course of shaping of medieval towns of Khorezm. In the reviewed period the emergence and evolution of urban life was closely related to certain migration processes.

4. Contributing to the study of issues of historical development of urbanistic civilization of medieval Khorezm are explorations of deeper strata of urban culture of Khorezm during the reign of Amir Timur and Timurides (1388-1500) when an expanse from Eastern Turkestan to the Caucasus had first been united within the bounds of the big state. However, the history of peripheral zones of the state and the culture of peoples populating this region remained obscure. In the reviewed period Khorezm had a special place in the history of Maverannahr. Security of northern borders of the centralized state was ensured through Khorezm; towns, handicrafts and trade developed; culture integrated. High spiritual traditions of Khorezmians found their parallel in masterpieces of Shahrisabz, Samarqand and Turkestan. This is most vividly echoed in construction concepts of architectural monuments of the palace Ak-Saray, mausoleum of Jahanghir (Shahrisabz), in mosaic decorations of Shirinbey-aka in the complex Shahi-Zinda, mausoleums «Nameless-I», Emir Burunduk (Samarqand)⁴⁷, Chashma Ayub (Bukhara) and mausoleum Hoja Ahmad Yassavi (town of Turkestan)⁴⁸. Intellectual environment of Khorezm further developed in the Timuride epoch. As a whole, in the 1380s, despite an economic crisis of short duration, Khorezm saw a new growth of cultural life of towns.

One of the indices of urbanization process in the history of Khorezm civilization is the quantity and area of medieval towns. To proceed from archaeological and source data, one can get an idea of dimensions of the most Khorezm towns in the pre- and Mongolian period (11 – 13th and 13-14th centuries). These may be divided into three groups. Towns of the first group had area of 100 to 600-1000 he. They were capitals or centers of districts (Kyat – 500 he, Urgench – 400, 640 and 1000 he). Third town of Khorezm – Mizdakhkan had area of approx. 150 he. In the 13-14th centuries its area rose up to 200 hr, while a pre-Mongolian fortress – the site of Gyaur-kala Mizdakhkan occupied just 8 he. Towns of the second group occupied averagely 15 to 100 he. These included Dargan – 56 he; Khiva – 26 he; Salvar – 20 he. According to al-Makdisi, these towns were noted for extensive rural districts, developed handicrafts and trade. Minor towns included localities

культурной жизни городов.

Одним из показателей урбанизационного процесса в истории цивилизации Хорезма являются количество и площадь средневековых городов. На основании археологических и источниковедческих данных мы можем судить о размерах и количестве большинства городов Хорезма в до- и монгольское время (XI – XIII и XIII–XIV вв.). Их можно разделить на три группы. Города первой группы имеют площадь от 100 до 600-1000 га. Они являлись либо столичными, либо центрами округов (Кят – 500 га, Ургенч – 400, 640 и 1000 га). Третий по величине город Хорезма - Миздахкан в совокупности имел площадь около 150 га. В XIII–XIV вв. происходит рост его территории до 200 гектаров, в то время как домонгольская крепость – городище Гяуркала Миздахкана занимала всего 8 га. Города второй группы занимают в среднем от 15 до 100 га. В их числе Дарган – 56 га, Хива – 26 га, Садвар – 20 га. Согласно ал-Макдиси, для них характерно наличие обширных волостей, развитого ремесленного производства и торговли. Малые города включают в себя пункты с площадью менее 15 га: Бограхан - 15 га, Джигербенд - 9 га, Хазарасп - 10 га. Соответственно в этих городах проживали от 1500 до 15000 тыс. человек⁴⁹.

В заключение надо отметить, что для изучения урбанизационных процессов в истории цивилизации Хорезма важным представляется определение архитектурно-планировочных структур города, выявление инноваций в материальной культуре городских поселений. Однако в рамках одной статьи невозможно решить комплекс вопросов, связанных с многогранностью городского организма. Но, как и прежде, одним из ведущих направлений отечественной археологической науки остается проблема изучения процесса урбанизации в истории цивилизации Хорезма X–XV вв.

¹ Мамбетуллаев М., Абдиримов Р. Основные этапы развития города Хивы // ОНУз, № 7-8. Ташкент, 1977; Сабиров К., Абдиримов Р. Хазарасп и вопросы периодизации ранних этапов развития оседло-земледельческой культуры Хорезма // Тезисы докладов Международного симпозиума «Цивилизация древнего Хорезма в контексте истории мировой культуры» и полевой семинар «Археология древнего Ташкырманского оазиса». Нукус-Бустон, 2000; Баратов С.Р., Рахманов У.Р. Новые археологические материалы к древнейшей истории города Хазарасп // «Антик давр цивилизацияси тараққийотида Хоразмнинг ўрни» илмий анжумани материаллари. 2011 йил 20 май, Урганч-Хазарасп. Хива, 2011.

² Мамбетуллаев М. История и культура Южного Хорезма античной эпохи. Автореф. дисс. ... д.и.н. Ташкент, 1994.

³ Неразик Е.Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. С. 220. М., 1981; Неразик Е.Е.

with areas less than 15 ha: Bograkhan-15 ha; Jigerbend-9 ha; Hazarasp - 10 ha. Accordingly, populations of these towns ranged from 1,500 to 15,000⁴⁹.

To conclude, it is essential to specify architectural-planning structures of the city and identify innovations in the material culture of urban settlements and, hence, research into urbanization processes in the history of Khorezm civilization. However, within the framework of one article only it seems no possible to resolve a complex of questions related to versatility of urban organism. As ever, one of the leading directions of home archaeological science is the study into urbanization process in the history of Khorezm civilization, 10-15th centuries.

¹ Мамбетуллаев М., Абдиримов Р. Osnovniye etapy razvitiya goroda Khivy // ONUz, № 7 - 8. Tashkent. 1977; Сабиров К., Абдиримов Р. Khazarasp i voprosy periodizatsii rannikh etapov razvitiya osedlozemledel'cheskoy kul'tury Khorezma // Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma «Tsvivilizatsiya drevnego Khorezma v kontekste istorii mirovoy kul'tury» i polevoy seminar «Arkheologiya drevnego Tashkырmanskogo oazisa». Nukus - Buston. 2000; Баратов С.Р., Рахманов У.Р. Novyye arkheologicheskiye materialy k drevneyshey istorii goroda Khazarasp // «Antik davr tsivilizatsiyasi taraqqiyotida Khorazmning o'рни» ilmiy andzhumani materiallari. 2011 yil 20 may, Urganch - Khazarasp. Khiva, 2011.

² Мамбетуллаев М. Istoriya i kul'tura Yuzhnogo Khorezma antichnoy epokhi. Avtoref.diss ... d.i.n. 1994.

³ Неразик Ye.Ye. K probleme razvitiya gorodov Khorezma // Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma. S. 220. Moskva. 1981; Неразик Ye.Ye. Khorezmskiye goroda ot drevnosti k srednevekov'yu // Mater. konf. «Zony i etapy urbanizatsii», Namangan. 1989. S. 61 - 62. Tashkent. 1989; Неразик Ye.Ye. Khorezm v IV- VIII vv. // Arkheologiya. Srednyaya Aziya i Dal'niy Vostok v epokhu srednevekov'ya / Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'ye. S. 37, 47. Moskva. 1999.

⁴ Рапопорт YU.A. Kratkiy ocherk istorii Khorezma v drevnosti // Priaral'ye v drevnosti i srednevekov'ye. S. 30-32. Moskva. 1998; Мамбетуллаев М. Istoriya i kul'tura Yuzhnogo Khorezma antichnoy epokhi. Avtoref. diss ... d.i.n. S. 21. Tashkent. 1994.

⁵ Khodzhanizayov G.KH., Yagodin V.N., Khelms S. U., B.P.Maklaren. Raskopki na Akshakhan kale // AIU -2000. Samarkand. 2001; Yagodin V.N., Betts A., Khodzhanizayov G., Kidd F., Amirov SH., Iskenderova A. Arkheologicheskiye issledovaniya na gorodishche Kazakly - Yatkan (Akshakhan) // AIU -2004-2005 gg. Samarkand. 2006.

⁶ Рапопорт YU.A. Kratkiy ocherk istorii Khorezma v drevnosti // Priaral'ye v drevnosti i srednevekov'ye. S. 30-32. Moskva. 1998; Мамбетуллаев М. Istoriya i kul'tura Yuzhnogo Khorezma antichnoy epokhi. Avtoref.diss . d.i.n. S. 30. Tashkent. 1994.

⁷ Мамбетуллаев М. Formirovaniye gorodov Khorezma // Genezis i puti razvitiya protsessov urbanizatsii Tsentral'noy Azii (tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 25 - letiyu obrazovaniya In - ta arkheologii ANRUz i 60 - letiyu

- Хорезмские города от древности к средневековью // Материалы конф. «Зоны и этапы урбанизации», Наманган, 1989. С. 61-62. Ташкент, 1989; **Неразик Е.Е.** Хорезм в IV-VIII вв. // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья / Средняя Азия в раннем средневековье. С. 37, 47. М., 1999.
- ⁴ **Рапопорт Ю.А.** Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. С. 30-32. М., 1998; **Мамбетуллаев М.** История и культура Южного Хорезма античной эпохи. Автореф. дисс. ... д.и.н. С. 21. Ташкент, 1994.
- ⁵ **Ходжаниязов Г.Х., Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Б.П. Макларен.** Раскопки на Акшахан-кале // АИУ-2000. Самарканд, 2001; **Ягодин В.Н., Беттс А., Ходжаниязов Г., Кида Ф., Амиров Ш., Искендерова А.** Археологические исследования на городище Казаклы-Яткан (Акшахан) // АИУ-2004-2005 гг. Самарканд, 2006.
- ⁶ **Рапопорт Ю.А.** Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. С. 30-32. М., 1998; **Мамбетуллаев М.** История и культура Южного Хорезма античной эпохи. Автореф. дисс. ... д.и.н. С. 30. Ташкент, 1994.
- ⁷ **Мамбетуллаев М.** Формирование городов Хорезма // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии (Тезисы докл. Междунар. конф. посл. 25-летию образования Института археологии АНРУз и 60-летию академика А.Аскарва). С. 76-78. Самарканд, 1995.
- ⁸ **Толстов С.П.** Древний Хорезм. С. 33-34. М., 1948.
- ⁹ **Неразик Е.Е.** К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. С. 220. М., 1981; **Неразик Е.Е.** Хорезмские города от древности к средневековью // Матер. конф. «Зоны и этапы урбанизации», Наманган, 1989. С. 61-62. Ташкент, 1989.
- ¹⁰ **Материалы по истории туркмен и Туркмении.** Т. I. С. 168. М.-Л., 1939.
- ¹¹ **Сабиров К., Абдиримов Р.** Хазарасп и вопросы периодизации ранних этапов развития оседло-земледельческой культуры Хорезма // Тезисы докладов Международного симпозиума «Цивилизация древнего Хорезма в контексте истории мировой культуры». С. 34. Нукус-Бустон, 2000; **Юсупов Х.** Сердце древнего Хорезма. С. 21. Ашхабад, 1993.
- ¹² **Материалы по истории туркмен и Туркмении.** Том. I. С. 178-179. М.-Л., 1939.
- ¹³ **Материалы по истории туркмен и Туркмении.** Том. I. С. 179. 186-189. М.-Л., 1939.
- ¹⁴ **Астафьев А.Е.** Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. С. 38. Алматы, 2010.
- ¹⁵ **Неразик Е.Е.** Сельское жилище Хорезма (I-XIV вв.). С. 123. М., 1976.
- ¹⁶ **Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау** // Археология Приаралья. Вып. VII. С. 77. Ташкент, 2008.
- ¹⁷ **Пугаченкова Г.А.** Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. С. 358. М., 1958; **Атагарриев Е.А.** Средневековый Дехистан. Ленинград, 1986.
- ¹⁸ **Массон М.Е.** Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. // Труды ЮТАКЭ. Т. II. С. 59-60. Ашхабад, 1951.
- ¹⁹ **Атагарриев Е.А.** Средневековый Дехистан. С. 41-44; 124, 126. Ленинград, 1986.
- ²⁰ **Лунина С.Б.** Археолого-стратиграфическое изучение городище (академика А.Аскарва). С. 76-78. Самарканд, 1995.
- ⁸ **Tolstov S.P.** Drevniy Khorezm. S. 33-34. Moskva. 1948.
- ⁹ **Nerazik Ye.Ye.** K probleme razvitiya gorodov Khorezma // Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma. S. 220. Moskva. 1981; **Nerazik Ye.Ye.** Khorezmskiye goroda ot drevnosti k srednevekov'yu // Mater. konf. «Zony i etapy urbanizatsii», Namangan, 1989. S. 61-62. Tashkent. 1989.
- ¹⁰ **Materialy po istorii turkmen i Turkmenii.** T. I. S. 168. Moskva. Leningrad. 1939.
- ¹¹ **Sabirov K., Abdirimov R.** Khazarasp i voprosy periodizatsii rannikh etapov razvitiya osedlo - zemledel'cheskoy kul'tury Khorezma // Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma «Tsvivilizatsiya drevnego Khorezma v kontekste istorii mirovoy kul'tury» i polevoy seminar «Arkheologiya drevnego Tashkiryman'skogo oazisa». S. 34. Nukus-Buston, 2000; **Yusupov KH.** Serdtse drevnego Khorezma. S. 21. Ashkhabad. 1993.
- ¹² **Materialy po istorii turkmen i Turkmenii.** Tom. I. S. 178-179. Moskva-Leningrad. 1939.
- ¹³ **Materialy po istorii turkmen i Turkmenii.** Tom. I. S. 179. 186-189. Moskva-Leningrad. 1939.
- ¹⁴ **Astaf'yev A.Ye.** Puti torgovykh soobshcheniy epokhi srednevekov'ya na territorii Aralo - Kaspiyskogo vodorazдела. S. 38. Almaty. 2010.
- ¹⁵ **Nerazik Ye.Ye.** Sel'skoye zhilishche Khorezma (I- XIV vv.). S. 123. Moskva. 1976.
- ¹⁶ **Kompleks arkheologicheskikh ob'yektov na vozvyshennosti Krantau** // Arkheologiya Priaral'ya. Vyp. VII. S. 77. Tashkent. 2008.
- ¹⁷ **Pugachenkova G.A.** Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma // Trudy YUTAKE. T. 6. S. 358. Moskva. 1958; **Atagarryev Ye.A.** Sdnevekovyy Dekhistan. Leningrad. 1986.
- ¹⁸ **Masson M.Ye.** Yuzhno-Turkmenskaya arkheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya (YUTAKE) 1947 g. // Trudy YUTAKE. T. 2 S. 59-60. Ashkhabad. 1951.
- ¹⁹ **Atagarryev Ye.A.** Srednevekovyy Dekhistan. S. 41-44; 124, 126. Leningrad. 1986.
- ²⁰ **Lunina S.B.** Arkheologo - stratigraficheskoye izucheniye gorodishche Sultan - kala, yego obvodov i zapadnoy chasti prigorodov // Trudy YUTAKE. T.14. S.166 -167. Ashkhabad. 1966.
- ²¹ **Ibragimov N.** Ibn Batuta i yego puteshestviye po Sredney Azii. S. 94. Moskva. 1988.
- ²² Tam zhe. S. 92-93.
- ²³ **Ibragimov N.** Ibn Batuta i yego puteshestviye po Sredney Azii. S. 61 Moskva. 1988; Nekrasova Ye. Istoricheskaya topografiya Bukhary // Srednyaya Aziya: Arkheologiya. Istoriya. Kul'tura. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti G.V. Shishkinoy. 229. Moskva. 2000.
- ²⁴ **Akishev K.A. Baypakov K.M., Yerzakovich L.B.** Otrar v XIII -XV vv. Alma-Ata. 1986.
- ²⁵ **Baytanayev B.A.** Drevniy i srednevekovyy Ispidzhab. Avtoref. diss. d.i.n. S. 14-17. Almaty. 2008.
- ²⁶ **Yagodin V.N.** Nekotoryye voprosy istoricheskoy geografii Priaral'skoy del'ty Amudar'i // Arkheologiya Priaral'ya. Vyp. III. S. 106 -107. Tashkent. 1986; **Yagodin V.N.** The Medieval Aral more krizis // Archaeologisce Mitteilungen aus Iran und Turan. Dand 37. R. 307 -322. Berlin. 2005.
- ²⁷ **Nerazik Ye.Ye.** Sel'skoye zhilishche Khorezma (I- XIV vv.). S.

Султан-кала, его обводов и западной части пригородов // Труды ЮТАКЭ. Т.14. С. 166-167. Ашхабад, 1966.

²¹ **Ибрагимов Н.** Ибн Батута и его путешествие по Средней Азии. С. 94. М., 1988.

²² Там же. С. 92-93.

²³ **Ибрагимов Н.** Ибн Батута и его путешествие по Средней Азии. С. 61. М., 1988; **Некрасова Е.** Историческая топография Бухары // Средняя Азия: Археология. История. Культура / Материалы научн.конф.,посв. 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. С. 229. М., 2000.

²⁴ **Акишев К.А.** **Байпаков К.М.,** **Ерзакович Л.Б.** Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1986.

²⁵ **Байтанаев Б.А.** Древний и средневековый Испиджаб. С. 14-17. Автореф. дисс... д.и.н. Алматы, 2008.

²⁶ **Ягодин В.Н.** Некоторые вопросы исторической географии Приаральской дельты Амударьи // Археология Приаралья. Вып. III. С. 106-107. Ташкент, 1986.; **Yagodin Vadim N.** The Medieval Aral Sea Crisis // Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 37. P. 307-322. Berlin, 2005.

²⁷ **Неразик Е.Е.** Сельское жилище Хорезма (I-XIV вв.). С. 123. М., 1976.

²⁸ **Маньолов Ю.П.** Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. С. 200. Ташкент, 1978; **Маньолов Ю.П.** Археологические исследования караван-сарая Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. I. С. 93-121. Ташкент, 1982.

²⁹ **Массон Е.М.** Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // ТЮТАКЭ. Т.13. С. 181-244. Ашхабад, 1966; **Лоховиц В.А.** Караван-сарай Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. С. 112-117. М., 1979.

³⁰ **Семенов А.А.** К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезмшахов в XII в. // Известия АН Таджикистана. №2. С. 24-26. Душанбе. 1952; **Акимниязова Г.** Коммуникационные сооружения в средневековом Хорезме // Вестник ККО АН РУз., № 2. С.74. Нукус, 2010.

³¹ **Вактурская Н.Н.** Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // ТХА-ЭЭ. Т. II. С. 467-494. М., 1952а; **Вактурская Н.Н.** О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала // ТХАЭЭ. Т. I. С. 173-192. М., 1952б.

³² **Кдырнийазов М.-Ш., Саипов С., Искендерова А.** Гончарные печи средневекового Миздакхана // Вестник ККОАНРУз, №1-2. С. 103-106. Нукус, 2004.

³³ **Вактурская Н.Н.** О средневековых городах Хорезма // МХЭ. Вып. 7. С. 41-53. М., 1963.

³⁴ **Алиакперова А.** Ремесленный комплекс Джанпык-калы // Вестник ККО АН РУз, №4. С. 89-93. Нукус, 1989.

³⁵ **Вактурская Н.Н.** Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // ТХАЭЭ. Т. IV. С. 264. М., 1959.

³⁶ **Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 284-286. М., 1962.

³⁷ **Вактурская Н.Н.** Археологические работы Садваре // АО. С. 519-520. М., 1975.

³⁸ **Материалы по истории туркмен и Туркмени.** Т. 1. С. 202. М.-Л., 1939.

³⁹ **Толстов С.П.** Древний Хорезм. С. 351-352. М., 1948.

⁴⁰ **Бартольд В.В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. 1. С. 360. М., 1963.

123. Москва. 1976.

²⁸ **Manylov YU.P.** Srednevekovyye khorezmiyskiye pamyatniki Vostochnogo chinka // Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura yugo - vostochnogo Ustyurta. S. 200. Tashkent. 1978; **Manylov YU.P.** Arkheologicheskiye issledovaniya karavan - sarayev Tsentral'nogo Ustyurta // Arkheologiya Priaral'ya. Vyp. I. S. 93 - 121. Tashkent. 1982.

²⁹ **Masson Ye.M.** Srednevekovyye torgoviye puti iz Merva v Khorezm i Maverannakhr // TYUTAKE. T. 13. S. 181-244. Ashkhabad. 1966; **Lokhovits V.A.** Karavan - saray Verkhnego Khorezma // Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii. S. 112-117. Moskva. 1979.

³⁰ **Semenov A.A.** K voprosu ob etnicheskom i klassovom sostave severnykh gorodov imperii Khorezmshakhov v XII v. // Izvestiya AN Tadjikistana. № 2. S. 24-26. Dushanbe. 1952; **Akimniyazova G.** Kommunikatsionnyye sooruzheniya v srednevekovom Khorezme // Vestnik KKO AN RUz., № 2. S.74. Nukus. 2010.

³¹ **Vakturskaya N.N.** Raskopki gorodishcha Urgench v 1952 g. // TKHAE. T.II. S. 467- 494. Moskva. 1952a; **Vakturskaya N.N.** O raskopkakh 1948 g. na srednevekovom gorodishche Shemakha - kala // TKHAE. T.I. S. 173-192. Moskva. 1952b.

³² **Kdyrniyazov M.-SH., Saipov S., Iskenderova A.** Goncharnyye pechi srednevekovogo Mizdakhkana // Vestnik KKOANRUz, № 1-2. S. 103-106. Nukus. 2004.

³³ **Vakturskaya N.N.** O srednevekovykh gorodakh Khorezma // MKHE. Vyp.7. S. 41-53. Moskva. 1963.

³⁴ **Aliakperova A.** Remeslennyy kompleks Dzhanyk - kaly // Vestnik KKOANRUz, № 4. S. 89-93. Nukus. 1989.

³⁵ **Vakturskaya N.N.** Khronologicheskaya klassifikatsiya srednevekovoy keramiki Khorezma (IX -XVII vv.) // TKHAE. T. IV. S. 264. Moskva. 1959.

³⁶ **Tolstov S.P.** Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. S. 284-286. Moskva. 1962.

³⁷ **Vakturskaya N.N.** Arkheologicheskiye raboty Sadvare // AO. S. 519-520. Moskva. 1975.

³⁸ **Materialy po istorii turkmen i Turkmenii.** Т. 1. С. 202. Moskva, Leningrad. 1939.

³⁹ **Tolstov S.P.** Drevniy Khorezm. S. 351-352. Moskva. 1948.

⁴⁰ **Barold V.V.** Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. T.1. S. 360. Moskva. 1963.

⁴¹ **Nerazik Ye.Ye.** Sel'skoye zhilishche Khorezma (I- XIV vv.). S. 35. Moskva. 1976.

⁴² **Kdyrniyazov M.-SH.** Ob etnicheskom i sotsial'nom sostave gorodskogo naseleniya Khorezma v XIII -XIV vv. // ONUz. № 3-4. S. 71-75. Tashkent. 2002

⁴³ **Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura yugo - vostochnogo Ustyurta .** S. 235. Tashkent. 1978. **Yagodin V.N.** Strelovidnyye planirovki Ustyurta // Arkheologiya Priaral'ya. Vyp. V. S. 173-175. Tashkent. 1999.

⁴⁴ **Kdyrniyazov M - SH.** Kul'tura Khorezma XIII -XIV vv. Avtoref. diss. d.i.n. S. 13. Samarkand. 2005.

⁴⁵ **Fedorov - Davydov G.A.** Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy. S. 75-76. Moskva. 1973.

⁴⁶ **Kdyrniyazov M.-SH.** Material'naya kul'tura gorodov Khorezma XIII -XIV vv. S. 60. Nukus. 1979.

⁴⁷ **Kdyrniyazov M. - SH. Kdyrniyazov M.-SH.** Samarkand i Khorezm (O svyazyakh stolitsy Amir Temura s Khorezmom) // Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, pos-

- ⁴¹ **Неразик Е.Е.** Сельское жилище Хорезма (I-XIV вв.). С. 35. М., 1976.
- ⁴² **Кдырнийазов М.-Ш.** Об этническом и социальном составе городского населения Хорезма в XIII-XIV вв. // ОНУз. №3-4. С. 71-75. Ташкент, 2002.
- ⁴³ **Древняя и средневековая** культура юго-восточного Устюрта. С. 235. Ташкент, 1978. **Ягодин В.Н.** Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып. V. С. 173-175. Ташкент, 1999.
- ⁴⁴ **Кдырнийазов М.-Ш.** Культура Хорезма XIII-XIV вв. Автореф. дисс... д.и.н. С. 13. Самарканд, 2005.
- ⁴⁵ **Федоров-Давыдов Г.А.** Общественный строй Золотой Орды. С. 75-76. М., 1973.
- ⁴⁶ **Кдырнийазов М.-Ш.** Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. С. 60. Нукус, 1979.
- ⁴⁷ **Кдырнийазов М.-Ш.** Самарканд и Хорезм (О связях столицы Амир Темура с Хорезмом) // Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. С. 132-235. Ташкент-Самарканд, 2007.; **Маликов А.М.** Из истории этнокультурных связей населения Самарканда и Хорезма // Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. С. 424-426. Ташкент-Самарканд, 2007.
- ⁴⁸ **Пугаченкова Г.А.** Архитектурное наследие Темура. С. 78-79. Ташкент, 1996.
- ⁴⁹ **Кдырнийазов М.-Ш.** Средневековая городская культура Хорезма (XII-XV вв.). С. 95-97. Самарканд, 2007; **Кдырнийазов М.-Ш., Кдырнийазов О.-Ш.** Кочевнический компонент и демография золотоордынского города Хорезма (XIII-XIV вв.) // Изв.НАН Республики Казахстан. С. 133-140. Алматы, 2010.
- vyashchennogo 2750-letnemu yubileyu goroda Samarkanda. S. 132 - 235. Tashkent-Samarkand. 2007; **Malikov A.M.** Iz istorii etnokul'turnykh svyazey naseleniya Samarkanda i Khorezma // Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvyashchennogo 2750-letnemu yubileyu goroda Samarkanda. S. 424-426. Tashkent-Samarkand. 2007.
- ⁴⁸ **Pugachenkova G.A.** Arkhitekturnoye naslediyе Temura. S. 78-79. Tashkent. 1996.
- ⁴⁹ **Kdyrniyazov M.-SH.** Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Khorezma (XII-XV vv vv.). S. 95-97. Samarkand. 2007; **Kdyrniyazov M.-SH., Kdyrniyazov O.-SH.** Kochevnicheskii komponent i demografiya zolotoordynskogo goroda Khorezma (XIII -XIV vv.) // Izv. NAN Respubliki Kazakhstan. S. 133-140. Almaty. 2010.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА IX-XV ВВ.**BONE ARTICLES OF AZERBAIJAN, 9TH-15TH CENTURIES**

© 2013 г. Т.М. Достиев

Баку, Азербайджан

© 2013 T.M. Dostiyev

Baku, Azerbaijan

Изделия из кости и рога в быту населения средневекового Азербайджана, в основном, имели утилитарное назначение. Такими являются ножи, ручки ножей и инструментов, ложки и гребни, иглы и проколки. Особенно широкое распространение получили художественные подделки, изготовленные специально для украшения одежды, бусины-четки, пуговицы и т.д. Вместе с тем следует отметить, что косторезное ремесло в Азербайджане не играло столь значительной роли, как металлообработка, оружейное дело, ткачество, гончарство и производство стекла. Поэтому в письменных источниках почти отсутствуют сведения о развитии художественного косторезного ремесла. В свете вышесказанного, главным источником нашего исследования являются вещественные материалы археологических раскопок. Как известно, обнаруженные артефакты характеризуют общество, людей, которые их создавали и использовали, позволяют судить о данной цивилизации, её технологическом уровне, социальных отношениях, идеологии и, конечно, об искусстве как феномене культуры¹. Хронологические рамки нашего исследования охватывают IX-XV вв. Эти столетия соответствуют периодам развития и застоя феодального общества. Особенности социально-экономического и культурного развития, характер источников позволяют выделить три этапа: раннеисламский (IX-X вв.), сельджукский (XI-XII вв.) и монгольский, постмонгольский периоды (XIII-XV вв.).

В целом, IX-XV вв. были новым качественным этапом в истории Азербайджана. В середине VII в. государство после арабских завоеваний было включено в состав Халифата. Вхождение Азербайджана в Арабский Халифат привело к существенному изменению политической, социально-экономической жизни, облика материальной и духовной культуры, появилось много общего на огромном пространстве, в особенности на Ближнем Востоке и Центральной Азии. В IX в. восстанавливается государственность, формируются местные феодальные государства. В идеологическом аспекте эта эпоха утверждения и господства ислама. Новая религия породила новые художественные принципы, способствовала торжеству орнаментализма в искусстве. Центрами всестороннего развития стали крупные города, в которых

Bone and horn articles in everyday life of the population of medieval Azerbaijan were mostly of utilitarian designation. They were knives, handles of knives and tools, spoons and combs, needles and pierces. Artistic articles made specially to decorate dresses, rosary beads, etc. were spread particularly widely. At the same time, it should be noted that the bone-carving craft in Azerbaijan was not as important as metalworking, gunsmithing, weaving, pottery and glass-blowing were. Thus, written sources contain almost no information about development of the artistic bone-carving. Owing to the aforesaid, the key source of our survey is the material of archeological excavations. It has been identified that the discovered artifacts characterize the society and people who created and used them, make it possible to judge about a given civilization, its technological level, social relations, ideology and, of course, art as a phenomenon of culture¹. Chronologically, our survey covers the 9th-15th centuries. These centuries marked the periods of rise and stagnation of the feudal community. Peculiarities of the socioeconomic and cultural development, as well as the character of sources make it possible to single out three stages: the early Islamic period (9th-10th centuries), the Seljuk period (11th-12th centuries), and the Mongol and post-Mongol period (13th-15th centuries).

On the whole, the 9th-15th centuries were a new qualitative stage of the history of Azerbaijan. Following the Arab invasion, Azerbaijan was included in the composition of the Caliphate in the middle of the 7th century. Azerbaijan's joining the Caliphate led to a substantial change of its political and socioeconomic life, image of material and spiritual culture; a huge expanse, especially that in the Near East and Central Asia saw the appearance of much in common. Statehood was restored, and local feudal states were under formation in the 9th century. From ideological point, this was an epoch of affirmation and domination of Islam. The new religion caused new artistic principles, contributed to the triumph of ornamentality in art. Becoming the centers of general development were large towns concentrating the production, cultural and intellectual potentials: these towns positively influenced on the socioeconomic and cultural development of society.

In the 9-10th centuries, the rise of differentiation and

концентрировался производственный, культурный и интеллектуальный потенциал, и эти города оказывали прогрессивное воздействие на социально-экономическое и культурное развитие общества.

В IX-X вв. подъем производительных сил, развитие экономики, углубление социальной и имущественной дифференциации, образование местных феодальных государств ускорили процессы урбанизации, обуславливая возрождение старых, формирование новых городов. Стремительный темп урбанизации нашел свое отражение в высоком уровне развития ремесла, углублении специализации ремесленного производства и стандартизации ремесленной продукции. Важной особенностью эпохи является также бурное развитие художественных ремесел, изделия которых являлись проводниками мировоззренческих идей своего времени, выполняли идейно-нравственные и эстетические функции, оказывали непосредственное влияние на общество. Местные мастера, опираясь на многовековую производственную традицию и творчески используя инновации эпохи, создавали яркие образцы декоративного прикладного искусства, в которых утилитарность неразрывно сливалась с декоративностью.

Следует отметить, что малочисленность костяных художественных изделий в сравнении с другими категориями археологических находок не позволяет детально анализировать косторезное искусство средневекового Азербайджана. Тем не менее, они являются ценным источником для характеристики этой отрасли декоративно-прикладного искусства. Большинство изделий, обнаруженных на средневековых памятниках Азербайджана, относится к типам, широко бытующим на территории Кавказа и мусульманского Востока.

Археологический материал костяных изделий делится на следующие стандартные категории: предметы быта, орудия труда, музыкальные инструменты, детали вооружения и конской сбруи, украшения и туалетные принадлежности, игральные кости, находки неопределенного назначения. Большая часть изделий относится к предметам воинского снаряжения, быта, орудиям труда и не выделяется художественной отделкой. Эти вещи выполнены довольно грубо, без тщательного декорирования, чаще всего украшены довольно простым орнаментом.

Вместе с тем, в коллекции костяных изделий IX-X вв. представлено несколько находок оригинальной формы, изготовленных с высоким профессионализмом. Одним из них является костяной нож IX в. (рис. 1,1), обнаруженный на участке Сельбир городища Габала². Уникальность данной находки в том, что нож изготов-

the formation of local feudal states accelerated the production force, economic development, deepened the social and property differentiation, and speeded up the process of urbanization, thus substantiating revival of old towns and formation of new ones. The rapid pace of urbanization was reflected in the high level of development of handicrafts, specialization of craft production and standardization of the handicraft production. Also, an important trait of the epoch was a rapid development of artistic handicrafts: their articles were the conductors of visual concepts of the time, performed ideological-moral and aesthetic functions, and provided direct influence on the society. Local artistic craftsmen, who proceeded from a centuries-old production tradition and creatively used innovations of their epoch, created impressive specimens of decorative applied art where the utility was inseparably linked with the decorativeness.

It should be noted that a small number of bone artistic articles, as compared with other categories of archeological findings, makes it no possible to analyze medieval Azerbaijan's bone-carving in details. Nevertheless, these articles are a valuable source to characterize this branch of the decorative-applied art. The majority of articles found at Azerbaijan's medieval monuments are of types widely spread over the territory of the Caucasus and Moslem East.

The archeological material of bone articles consists of the following standard categories: articles of everyday use, labor implements, musical instruments, elements of weapons and horse's harness, adornments and toilette articles, dies, as well as articles of indefinite designation. The articles are largely military equipment and everyday use implements, as well as labor implements and are not distinguished for an artistic decoration. These articles are made rather roughly, with no thorough decoration, and most frequently are decorated by a relatively simple ornament.

At the same time, the collection of bone articles of the 9th-10th centuries comprises several original-form findings made with a high professionalism. One of them is an ivory knife of the 9th century (Fig. 1,1) discovered within the section Selbir of the site of ancient settlement Gabala². The uniqueness of the knife is that it is made of a whole ivory bone. It is 16.5-cm long, 1 cm wide. It has a convex polished and ornamented surface and is painted red. The article's face is decorated by cylindrical and circular ornament. Two borders divide the knife's surface into three parts. One border is filled in by circular ornament, the other one - by incisions. The first border is supplemented with a carved epigraphic ornament. A geometrical ornament consisting of paired crossing lines is

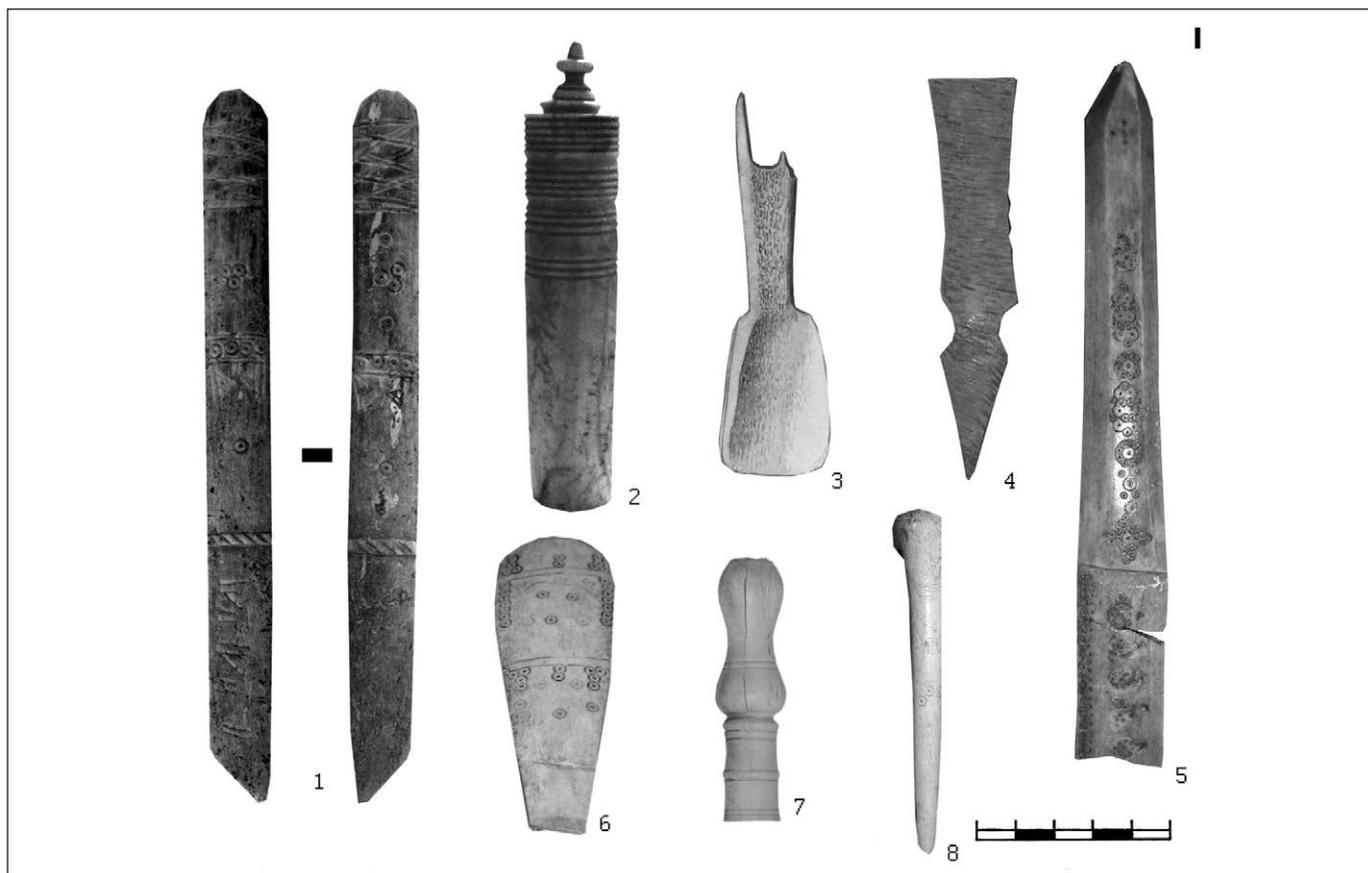

Рис. 1. Костяные изделия. 1 – нож IX в. (Габала); 2 – предмет из трубчатой кости IX-X вв. (Габала); 3 – предмет из Тахти-Тавуса; 4 – проколка (Шамкир); 5 – нож (Бейлаган); 6, 7, 8 – предметы из Шамкира.
 Fig. 1. Bone articles: 1 – ivory knife, 9th century. (Qabala); 2 – cylindrical bone article, 9-10th centuries (Qabala); 3 – article from Tahti-Tavus; 4 – knife (Beylagan); 5 – piercing (Shamkir); 6, 7, 8 – articles from Shamkir.

лен из одной целой кости. Длина 16,5 см, ширина 1 см. Он имеет выпуклую зашлифованную и орнаментированную поверхность, окрашен в красный цвет. Лицевая поверхность изделия украшена врезным и циркульным орнаментом. Две каймы разделяют поверхность ножа на три части. Одна кайма заполнена циркульным орнаментом, другая насечками. Первая кайма дополнена врезным эпиграфическим орнаментом. На рукоятке врезным же способом нанесен геометрический орнамент, состоящий из парных пересекающихся линий. Затем следует циркульный орнамент. На одной стороне рабочей части врезным способом нанесен эпиграфический орнамент (рис. 1,1; табл. I, 1).

Накладки для рукояти ножей, в основном, украшены циркульным узором. Так, например, подобное изделие из Бейлагана, имеющее веслообразную форму, украшено врезным способом и циркулем (табл. I, 3). Поверхность разделяется на три части двумя врезными поперечными линиями, а циркульный узор создает антропоморфное изображение, напоминающее женскую фигуру³.

Примечателен также предмет из трубчатой кости,

put onto the haft. It is followed by the circular ornament. One of the sides of the body is carved with an epigraphic ornament (Fig.1,1; Table I, 1).

Covers for the hafts of knives are decorated mostly by a circular pattern. Particularly, a similar oar-like article from Beylagan is decorated by cylindrical and circular ornament (Table I, 3). Its surface is divided by two carved transversal lines into three parts, whereas the circular pattern creates an anthropomorphous image resembling a female figure³.

Another remarkable thing is a cylindrical bone article found as a result of excavations at the site of settlement Gabala and currently stored at the fund of the National Museum of History of Azerbaijan. Its thoroughly polished cylindrical body ends with a dome-shaped top. The upper part of the body is decorated by a linear ornament, i.e. carved lines. The article's top is distinguished for its great artistic effect (Fig. 1, 2).

A 9th-10th centuries' layer of the settlement Tahti-Tavus's produced a bone article⁴, one of whose ends has the form of a two-pronged fork while the other one has the form of a spatula, so it was possible to use it as either a fork or a small spoon (Fig. 1, 3).

выявленный в ходе раскопок на городище Габала и хранящийся в фонде Национального Музея Истории Азербайджана. Его тщательно отшлифованный цилиндрический корпус завершается куполовидным навершием. Верхняя половина корпуса украшена линейным орнаментом, то есть врезными линиями. Большим художественным эффектом отличается навершие предмета (рис. 1, 2).

На поселении Тахти-Тавус в слое IX-X вв. обнаружен костяной предмет⁴, один конец которого имеет форму двузубой вилки, другой - лопаточки, что позволяло использовать ее как в качестве вилки, так и маленькой ложки (рис. 1, 3).

На городище Орен-гала (Бейлаган) найдена костяная трубочка неопределенного назначения (табл.1, 2). Поверхность ее тщательно отшлифована и украшена циркульным узором. Посередине и на концах предмета циркулем нанесены сгруппированные по три кружочки, в пространстве между ними - по одному кругу⁵.

Из археологических раскопок средневековых городищ известны также костяные пряслица усеченно-конической формы или в виде сегмента, большинство не орнаментированы. Но имеются образцы, декорированные простыми геометрическими узорами. Они немногочисленны. Из них три экземпляра хранится в археологическом фонде Национального Музея истории Азербайджана, украшены гравированными концентрическими линиями (рис. 2, 2-4). Пряслице из раскопок шахристана городища Шамкир имеет коническую форму. На уровне середины плеча оно опоясано парой гравированных линий. А косые парные врезные линии на поверхности верхней половины корпуса создают треугольники, внутри каждого имеется «глазковый» или орнамент из сгруппированных по четыре точки, которые в треугольниках чередуются. Диаметр пряслицы 2,3 м, высота 1,5 см (рис. 2, 1).

Игральные кости «зыр» IX в. обнаружены на городище Габала и средневекового поселения в Мингечауре⁶. Они имеют кубическую форму, на лицевую поверхность аккуратно нанесено соответствующее количество выемок – от 1 до 6 точек. При этом мастер-косторез строго соблюдал правила изготовления игральных костей типа «зыр» - сумма цифр двух противоположных лицевых сторон равнялась 7, что имело символическое значение и соответствовало астральным представлениям о семи планетах.

Игральные кости-артефакты не отличаются от тех, что применяются при современной игре в нарды. В одном из исторических источников на персидском языке имеются интересные данные о доске для игры

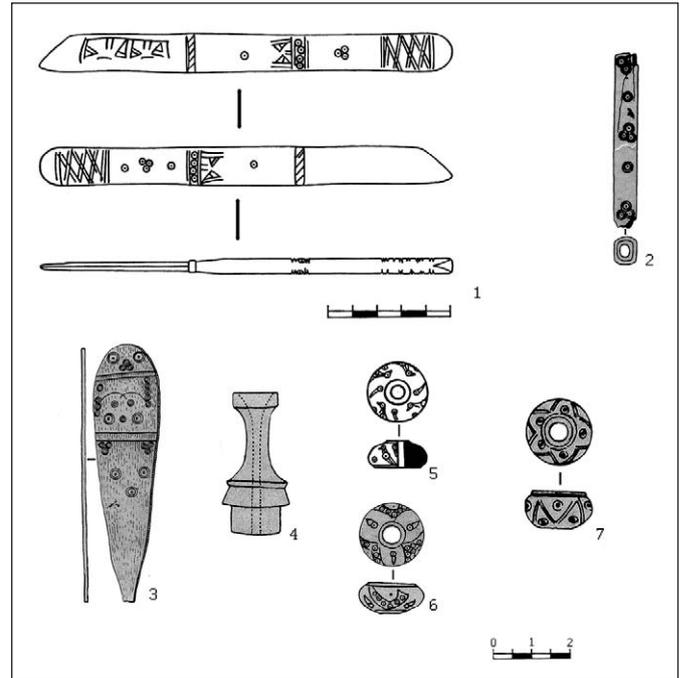

Таблица I. Костяные изделия IX-X вв.

Table I. Bone articles, 9-10th centuries.

A bone pipe of indefinite designation was found (1,2) at the site of settlement Oren-gala (Beylagan). Its surface is thoroughly polished and decorated by a circular pattern. The article's middle and ends have compassed trios of small circles with one circle in a space between them⁵.

Besides, the excavated material of the sites of medieval settlements produced spinning pieces in the form of a segment or truncated cone. The majority of these articles are not ornamented. However, there are specimens decorated by simple geometrical patterns. They are not numerous. Three specimens are stored at the archeology fund of the National Museum of History of Azerbaijan, decorated by engraved concentric lines (Fig. 2, 2-4). A spinning piece from the excavated material of shahristan of the settlement Shamkir is cone-shaped. At a level of the middle of the shoulder it is belted by a pair of engraved lines. Oblique paired carved lines on the surface of the body's upper half are created by triangles, inside each of which there are eyed or four-pointed alternating ornaments. It is a 2.3-diameter, 1.5 cm-high spinning piece (Fig. 2, 1).

Dies "zyar" of the 9th century were found at the sites of settlement Gabala and medieval settlement Mingechevir⁶. The dies are cubiform, with appropriate number of hollows - 1 to 6 points - precisely put onto the face. The bone carver strictly observed the rules of making dies of "zyar" type": the sum of figures of the two contrary faces was equivalent to 7, which had a symbolical meaning and corresponded to astral concept about seven planets.

Artifact dies are not different from the ones used for the

в нарды и игральных костях «зяр». Средневековый автор отмечает, что две половины этой доски символизировали землю и небо, четыре раздела соответствуют временам года, 24 гнезда-хане для игральные фишек означали 24 часа суток, 30 игральные фишек соответствовали тридцати дням месяца, а шесть сторон игральные кости «зяр» символизировали стороны света⁷. Известно, что в эпоху средневековья в Азербайджане очень популярны были шахматы и нарды. Первые распространились в основном в городах, а в нарды играли повсюду⁸. А.Б.Нуриев, опираясь на археологические данные, отмечает, что игра в нарды существовала, по крайней мере, уже в IV в.⁹

Из археологических раскопок средневековых городищ Азербайджана известны астрагалы, также использовавшиеся в качестве игральные кости в игре «ашик-ашик», существующей на Востоке. При этом использовали астрагалы домашнего скота, в частности, овцы. Наряду со сточенными с обеих сторон астрагалами встречаются и несточенные изделия. Были случаи обнаружения астрагалов, сложенных в кучки. На городище Шамкир был обнаружен комплект из 29 игральные кости, некогда хранившихся в льняном мешочке, от которого остались только следы. Все астрагалы принадлежали мелкому рогатому скоту.

Высоким художественным вкусом выделяются костяные пуговицы, высота 0,8-1,2 см, диаметр основания 1,2-1,8 см. Они имеют полусферическую,

modern backgammon game. A historical Persian-language source provides interesting information about a board for backgammon and dies “zyar”. A medieval author notes that two halves of this board symbolized the Earth and the Sky; four divided zones corresponded to seasons, 24 nets for playing chips meant the twenty-four hours, 30 playing chips corresponded to the thirty days of month, whereas the six sides of dies “zyar” symbolized the parts of the world⁷.

It is interesting that chess and backgammon were very popular games in medieval Azerbaijan. The former was spread largely over towns, while backgammon was played everywhere⁸. Proceeding from the archeological data, A. B. Nuriyev notes that backgammon existed since at least the 4th century⁹.

The archeological material of the sites of Azerbaijan’s medieval settlements have produced astragals that were also used as dies in the “ashik-ashik” game accustomed in the East. They used the astragals of domesticated animals, particularly, the sheep. The found articles consist of astragals with both sides grind off, as well as non-grind off astragals. In some cases, there were discovered groups of astragals. In the site of settlement Shamkir there was found a set of 29 dies that had once been stored in a linen bag, of which only traces have remained. All the astragals were of sheep and goats.

Note that 0.8-1.2-cm high; 1.2-1.8-diameter bone buttons are notable for their high artistic taste. They are

Рис. 2. 1-4 – пряслицы IX-X вв. (Шамкир, Бейлаган, Габала);

5-8 – пуговицы IX-X вв. (Шамкир, Тахти-Тавус).

Fig. 2. 1-4 – Spinning pieces, 9-10th centuries. (Shamkir, Beylagan, Qabala);

5-8 – buttons, 9-10th centuries (Shamkir, Tahti-Tavus).

кольцеобразную, конусовидную и усеченно-коническую формы со сквозным вертикальным отверстием в центре. В декорировании этих предметов широко применялся геометрический, особенно «глазковый», орнамент. Поверхность одной из пуговиц, найденной на городище Орен-гала (Бейлагана), украшена пятилучевой звездой (табл. 1, 7). В каждом луче имеется кружочек с точкой в центре - «глазковый» орнамент. На поверхность другой пуговицы с помощью мелких кружочков нанесен орнамент из треугольников (табл. 1, 6). Свободное пространство между ними оживлено узором миндалевидной формы, нанесенной циркулем¹⁰. Пуговица слегка биконической формы, обнаруженная на городище Шамкир, также декорирована геометрическим орнаментом. Парные зигзагообразные линии, нанесенные гравировкой на верхнюю поверхность, создают треугольники. В каждом треугольнике циркулем выполнен кружочек с точкой в центре, который заполнен веществом золотистого цвета. Верхняя сторона пуговицы также украшена «глазковым» орнаментом. Пуговица окрашена в зеленый цвет и заполирована (рис. 2, 8). Заслуживает внимания пуговица из Тахти-Тавуса, имеющая вид усеченного конуса (рис. 2, 7). Ее поверхность концентрическими кругами разделена на два пояса. Нижний пояс заполнен «глазковым» орнаментом, на верхний - гравировкой нанесен орнамент в виде колеса со спицами. Поверхность другой пуговицы насечками разделена на секторы, в каждом имеется по одному кружочку¹¹. Примечательна также пуговица из этого же памятника с растительным орнаментом. На ее поверхность врезным способом нанесена шестилепестковая пальметта (рис. 2, 5). Фаунистические мотивы в декорировании пуговиц встречаются реже. В этой связи примечательны костяные пуговицы из Габалы, поверхность которых украшена изображениями птиц (табл. 1, 5), нанесенными врезным способом¹².

Данный вид продукции изготовлялся во всех косторезных мастерских средневекового Азербайджана. Ранние образцы известны из раскопок раннесредневекового слоя городов Азербайджана и датируются III-IV вв.¹³. Следует отметить, что ареал бытования костяных пуговиц рассматриваемого времени охватывает огромную территорию, включающую мусульманский Восток, Византию и Восточную Европу¹⁴. Кроме того, встречаются также костяные бусины для четок. На городище Шамкир обнаружена бусина биконической формы. Она окрашена в ярко-розовый цвет и отполирована до блеска.

Рассмотрев основные мотивы и композиционные приемы орнаментации изделий из кости IX-X вв., можно

semispherical, ring-shaped, cone-shaped, and truncated cone-shaped with a through vertical hole in the center. Geometrical ornament, especially, “eye” one, was used widely to decorate these articles. The surface of one of the buttons found at the site of settlement Oren-gala (Beylagan) is decorated by a five-radius star (Table 1,7). Each radius is supplied with a small circle with a point in the middle, i.e. an eye ornament. The surface of another button is ornamented by triangles using small circles (Table 1,6). The empty space among them is revived by an almond-shaped compassed pattern¹⁰. A button of a slightly bi-conic form found at the site of settlement Shamkir is also decorated by a geometrical ornament. Paired zigzags engraved onto the upper surface form triangles. Each triangle has a compassed small circle with a point in the center filled in with a golden substance. The button's upper side is also decorated by an “eye” ornament. The button is painted green, polished (Fig. 2, 8). Worthy of a note is a truncated-cone button from Tahti-Tavus (Fig. 2, 7). Its surface is divided by concentric circles into two belts. The lower belt is filled in with an eye ornament, whereas the upper one has an engraved ornament in the form of a wheel with spokes. The surface of another button is divided by incises into sectors, each of which contains one small circle¹¹. Another remarkable article is a button with vegetative ornament from the same monument. A six-petal palmette was carved into its surface (Fig. 2, 5). Faunal motifs in the decoration of buttons are observed rarer. In this regard, remarkable are Gabala's bone buttons whose surface is decorated by carved images of birds (Table 1, 5)¹².

This kind of articles was produced practically by all bone-carving shops of medieval Azerbaijan. Early specimens are known from the excavated early medieval layer of towns of Azerbaijan, dated back to the 3-4th centuries¹³. It should be noted that the area of use of bone buttons of the reviewed period covers a vast territory including the Moslem East, Byzantine and the Eastern Europe¹⁴. Bone rosary beads have also been found. A bi-conic bead was found at the site of settlement Shamkir. It is painted bright pink, shine-polished.

Main motifs and compositional techniques of ornamentation of bone articles of the 9-10th centuries lead us to think that bone-carvers used primarily rectilinear, curvilinear and spiral patterns to decorate articles. Besides, stylized images of birds are found on buttons. A curvilinear ornament in the form of a semicircle, a circular pattern or an arch was the dominating one. A circular pattern, which is also called an “eye” pattern, was the most popular artistic decoration of bone articles of the 9-10th centuries. This

отметить, что при декорировании косторезы, в основном, применяли прямолинейные, криволинейные, спиральные узоры. На пуговицах встречаются также стилизованные изображения пернатых. Доминирующим был криволинейный орнамент в виде полукруга, циркульного узора, дуги. В художественном оформлении костяных изделий IX-X вв. самым излюбленным украшением был циркульный узор, который называется также «глазковый», представляющий круг с точкой посередине или два кольца вокруг одной точки в центре¹⁵. У многих народов мира с древнейших времен этот орнамент являлся символом солнца, вечности. В целом, ассортимент и узоры костяных изделий IX-X вв. восходят к категориям и типам орнамента на аналогичных предметах предшествующей, раннесредневековой эпохи. Наряду с этим наблюдается тенденция появления и развития новых орнаментальных мотивов.

В XI-XII вв. средневековый Азербайджан достигает расцвета в социально-экономическом, политическом и культурном развитии. В городах, особенно в столичных, происходит подъем науки, литературы и искусства, что было следствием целевого меценатства, а также прямой поддержки правящей династией ученых и деятелей культуры. В светском мировоззрении того периода происходит усиление местных традиций, что особенно ярко отражено в предметах декоративно-прикладного искусства.

В городах Азербайджана успешно развивается косторезное ремесло. В напластованиях культурного слоя этого периода встречаются следы производительной деятельности. Так, при археологических раскопках городищ Шабран, Орен-гала (Бейлаган), Шамкир зафиксированы производственные отходы, детали и полуфабрикаты. Костяные изделия этого периода представлены предметами быта, вооружения, музыкальными инструментами, игральными костями, украшениями, деталями туалета.

С большим художественным вкусом выполнен нож из Бейлагана. Часть изделия отломана. Длина 16 см. Он цельный, изготовлен из одной кости¹⁶. Спинка украшена плетением, нанесенным насечками, а поверхность рабочей части декорирована циркульным узором. В верхнем ряду орнамента размещается цепь из кружочков, которая сопровождается точками, в нижнем ряду чередуются геометрические фигуры в виде треугольника и стилизованные растительные орнаменты, нанесенные циркулем. Особенно богато украшена рукоятка ножа. Тут мы видим четырехлучевые звезды, кружочки, кольцообразный и антропоморфные элементы. Нож окрашен в красный цвет и заполирован

pattern represents a circle with a point in the middle or two rings around one point in the center¹⁵. This ornament had symbolized the Sun, the eternity for many nations of the world since the most ancient times. On the whole, the assortment and patterns of bone articles of the 9-10th centuries ascend to categories and types of ornament of similar articles of the forerunning, early medieval period. At the same time, new ornamental motifs tended to appear and develop.

Medieval Azerbaijan saw the prosperity of its socio-economic, political and cultural development in the 11-12th centuries. Towns, primarily, capital ones saw a rise of science, literature and art, which was a consequence of a target-oriented patronizing of arts, as well as direct support from the ruling dynasty to scientists and figures of art. Secular concepts of that period saw the strengthening of local traditions that is eloquently reflected in the articles of decorative-applied art.

Bone-carving successfully developed in Azerbaijan's towns in the 11-early 12th centuries. Cultural layers of this period bear traces of bone carving production. The archeological material of the sites of settlements Shabran, Oren-gala (Beylagan) and Shamkir produced production waste, elements and semi-finished articles. The excavated bone articles of this period consist of implements of everyday use, armors, musical instruments, dies, toilette articles, etc.

A partly broken knife from Beylagan is made with a great artistic taste. It is 16-cm long. It is a whole, one-bone knife¹⁶. Its back is decorated by incised wickerwork, whereas the surface of the body is decorated mainly by a circular pattern. In the upper row of the ornament there is a chain of small circles accompanied by points, while the lower row has alternating geometrical figures in the form of a triangle and compassed stylized vegetative ornaments. The knife's haft is decorated particularly richly. It has four-radius stars, small circles, a ring-shaped element, and anthropomorphous elements. The knife is painted red, polished (Fig. 1, 5; Table II, 1).

It should be noted that bone pierces are often found in the cultural layer of the medieval sites of settlements. They are overwhelmingly not ornamented; however, there have also been found articles of artistic value. Particularly, deserving attention are pierces from the site of settlement Shamkir. One of them is notable for its arrow-shaped form. It is 9.5-cm long, has its surface thoroughly polished (Fig. 1,4). Another similar discovery from this monument has the form of a comma with a pointed end. The pierce is 12.8-cm long. Paired bi-conic signs and a compassed eye ornament are carved at its upper end (Fig. 1, 8).

(рис. 1, 5; табл. II, 1).

В культурном слое средневековых городищ рассматриваемого периода часто встречаются костяные проколки. Подавляющее большинство не орнаментировано, но отмечены изделия, представляющие художественную ценность. Так, заслуживают внимания проколки из городища Шамкир. Одна из них интересна стреловидной формой. Длина ее 9,5 см, поверхность тщательно отшлифована (рис. 1, 4). Другая аналогичная находка из этого памятника с острым кончиком, имеет форму запятой. Длина проколки 12,8 см. На верхнем конце вырезаны парные биконические знаки и «глазковый» орнамент, нанесенный циркулем (рис. 1, 8).

Высокое мастерство демонстрирует костяная накладка-рукоятка, выявленная на городище Шамкир. Длина 9,8 см, ширина 1,4-2,8 см. Она декорирована врезным способом и циркулем, имеет веслообразную форму с выпуклой лицевой поверхностью, которая врезными линиями разделена на три части. Циркулем нанесен узор, напоминающий антропоморфное изображение. Поверхность рукоятки тщательно отшлифована и отполирована до блеска (рис. 1, 6). Аналогичные костяные предметы известны также из раскопок городища Дабиль (табл. II, 6). Антропоморфный орнамент на поверхности этих находок более выразителен, изображения нанесены резным способом и при помощи циркуля.

Рукоятка ножа, выявленная из городища Хараба-Гилан, богато декорирована резным геометрическим орнаментом¹⁷. Верхний конец рукоятки украшен концентрическими кругами и сетчатым орнаментом. Основная часть поверхности рукоятки тремя косыми врезными линиями разделена на орнаментальные полосы, которые заполнены маленькими кружочками.

Геометрическим орнаментом украшена и костяная рукоятка длиной 13 см, найденная на городище Шабран. Она состоит из двух частей – нижней и верхней. На их внутренней поверхности имеются желобчатые углубления для черешка. Обе части соединялись железной заклепкой. Поверхность рукоятки хорошо отшлифована. Верхняя часть рукоятки украшена геометрическим орнаментом, нанесенным врезным способом и циркулем. В центре декора расположен геометрический орнамент в виде плетенки – сельджукской вязи, весьма распространенной в XI-XII вв. и в архитектуре, и в декоративно-прикладном искусстве Азербайджана. Этот орнамент нанесен циркулем. От него отходят врезные линии, окаймленные насечками. На оба конца верхней части рукоятки нанесены парные врезные линии. Нижняя часть рукоятки украшена относительно

Demonstrating a high mastership is a bone cover-haft found at the site of settlement Shamkir. It is 9.8-cm long, 1.4-2.8-cm wide. It is decorated by a carving and compass, has an oar-line form with a convex face that is divided by carved lines into three parts. A compassed pattern resembles an anthropomorphous image. The haft's surface is shine-polished (Fig. 1, 6). Similar bone articles were also found at the site of settlement Dabil (Table II, 6). Either carved or compassed anthropomorphous images on the surface of these articles are more expressive.

The haft of a knife discovered at the site of settlement Kharaba-Gilan is richly decorated by a carved geometrical ornament¹⁷. The haft's upper end is decorated by concentric circles and a reticulate ornament. The haft's main part is divided by three oblique carved lines into ornamental strips filled in with small circles.

A 13-cm long bone haft found at the site of settlement Shabran is also decorated by a geometrical ornament. It consists of two parts: the lower one and the upper one. There are fluted hollows for the haft on the interiors of these two parts. The both parts were interconnected by an iron rivet. The haft's surface is well polished. The haft's upper part is decorated by a geometrical carved and compassed ornament. In the center of the decor there is a geometrical ornament in the form of wickerwork - the Seljuk ornate lettering - that was very popular in the architecture and decorative-applied art of Azerbaijan of the 11-12th centuries. This ornament is compassed. Diverging from it are carved lines bordered by incisions. There are paired carved lines at the both ends of the haft's upper part. The haft's lower part is decorated relatively modestly. S-shaped curls are compassed on it (Table II, 2). Noteworthy is that

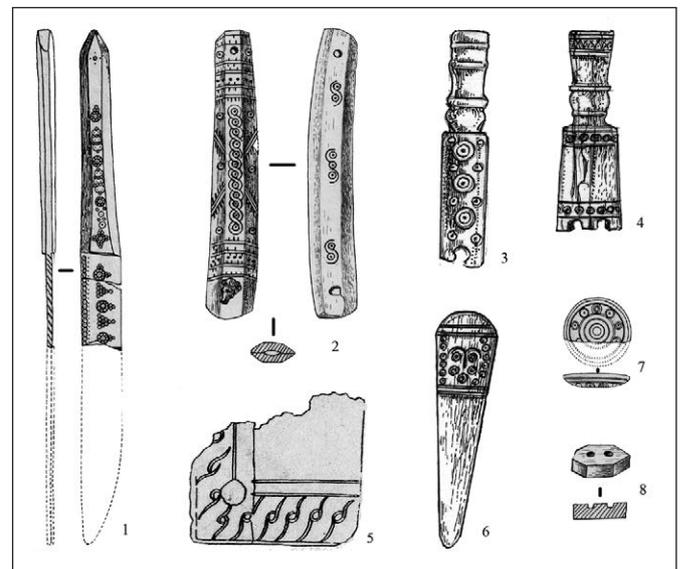

Таблица II. Костяные изделия XI– начала XIII вв.
Table II. Bone articles, 11– earlier 13th centuries.

скромно. На ней S-образные завитки, нанесенные циркулем (табл. II, 2). Отметим, что этот мотив очень часто встречается в различных отраслях ремесленничества, в частности в косторезном деле, тюркских народов. В средневековом декоративно-прикладном искусстве S-образные завитки ассоциировались с мифическим существом: драконом, образ которого воспринимался неоднозначно и имел дуалистический характер. С одной стороны, дракон - владыка вод, с другой стороны, он олицетворяет злые силы¹⁸.

При археологических раскопках встречаются также детали составных рукояток, в частности, затыльники. Они, в основном, представляют собой плоские отшлифованные, иногда отполированные до блеска, предметы овальной формы с двумя заостренными противоположными краями. Они имеют либо сквозные, либо несквозные отверстия. Так, например, затыльник из Шабрана отполирован до блеска и имеет пару несквозных отверстий (табл. II, 8).

Заслуживает внимания костяной предмет, выявленный на поселении Серкертее в северо-восточном Азербайджане¹⁹. Он имеет четырехгранный корпус, в верхней части принимающий трубчатую форму. На месте перехода имеется биконическая часть, окаймленная выпуклым пояском. В нижнем конце, в четырех частях предмета, просверлено сквозное отверстие, затем нижняя стенка отверстия была вырезана под углом (табл. II, 3).

Предмет украшен скромно, но со вкусом. Верхняя, трубчатая половина предмета орнаментирована парными резными линиями. Большое внимание уделено декорированию четырехгранной половины предмета. Она украшена «глазковым» орнаментом. На поверхность каждой стороны в трех местах нанесены концентрические круги с точкой посередине, а вокруг них расположены более мелкие кружочки с точкой посередине. Предмет отшлифован и отполирован до блеска, окраска меняется от кремового до светло-розового цвета. Аналогичное изделие известно также из раскопок средневекового Дабиля, оно украшено орнаментальными поясами, заполненными сетчатым и «глазковым» орнаментами (табл. II, 4).

Костяная пластинка, скорее всего фрагмент накладки шкатулки, обнаруженная на городище Орен-гала (Бейлаган), украшена геометрическим орнаментом, нанесенным гравировкой²⁰. В ее бордюре имеется орнамент в виде крючковидных коротких линий, концы которых соединяются в центре и создают как бы плетение (табл. II, 5)

Оригинально оформлен костяной предмет из рас-

this motif is very often used in various arts, particularly, bone-carving art of Turkic nations. In medieval decorative-applied art S-shaped curls were associated with a mythical being - the dragon - whose image was interpreted dually. On the one side, the dragon is the lord of the waters, and on the other side, it embodies evil forces¹⁸.

In addition, the excavated material revealed elements of composite hafts, particularly, back plates. They are largely flat polished, sometimes shine-polished oval articles with two pointed opposite edges. They have either through holes or blind holes. For instance, a back plate from Shabran is shine-polished, has a pair of blind holes (Table II, 8).

Worthy of a note is a bone article found at the settlement Serkertepe in the northeastern Azerbaijan¹⁹. It has a tetrahedral body whose upper part transits into a tubular form. At the place of transition there is a bi-conic part bordered by a convex belt. At the upper end, at four places of the article there is drilled a through hole; the hole's lower wall was carved angularly (Table II, 3)

The article is decorated modestly but with taste. The article's upper, tubular half is ornamented by paired carved lines. Great attention is paid to decoration of the article's tetrahedral part. It is decorated by an "eye" ornament. On the surface of each side, at three places, there are concentric circles with a point in the middle, surrounded by smaller circles with a point in the middle. The article's surface is shine-polished, has its color varying from cream to light pink. A similar article found from the medieval Dabil is decorated by ornamental belts filled in by reticulate and eye ornaments (Table II, 4).

A bone plate, which is most likely a fragment of a box cover found at the site of settlement Oren-gala (Beylagan), is decorated by an engraved geometrical ornament²⁰. Its border has an ornament in the form of hook-shaped short lines whose ends interconnect in the middle, forming a kind of wickerwork (Table II, 5).

A bone article excavated from the site of settlement Shamkir also has a peculiar form (Fig. 1, 7). The article's upper part represents an elongated pumpkin, whereas the lower one has a tubular form. The surface is polished, decorated by bow carved lines. The 1.7-cm diameter article is 7-cm long.

Like earlier, bone spinning pieces of the 11th-12th centuries are largely not ornamented. However, the excavated material of medieval settlements contains some specimens decorated by simple circular patterns (Table II, 7).

A two-sided comb of the 11-12th centuries found at the site of settlement Oren-gala (Beylagan) and currently stored at the archeology fund of the National Museum of

копок городища Шамкир (рис. 1, 7). Верхняя часть находки представляет собой удлиненную тыкву, нижняя имеет трубчатую форму. Поверхность отшлифована и украшена круговыми врезными линиями. Длина предмета 7 см, диаметр – 1,7 см.

Костяные пряслица XI-XII вв., как и в предыдущий период, в основном, не орнаментированы. Но из археологических раскопок средневековых городищ известны некоторые образцы, украшенные простым циркульным узором (табл. II, 7).

Двусторонний гребень XI-XII вв., обнаруженный на городище Бейлаган (Орен-Гала) и хранящийся в археологическом фонде Национального музея Истории Азербайджана, имеет прямоугольную форму с зубцами на обоих продольных краях. Поверхность его хорошо отшлифована и заполирована до блеска (рис. 3, 1). Отметим, что односторонние и двусторонние гребни получили широкое распространение еще в раннем средневековье. Они хорошо представлены из раскопок Мингечаура²¹.

В XI-XII вв. в быту населения широко распространяются костяные пуговицы. Они имеют традиционную коническую или же усечено-коническую форму. Встречаются также пуговицы в виде плоского диска с валиком вокруг отверстия. Размеры неодинаковые при диаметре основания 1,3-1,8 см, высоте 0,9-1,3 см. Часто лицевая поверхность окрашена и отполирована до блеска. Поверхность украшена геометрическими узорами: четырех- и пятилучевыми звездами, дугообразными элементами, concentрическими кругами, насечками, «глазковым» орнаментом (рис. 3, 5-15; табл. III, 4-19). Так, пуговица из городища Орен-гала (Бейлаган) украшена геометрическим орнаментом, нанесенным врезным, точечным и циркульным способом (рис. 3, 14), на поверхности другой - чередуются ромбы и парные косые линии, нанесенные насечками и врезным способом (рис. 3, 7). Одна из пуговиц городища Шамкир украшена зигзагообразными линиями, которые на поверхности создают елочный орнамент (рис. 3, 11). Другое аналогичное изделие, имеющее коническую форму, также имеет геометрический орнамент. На поверхности пуговицы тонкой гравировкой нанесен узор из комбинации ромбовидных фигур и многочисленных точек. Поверхность отполирована. Плоская, дисковидная пуговица из городища Шабран украшена кружочками и дугообразными элементами с двумя точками внутри (табл. III, 21). Заслуживает внимания пуговица из Бейлагана, украшенная изображением птицы с гроздью винограда в клюве²². Рисунок, нанесенный врезным способом, отличается

History of Azerbaijan has a rectangular form with dents at the both longitudinal verges. Its surface is shine-polished (Fig. 3, 1). It should be noted that one-sided and two-sided combs were spread widely yet in the early medieval period. They are well presented in the excavated material of Mingchevir²¹.

Bone buttons became articles of population's everyday life in the 11-12th centuries. They are traditionally cone-shaped or have a truncated cone form. Also, there are buttons in the form of a flat disc with a chaplet around the hole. The sizes are different, as the diameter of the base is 1.3-1.8 cm, the height is 0.9-1.3 cm. The face is often painted and shine-polished. The surface of these articles is decorated by a geometrical ornament: four- and five-radius stars, arched elements, an eye ornament, concentric circles, incisions, etc. (Fig. 3, 5-12; Table III, 4-19). For instance, a button from the site of settlement Oren-gala (Beylagan) is decorated by a geometrical carved, pointed and compassed ornament (Fig. 3, 14), whereas the surface of another button has alternating rhombs and paired oblique lines, either incised or carved (Fig. 3, 7). One of the buttons from the site of settlement Shamkir is decorated by zigzags that create a herringbone ornament on the surface (Fig. 3, 11). Another similar, cone-shaped article also has a geometrical ornament. The button's surface is finely engraved with a pattern representing a combination of diamond-shaped figures and numerous points. The surface is polished. A flat, disc-shaped button from the site of settlement Shabran is decorated by small circles and arched elements with two inside points (Table III, 21). Worthy of a note is a button from Beylagan decorated by the image of a bird holding a bunch of grapes at its beak²². The image is carved, notable for its dynamism (Table III, 20).

On the whole, the buttons are notable for being thoroughly made and ornamented. As a rule, they are painted, excellently polished. Apart from highly artistic specimens, there are seldom found simpler, non-ornamented specimens, evidently, cheaper ones. Thus, workshops produced articles depending upon consumers' ability to pay.

Bone amulets, pendants, and beads are not numerous. A flat bone pendant from the site of settlement Shamkir is made in the form of a heart (Fig. 3, 4). A bone amulet excavated from the site of settlement Shabran is anthropomorphic (Table III, 2). Probably, it can be considered a cult article. Similar pre-Mongol amulets excavated from Bolgar are referred to a group of cult articles²³.

Beads have an elegant form; their surface is thoroughly polished and painted. The majority of them represented rosary beads widely spread in Azerbaijan after the country

динамизмом (табл. III, 20).

В целом, пуговицы выделяются тщательностью изготовления и орнаментации. Они, как правило, окрашены и великолепно заполированы. Наряду с высокохудожественными образцами изредка встречаются более простые, неорнаментированные экземпляры, очевидно, более дешевые. Таким образом, в мастерских выпускалась продукция, учитывающая разнородную социальную обеспеченность потребителей.

Костяные амулеты, подвески и бусы немногочисленны. Плоская костяная подвеска из городища Шамкир выполнена в форме сердечка (рис. 3, 4). Костяной амулет из раскопок городища Шабран имеет антропоморфную форму (табл. III, 2). Видимо, его можно причислить к культовым предметам. Аналогичные находки домонгольского времени из Болгара отнесены к группе изделий культового назначения²³.

Бусы имеют изящную форму, поверхность их тщательно заполирована и окрашена. Большинство из них были в составе четок, широко распространенных в Азербайджане после принятия ислама. Они, в основном, однотонные. Но встречаются и богато орнаментированные образцы. Так, бусина из городища Шамкир, имеющая удлиненно-сферическую форму, украшена циркульным узором. Углубленные линии орнамента заполнены белой пастой. Бусина окрашена в розовый цвет и отполирована. С высоким художественным вкусом изготовлена бусина для четок. Она имеет вид рюмки. Поверхность предмета разделена на орнаментальные пояса. На верхнем поясе имеется «глазковый» орнамент, заполненный белой пастой. Во втором поясе располагается циркульный узор: чередуются круг, заполненный белой пастой посередине, и парные кружочки с белой пастой посередине и без них. В следующем орнаментальном поясе чередуются маленькие кружочки с точкой в центре и округлые выемки, сгруппированные по три, заполненные белой пастой и завершающиеся полукругом, который нанесен врезным способом. В трубчатой части предмета имеется биконическое расширение, нижняя половина которого украшена циркульным узором. Диаметр верхней части предмета 1,3 см, нижней – 0,6 см. Высота 1,9 см (рис. 3, 3). Бусина для четок из городища Орен-гала (Бейлаган) имеет грушевидную форму, украшена мелкими кружочками и дуговидными линиями. Поверхность ее окрашена в темно-коричневый цвет и отполирована до блеска (табл. III, 23).

Наряду с пуговицами и бусами в быту населения употреблялись различные застежки и булавки, украшенные геометрическим орнаментом. Застежка из городища

took Islam. They are largely single-color articles. However, richly ornamented specimens are available as well. For instance, an elongated-spherical bead from the settlement Shamkir is decorated by a compassed pattern. The ornament's deep lines are filled in with white paste. The bead is pink-colored, polished. A rosary bead is made with a high artistic taste. It has the form of a wineglass. The article's surface is divided into ornamental belts. The upper belt contains an "eye" ornament filled in with white paste. The second belt has a compassed pattern where a circle filled with white paste in the middle alternates with paired small circles with and without white paste in the middle. The next ornamental belt has alternating small circles with a point in the middle and rounded hollows grouped in three, filled in with white paste, and ending with a carved semicircle. The article's tubular part has a bi-conic extension whose lower part is decorated by a compassed pattern. The diameter of the article's upper part and lower part is 1.3 cm and 0.6 cm respectively. It is 1.9-cm high (Fig. 3, 3). A rosary bead from the site of settlement Oren-gala (Beylagan) is pear-shaped, decorated by small circles and arched lines. Its surface is painted dark brown, shine-polished (Table III, 23).

Apart from buttons and beads, in their everyday life people used various buckles and pins decorated by geometrical ornaments. A buckle from the site of settlement Shabran is notable for its elegant form and is shine-polished (table III, 30). Pins represent largely a pointed rod. They were carved of bone and horn, had their surface thoroughly polished. Worthy of a note is a pin in the form of a pointed rod with a cone-shaped top. Its surface is divided into five ornamental parts where paired wavy lines and nets with diamond-shaped cells alternate (Table III, 1).

Not high, cylindrical hollow article found on a site near the settlement of Shamkir is made of a cylindrical bone. It has a diameter of 1.4-1.6 cm, height of 1.6 cm. Its surface is decorated by a compassed pattern and shine-polished (Fig. 3, 2).

The excavated material from medieval settlements Beylagan and Shabran produced astragals that had been used in "ashik-ashik" game. A die-astragal from Shabran²⁴ is red-ochre painted (Table III, 24).

Study of chief motifs and compositional techniques of decoration of bone articles of the 11-12 centuries makes it possible to single out specific ornamental types of this period. Like in the previous period, traditional geometrical types: curvilinear, rectilinear and spiral ones prevail. Also, there are found reticular, triangular, stylized vegetative and graphic types. The ornamental motifs are becoming more complex.

Шабран выделяется изящной формой и блестящей полировкой (табл. III, 3). Булавки в основном представляют собой заостренный стержень. Они выточены из кости и рога, поверхность их тщательно отшлифована. Примечательна булавка в виде заостренного стержня с коническим навершием. Поверхность ее разделена на пять орнаментальных частей, где чередуются парные волнообразные линии и сетки с ромбовидными ячейками (табл. III, 1).

Невысокий цилиндрический, полый предмет, обнаруженный в городище Шамкир, изготовлен из трубчатой кости. Диаметр 1,4-1,6 см, высота 1,6 см. Поверхность украшена циркульным узором и отполирована до блеска (рис.3, 2).

Из археологических раскопок средневековых городищ Бейлаган и Шабран выявлены астрагалы, используемые в игре «ашик-ашик». Игральная кость-астрагал из Шабрана²⁴ окрашена красной охрой (табл. III, 24).

Изучение основных мотивов и композиционных приемов декорирования изделий из кости XI-XII вв. позволяет выделить характерные орнаментальные типы этого периода. Как и в предыдущий период преобладают традиционные геометрические типы: криволинейные, прямолинейные, спиральные. Встречаются также сетчатые, треугольные, стилизованно растительные и изобразительные. Наблюдается усложнение орнаментальных мотивов.

В XIII-XV вв. в Азербайджане шли сложные социально-экономические, военно-политические и культурные процессы. Пагубные последствия имело монгольское нашествие. Сильным разрушениям подверглись такие известные города Азербайджана, как Марага, Ардебиль, Бейлаган, Барда, Гянджа, Шамкир, Нахчыван, другие претерпевают спад, их культура несет черты огрубления. Однако огромный ущерб, нанесенный культуре, сельскому хозяйству, ремесленному производству монгольским нашествием, отнюдь не остановил развития, а реформы монгольского владыки Газан хана создали благоприятные условия для восстановления городского хозяйства. Археологические данные того времени свидетельствуют, что в большинстве городов сохранились традиционные отрасли ремесла и преемственность производства, произошло углубление специализации.

Костяные изделия XIII-XV вв. немногочисленны. Они большей частью декорированы простыми геометрическими узорами. Но вместе с тем встречаются чрезвычайно интересные предметы, орнаментированные сложными растительными узорами и изображениями пернатых.

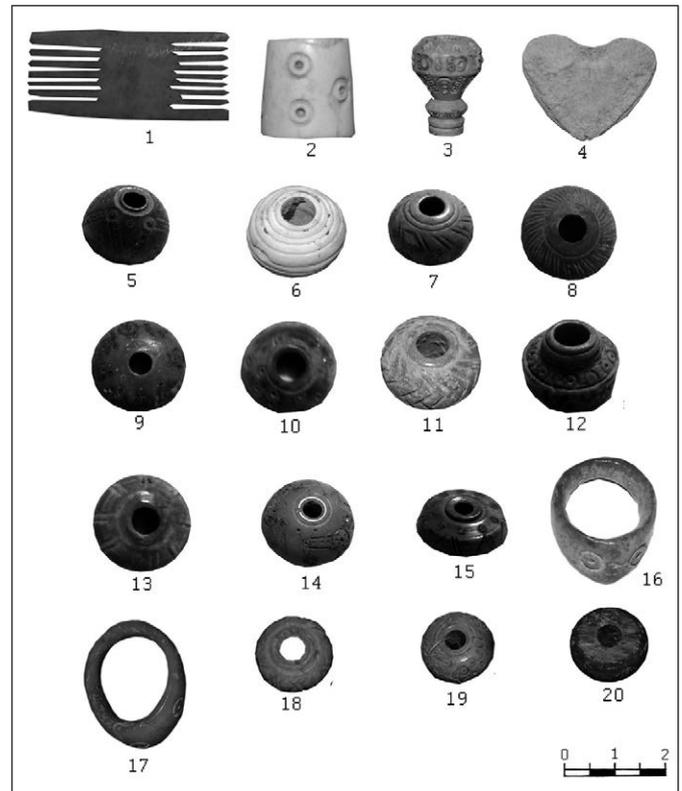

Рис. 3. 1-15, 18-20 – предметы туалета и украшения; 16-17 – предохранительные кольца XIII-XV вв. (Габала).

Fig. 3. 1-3 – toilette and adornments; 4-5 – guarules, 13-15 centuries (Qabala); 6-8 – buttons, 13-15th centuries (Qabala).

In the 13-14th centuries, Azerbaijan saw complex socio-economic, military-political and cultural processes. The Mongol invasion caused detrimental consequences. Well-known Azerbaijani towns, such as Maraga, Ardabil, Beylagan, Barda, Gyandja, Shamkir, and Nakhchivan were destroyed, others suffered a decline, had their culture coarsened. However, the huge damage done to culture, agriculture, and handicrafts by the Mongol invasion did not stop development at all, whereas reforms carried on by the Mongol ruler Gazan khan created favorable conditions for the restoration of urban economy. The then archeological data testify that traditional handicrafts and the succession of production were conserved in the majority of towns; specialization continued to develop.

Bone articles of the 13-15th centuries are not numerous. They are decorated largely by simple geometrical ornaments. At the same time, there are some extremely interesting items ornamented by complex vegetative patterns and images of birds.

In the Icherisheher of the town Baku there was found a thin bone nameplate of an elongated rhombic form (Table IV, 3). The surface of the article's upper half was decorated by a compassed "eye ornament"²⁵. A nameplate with a similar decor was also found at the site of settlement

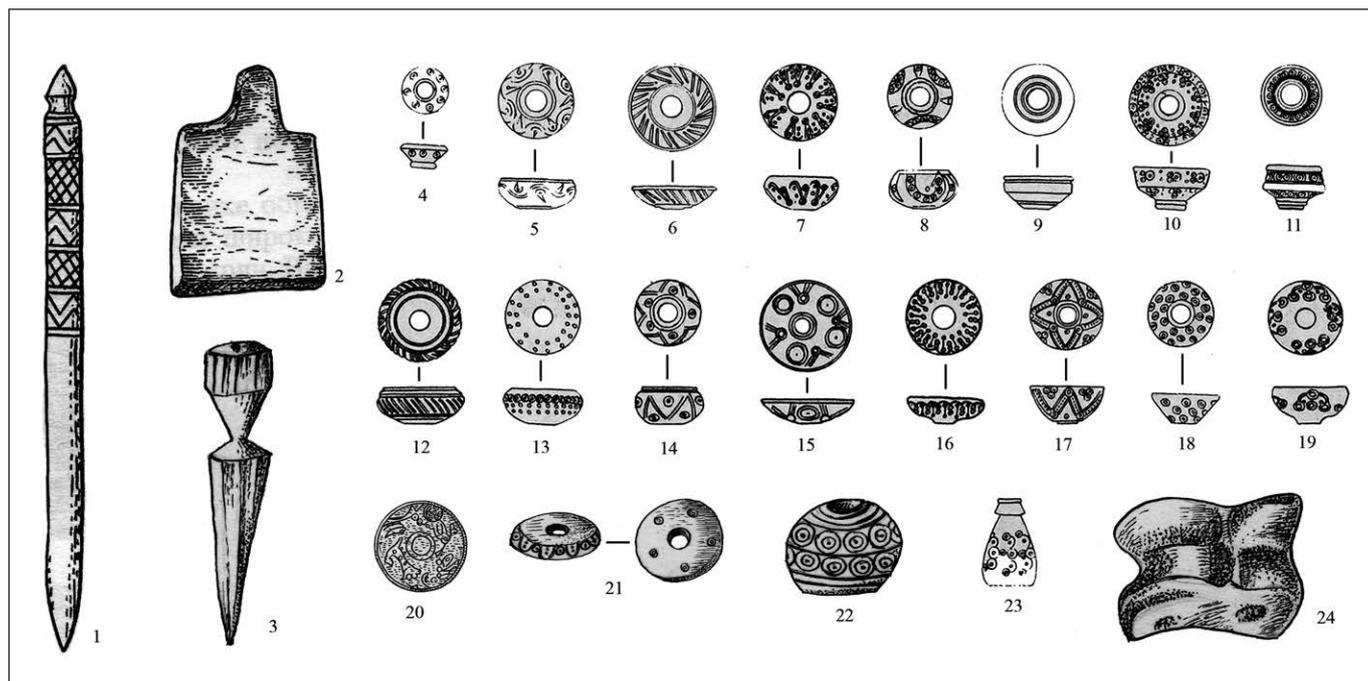

Таблица III. Предметы украшения XI– начала XIII вв.
Table III. Bijouterie, 11– earlier 13th centuries.

В Ичеришехере города Баку была обнаружена тонкая костяная пластина-накладка удлиненно-ромбической формы (табл. IV, 3). Поверхность верхней половины предмета украшена «глазковым» орнаментом, нанесенным циркулем²⁵. Накладка с аналогичным декором найдена также на поселении Худу-тепеси. На нижней половине пробито сквозное круглое отверстие²⁶.

Рукоятка из средневекового городища Шабран выполнена из плотного рога, в нижнем срезе просверлено отверстие для железного черешка. Поверхность рукоятки окрашена в изумрудный цвет. Глубокими косыми врезными линиями она разделена на орнаментальные полосы, которые украшены елочным орнаментом (табл. IV, 2).

Заслуживает внимания фрагмент духового музыкального инструмента – свирели (yan tütək) из раскопок городища Шабран²⁷. Он представляет собой полую костяную трубку длиной 11 см и диаметром 1 см. В ней имеются четыре полных и одно попавшее в излом сквозные отверстия. Одно из них сравнительно маленькое, диаметром 3 мм, другие имеют диаметр 3 см. Поверхность свирели тщательно отшлифована и отполирована до блеска (табл. IV, 1).

Овальные костяные кольца с оттянутым щитком для натягивания тетивы выявлены на городищах Орен-гала (Бейлаган), Шабран и Габала (рис. 3, 16-17; табл. IV, 4-5). Такие предохранительные кольца в письменных источниках названы по-разному. Наиболее распространенным был термин «шаст»²⁸, который встречается

Khudu-tepesi. There is a thorough round hole at the latter article's lower half²⁶.

A knife found from the site of medieval settlement Shabran is made of a strong horn; a hole for an iron haft is drilled at the upper section. The haft's surface is painted emerald green. Deep oblique carved lines divide it into ornamental strips decorated by a herringbone ornament (Table IV, 2).

Worthy of note is a fragment of a wind musical instrument - pipe - excavated on a site near the settlement of Shabran²⁷. It is an 11-cm long, 1-cm diameter hollow bone pipe. It has four thorough holes and one fractured hole. One of the holes is comparatively small (3mm), whereas the others has the 3-cm diameter. The pipe's surface is thoroughly glazed, shine-polished (IV, 1).

Oval bone guarules for a bowstring were found at the sites of settlements Oren-gala (Beylagan), Shabran, and Gabala (Fig. 3, 16-17; Table IV, 4-5). Such guarules are called differently in written sources. The most popular term was "shast"²⁸ that is also mentioned in works of Nizami Gyanjevi²⁹. Such guarules were designated for stringing very strong, complex military bows, put onto thumb of right hand. One of the verses in a book of Rashid ad-Din describes the way of using guarules³⁰. In practice, a guarule is stringed by a bent thumb that is assisted by forefinger pressing on it from above. To protect thumb, which turns to be between forefinger and long finger, they put a guarule onto it³¹. The method of use of bone guarules is depicted on medieval Persian and Turkish miniatures as well. One

также в произведениях Низами Гянджеви²⁹. Подобные кольца предназначались для натягивания тетивы очень мощных, сложных воинских луков и надевались на большой палец правой руки. Сообщение о способе использования предохранительных колец имеется в одном из стихотворений книг Рашид ад-Дина³⁰. На практике тетива натягивается согнутым большим пальцем, а указательный палец помогает ему, нажимая на него сверху. Для защиты большого пальца, который оказывался между указательным и средним пальцами, на него надевали кольцо³¹. Способ использования предохранительных костяных колец также отражен и на средневековых персидских и турецких миниатюрах. На одной из миниатюр рукописи «Шах-наме» (1370 г.) есть сцена охоты, где изображен Зал, стреляющий в утку. На большой палец его правой руки надето костяное предохранительное кольцо³². Костяные кольца с оттянутым щитком для натягивания тетивы лука, выявленные на городище Габала, украшены циркульным узором (рис. 3, 4-5).

Продолжалось производство застёжек, амулетов, пряжек, блях и бляшек из кости. Изящна по форме застёжка из раскопок Шамахи (табл. IV, 6). Костяной амулет из раскопок поселения Салманбулагы имеет zoomорфную форму (табл. IV, 7).

Среди исследуемых костяных предметов высоким художественным исполнением выделяются детали поясного набора из Мингечаура, которые хранятся в Археологическом фонде Национального Музея истории Азербайджана. Они представлены пряжками, бляхами, бляшками и ажурной накладкой. Из найденных двух пряжек одна целая. Целый экземпляр имел раму овальной формы и прямоугольный щиток, к которому присоединялся ремень (рис. 4, 1). Длина этой пряжки 3,5 см, ширина 4,5 см, высота 1,3 см. Передняя, лицевая, поверхность пряжек декорирована растительным орнаментом дальневосточного характера, нанесенным глубокой резьбой. В центре композиции находится шестилепестковый цветок, обрамленный вьющимися листьями.

Изящно и со вкусом изготовлены две бляхи в виде ромбовидной рамы размером 4,5 x 4,2 x 0,5 см. Одна из них целая, от другой сохранилась только рама. Целая бляха украшена изображением пернатого и растительным орнаментом, нанесенным врезным способом и ажурной резьбой. Врезная линия на раме бляхи подчеркивает границы орнаментального поля. Растительный орнамент состоит из цветов и листьев. В центре композиции изображена птица, скорее всего утка, с большой головой, повернутой назад. Под ногами птицы врезаны вьющиеся ветки. Клюв, крылья и хвост для

of the miniatures of the manuscript "Shah-nameh" (1370) shows a hunting scene depicting Zal shooting a duck. A bone guarule is put onto the thumb of his right hand³². Bone guarules designated for stringing a bow, which were discovered at the site of settlement Gabala, are decorated by a circular pattern (Fig. 3, 4-5). The production of bone buckles, amulets, clasps, nameplates and plates went on. A buckle excavated from Shamakha has an elegant form (Table IV, 6). A bone amulet excavated from the site of settlement Salmanbulag is zoomorphic (Table IV, 7).

Of bone articles under study, notable for their high artistic value are Mingechevir's belt elements, which are stored at the archeology fund of the National Museum of History of Azerbaijan. They are buckles, nameplates, plates, and a delicate cover plate. Of the two found buckles, one is unbroken. The unbroken specimen has an oval frame and a rectangular belt fastening cover (fig. 4,1). This buckle is 3.5-cm long, 4.5-cm wide and 1.3-cm high. The face of the buckles is decorated by Far Eastern deep-carved vegetative ornament. In the center of the composition there was located a six-petal flower framed by climber leaves.

Two nameplates, dimensions 4.5/4.2/1.5-cm of diamond-shaped frame, are made elegantly, with taste. One of them is unbroken, whereas only a frame remains from the other one. The unbroken nameplate is decorated by the image of a bird and a delicately carved vegetative ornament. The carved line on the nameplate's frame underlines borders of the ornamental field. In the center of the composition, against the vegetative background there is depicted a bird, most probably, a duck with a big head turned back. The vegetative ornament consists of flowers and leaves. Climbing branches are cut under the bird's feet; its beak, wing and tail are outlined by shallow incisions for the reasons of expressiveness (Fig. 4, 2).

There is a remarkable delicate cover plate with a complex decor depicting the images of two birds with vegetative sprouts between them. One of the birds stands with its head turned, while the other one is depicted in a sitting pose. Here, the vegetative pattern is identical with the ornaments of the rest buckles and nameplates but has somewhat different interpretation. There are metallic rivets at the article's ends (Fig. 4, 3). The cover plate is 5.4-cm long, 2.3-cm wide and 4-mm thick.

Almond-shaped nameplates decorated by carved lines and delicate carvings are no less elegant. They have the same vegetative ornament: flowers and leaves of a Far Eastern character. There are metallic rivets at three places of their edges. The decor is also enlivened by green spots (Fig. 4, 4). The nameplates are 4-mm thick, have the diameter of 1.8-1.9 cm. Naturally, the small sizes of the nameplates

выразительности выделены неглубокими насечками (рис. 4, 2).

Примечательна ажурная накладка со сложным декором, в котором орнаментальное поле заполнено изображениями двух птиц, а между ними растительные побеги. Одна птица стоит, голова повернута, другая выполнена в сидячей позе. Растительный орнамент идентичен орнаментам других пряжек и блях, однако трактовка их несколько иная. На концах предмета имеются металлические заклепки (рис.4, 3). Длина накладки 5,4 см, ширина 2,3 см, толщина 4 мм.

Бляшки миндалевидной формы, украшенные врезными линиями и ажурной резьбой, не менее изящны. На них идентичный растительный орнамент – цветы и листья дальневосточного характера. По краям, в трех местах имеются металлические заклепки. Декор также оживлен зелеными пятнами (рис. 4, 4). Диаметр бляшек 1,8-1,9 см, толщина 4 мм. Небольшие размеры бляшек, естественно, ограничивали поле деятельности художников-косторезов, однако, особая структура сырья (кости) допускала возможность исключительно тонкой его обработки.

Орнаментация поясного набора подчеркивает его связь с буддийским искусством. Так, изображение лотоса весьма характерно для буддийского искусства, где цветок воспринимался как определенный символ появления всякой жизни. Изображение птиц, в частности, уток, гусей, фениксов также было излюбленным мотивом и имело широкое распространение в средневековом декоративно-прикладном искусстве некоторых

restrained the field of operation of artists-bone-carvers; however, a special structure of raw material, i.e. bone assumed the possibility of processing it in an extremely delicate manner.

The ornamentation of the belt set stresses its link with the Buddhist art. Particularly, the image of a lotus is very typical for the Buddhist art where a flower was interpreted as a definite symbol of appearance of any life. The image of birds, particularly, ducks, geese and phoenixes, was also a favorite motif spread widely in the decorative-applied art of some Turkic and Mongol nations in medieval period. The waterfowl - geese and ducks - symbolized unity, alliance among the earth, the water, and the sky³³.

Buttons of this period are not numerous, have conserved the traditional form and ornamentation motifs. Specimens of buttons were found in the excavated material of the sites of settlements Shabran, Baku and Gabala. They are decorated largely by a geometrical ornament. A circular pattern prevails. The buttons are painted red or pink, have their surface thoroughly polished (Fig. 3, 18-20).

Analysis of main motifs and compositional techniques of decoration of bone articles of the 13-15th centuries makes it possible to recognize the influence of the Far Eastern, Buddhist art. It is also traced in other decorative-applied arts of this epoch: pottery, metalworking, artistic textile-weaving, and jewelry art and is connected with military-political, social-economic and ethnical-cultural processes of this period.

In addition, the excavated material gives valuable information about organization of the bone carving produc-

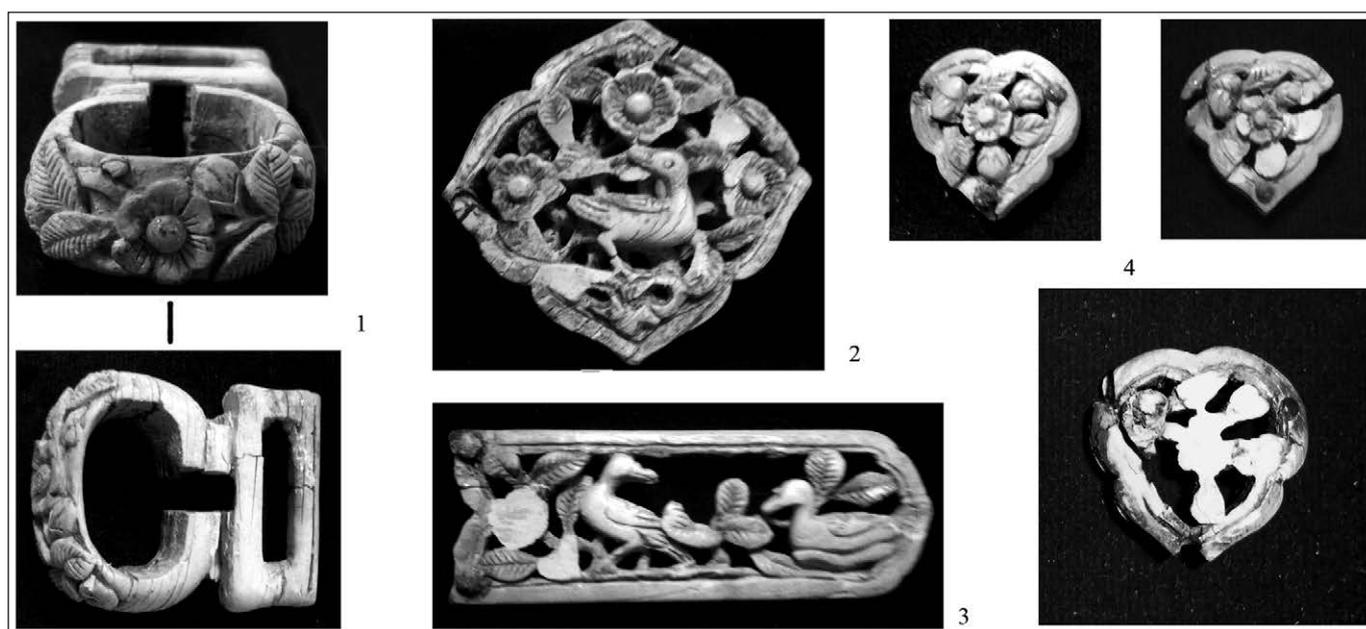

Рис. 4. Мингечаур. Костяные изделия XIII в. 1 – пряжка; 2, 3 – бляха и накладка XIII в.; 4 – бляшки.
 Fig. 4. Mingechevir. Bone articles. 13th century: 1 – buckle; 2, 3 – pendant and plates; 4 – nameplates.

тюркских и монгольских народов. Водоплавающие птицы — гусь, утка символизировали единство, союз между землей, водой и небом³³.

Пуговицы этого периода немногочисленны, они сохранили традиционную форму и мотивы орнаментации. Образцы пуговиц найдены при раскопках на городищах Шабран, Баку, Габала. Они, в основном, украшены геометрическим орнаментом. Доминирует циркулярный узор. Пуговицы окрашены в красный или розовый цвет, поверхность тщательно заполирована (рис. 3, 18-20).

Анализ основных мотивов и композиционных приемов декорирования изделий из кости XIII-XV вв. позволяет констатировать влияние дальневосточного, буддийского искусства. Оно прослеживается также в других отраслях декоративно-прикладного искусства этого периода - в керамике, металле, художественном текстиле, ювелирном деле и связано с военно-политическими, социально-экономическими и этнокультурными процессами данного периода.

Археологические материалы представляют ценные сведения и по организации косторезного производства и характеристике технологии этого вида ремесла. Остатки средневековой мастерской по косторезному делу обнаружены и изучены при археологических раскопках в городе Шамахи. В помещении с земляным полом, построенным из слабо тесаных камней, обнаружены следы косторезного производства, сырье, отходы производства и полуфабрикаты. Косторез в качестве сырья использовал главным образом рога благородного оленя, рога и кости домашних животных³⁴.

Полученные археологами и этнографами материалы позволяют выяснить, как создавались костяные изделия. В процессе производства выделяются четыре основных этапа, первый из которых - сбор и отбор сырья. Косторезы средневекового Азербайджана, как уже отмечалось, использовали рога и кости как домашних, так и диких животных. Однако археологические данные, например изучение костяных изделий поселений №2,3 Мингечаура, свидетельствуют, что более половины составляют кости домашнего скота³⁵. Это означает, что сырье для косторезного дела обеспечивалось, главным образом, за счет скотоводства. Кроме того, в качестве сырья успешно применялись также кости и рога диких зверей и животных. Предпочитали олений рог, о чем свидетельствуют многочисленные полуфабрикаты и производственные отходы, обнаруженные при археологических раскопках. Он пластичен и мягок, а размеры позволяли вырезать предметы различной величины и формы³⁶.

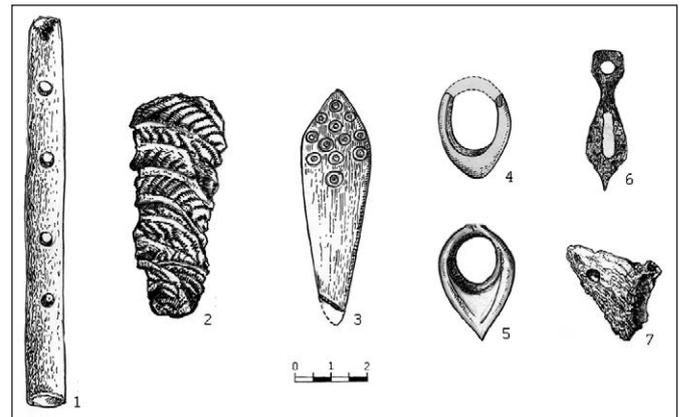

Таблица IV. Костяные изделия XIII-XV вв.
Table IV. Bone articles, 13th-15th centuries.

tion and characteristic of the technology of bone-carving handicraft. Remains of a medieval bone-carving workshop were detected and subsequently examined as a result of archeological excavations in the town Shemakha. Traces of bone-carving, raw materials as well as waste of production and semi-finished products were found in an earth-floor room built of slightly cut stones. The bone-carver used primarily the horns of the red deer, as well as the horns and bones of domesticated animals as the raw material³⁴.

Data obtained by archeologists and ethnographers help find out how bone articles were created. There are four main stages distinguished in the process of production: the first stage assumes collection and selection of raw material. As it has been noted above, medieval Azerbaijan's bone-carvers used the horns and bones of either domesticated or wild animals. However, the archeological information, particularly, study of bone articles from Mingechevir's settlement #2 and settlement #3 illustrates that more than a half consists of bones of domestic cattle³⁵. This means that the raw materials for bone-carving were provided mostly by cattle-breeding. Besides, the bones and horns of wild mammals were also used successfully as a raw material. They preferred the deer horn, as illustrated by numerous semi-finished products and production waste discovered under excavations. The deer horn is plastic, soft; its sizes allowed carving articles of different sizes and forms³⁶.

The second stage of production of articles assumed bone defatting and osteomalacia through boiling. The raw material was repeatedly boiled with alkali, in the ashes and in cultured milk products. Such a method of bone defatting has been known in Azerbaijan since ancient times³⁷. This process was followed by the making of a half-finished product. Bone-carvers performed the following operations: 1) removal of fat-saturated and weaker epiphyses; 2) splitting a cylindrical bone, horn into plates; 3) attaching the needed configuration to flat

На втором этапе изготовления предметов производилось обезжиривание и размягчение кости посредством варки. Сырье подверглось неоднократному кипячению со щелочью, в золе, в кисломолочных продуктах. Такой способ обезжиривания кости в Азербайджане известен с древних времен³⁷. Затем создавалась заготовка. При этом косторезы выполняли следующие операции: 1) удаление насыщенных жиром и менее прочных эпифизов; 2) расщепление трубчатой кости, рога на пластины; 3) придание плоским костям нужной конфигурации и повторное распаривание пластины для распрямления; 4) разметка на подготовленной кости форм, размеров и количества будущих изделий³⁸.

На третьем этапе из заготовки производились конкретные предметы различного назначения. В зависимости от назначения изготавливаемого предмета ему придавалась необходимая форма. При этом косторезы спиливали, срезали, высверливали заготовку, стесывали ненужные части. На этом этапе производства первоначальная, природная форма сырья утрачивалась. Данный этап требовал наличия специальных навыков, приобретенных в процессе собственно ремесленной деятельности. Вместе с тем следует отметить, что обработка кости по своим техническим приемам имеет много общего с деревообрабатывающим и камнерезным делом. Завершающим этапом производства художественных костяных изделий было декорирование изделий и полировка. Нередко поверхность предметов окрашивалась. Орнамент наносился, в основном, насечкой, гравировкой и резьбой. Применялись как плоскорельефная, так и ажурная резьба. Сырье, то есть костный материал, позволяло, мягко выбирая фон, придавать особую плавность рельефу и достигать поразительной точности в изготовлении отдельных деталей и предметов. В набор инструментов средневековых косторезов входили ножи, различные резцы, топор, пила, сверло, напильник. Бусы, пуговицы, мундштуки свидетельствуют, что косторезы успешно применяли токарный станок.

Общеизвестно, что уровень развития косторезного ремесла, как и других отраслей народного промысла, определяется не только наличием профессиональных мастеров, как правило, резчиков широкого профиля. В большей степени на развитость производства указывает его отношение к широкому рынку. Ассортимент продукции, в частности изделий из кости, обработанных на токарном станке, позволяет констатировать высокий уровень косторезного дела. Серийность в изготовлении вещей, несомненно, свидетельствуют о развитом рыночном производстве. Очевидно, в городах суще-

bones, and a repeated steaming of the plate for the reasons of straightening; 4) marking out forms, sizes and numbers of to-be articles on the processed bone³⁸.

The third stage assumed turning a half-finished product into specific articles of various designations, depending on which a needed form was attached to an article. Bone-carvers sawed down, cut and drilled a half-finished product, trimmed its unneeded parts. The initial, natural form of raw material was lost at this stage of production. This stage required special skills acquired through the very artisan production. At the same time, it should be noted that bone-carving, in terms of its techniques, has much in common with woodcarving and stone-carving. The final, fourth stage of production of artistic bone articles envisioned decorating articles by various ornaments, and polishing. The surface of articles was often painted. The ornament was put primarily through incising, engraving and carving. Note that either flat relief carving or delicate carving was applied. The raw material, i.e. bone material allowed attaching particular softness to the relief, getting astonishing accuracy in the production of separate elements and articles through softly choosing a background. The set of implements of medieval bone-carvers included knives, incisors, an ax, a saw, a drill, and a file. The found beads, buttons and mouthpieces demonstrate that bone-carvers successfully used a turner.

It is generally known that the level of development of bone-carving craft and so of other popular crafts depends not only on the existence of separate highly professional masters, as a rule, wide-profile carvers. To a larger extent, the development of production is determined by its relation to a broad market. The assortment of products, particularly, bone articles make it possible to state a high level of the bone-carving. Beyond any doubts, the serial production of articles demonstrates a developed market production. Evidently, a small stratum of masters-bone-carvers existed in towns. On the whole, the community of the bone-carving tradition in medieval Azerbaijan's towns is displayed primarily through a common technique of raw material processing and, to a significant extent, through the assortment of articles produced by various centers of the country.

¹ Traditsionnie mirovozreniya tyurkov Yujnoy Sibiri. S. 106. Novosibirsk. 1988.

² Babayev İ., Eminli C., Alişov N., Mustafayev L., İsmayilov R. 2010-cu ildə Qəbələnin Səlbir şəhər yerində qazıntıların nəticələri // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar. S. 356-357. Bakı. 2010.

³ Əhmədov Q.M. Orta əsr Beyləqan şəhəri. S. 36. Bakı. 1979, şəh. 21j

⁴ İsmayilzadə Q.S. Təxti-Tavusun sorağında // Azərbaycan

ствовала небольшая прослойка мастеров-косторезов. В целом, общность косторезной традиции в городах средневекового Азербайджана проявляется, прежде всего, в единой технике обработки исходного материала и в значительной мере - в ассортименте продукции, производимой в различных центрах страны.

¹ **Традиционные мировоззрения** тюрков Южной Сибири. С. 106. Новосибирск, 1988.

² **Babayev İ, Eminli C., Alishov N., Mustafayev L., İsmayilov R.** 2010-cu ildə Qəbələnin Səlbir şəhər yerində qazıntılarının nəticələri // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar. S. 356-357. Bakı, 2010.

³ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S. 36, şəh. 21j. Bakı, 1979.

⁴ **İsmayilzadə Q.S.** Təxti-Tavusun sorağında // Azərbaycan arxeologiyası, № 3. S. 49. Bakı, 1999.

⁵ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S.36, şəh. 21. Bakı, 1979.

⁶ **Qaziyev S.M.** Qəbələ şəhərinin tarixi-arxeoloji tədqiqi // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. V c. S. 43. Bakı, 1964.

⁷ **Амили Б.М.** Китабинафаисул–финун фи Араиусул–уйун. Институт рукописей НАН Азербайджана, д. IV-24/1385. С. 211.

⁸ **Dadaşzadə M.** Azərbaycan xalqının orta əsr mənəvi mədəniyyəti. S. 192-193. Bakı, 1985.

⁹ **Нуриев А.Б.** Ремесло Кавказской Албании. С. 206. Баку, 2009.

¹⁰ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S. 36. Bakı, 1979.

¹¹ **İsmayilzadə Q.S.** Təxti-Tavusun sorağında // Azərbaycan arxeologiyası, № 3. S. 49. 1999.

¹² **Qaziyev S.M.** Qəbələ şəhərinin tarixi-arxeoloji tədqiqi // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. V c. Bakı, 1964; **Eminli C.** Qəbələ (Səlbir) şəhər yerində arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar-2011. Bakı, 2012.

¹³ **Нуриев А.Б.** Ремесло Кавказской Албании. С. 209. Баку, 2009.

¹⁴ **Оразов О.** Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. С. 63. Ашхабад, 1973; **Атагарриев Е.** Средневековый Дехистан. С. 135. Ленинград, 1986; **Литвинский Б.А., Соловьев Б.С.** Средневековая культура Тохаристана. С. 162-163. М., 1985; **Флерова В.Е.** Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). С. 102-103. Санкт-Петербург, 2001; **Сергеева М.С.** Древнерусские костяные пуговицы // Интеграция археологических и этнографических исследований. С. 216–217. Одесса-Омск, 2007.

¹⁵ **Рыбаков Б.А.** Ремесло Древней Руси. С. 414. М., 1948.

¹⁶ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S. 64, şəh. 46u. Bakı, 1979.

¹⁷ **Ибрагимов Б.И.** Средневековый город Киран. С. 120, рис. 39, 56. Баку-Москва, 2000.

¹⁸ **Маммаев М.И.** Образ дракона в средневековом искусстве Дагестана // Тезисы докладов XV Крупновского чтения по археологии Северного Кавказа. С. 82. Махачкала, 1988.

¹⁹ **Достиев Т.М.** Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX-середина XIII века). Баку, 1999.

²⁰ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. s. 64, şəh. 46q. Bakı, 1979.

²¹ **Асланов Г.М.** К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. Вып. №60. С. 68-69. М., 1955.

²² **Rəcəbova B.Ə.** Azərbaycanın orta əsr qadın bəzəkləri (IV-XIII əsrlər). S. 69. Bakı, 2000.

²³ **Закирова И.А.** Косторезное дело Болгара // Город Болгар.

arxeologiyası, № 3. S. 49. Bakı. 1999.

⁵ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S.36, şəh. 21. Bakı. 1979.

⁶ **Qaziyev S.M.** Qəbələ şəhərinin tarixi-arxeoloji tədqiqi // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. V c. S. 43. Bakı. 1964.

⁷ **Amili B.M.** Kitabinafaissul-finun fi Araiusul-uyun. Institut rukopisey NAN Azerbaydjana, d. IV-24/1385. S. 211.

⁸ **Dadaşzadə M.** Azərbaycan xalqının orta əsr mənəvi mədəniyyəti. S.192-193. Bakı. 1985.

⁹ **Nuriev A.B.** Remeslo Kavkazskoy Albanii. S. 206. Bakı. 2009.

¹⁰ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S.36. Bakı. 1979.

¹¹ **İsmayilzadə Q.S.** Təxti-Tavusun sorağında // Azərbaycan arxeologiyası, № 3. S. 49. 1999.

¹² **Qaziyev S.M.** Qəbələ şəhərinin tarixi-arxeoloji tədqiqi // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. V c. Bakı. 1964; **Eminli C.** Qəbələ (Səlbir) şəhər yerində arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar-2011. Bakı. 2012.

¹³ **Nuriev A.B.** Remeslo Kavkazskoy Albanii. S. 209. Bakı. 2009.

¹⁴ **Orazov O.** Arkheologicheskie I arkhitekturne pamyatniki Serakhs-kogo oazisa. S. 63. Ashkhabad. 1973; **Atagarriev E.** Srednevekoviy Dekhistan. S. 135. Leningrad. 1986; **Litvinskiy B.A., Solov'ev B.S.** Srednevekovaya kul'tura Tokharistana. S.162-163. Moskva. 1985; **Flerova V.E.** Reznaya kost' yugo-vostoka Evropi IX-XII vv.: iskusstvo i remeslo (po materialam Sarkela-Beloy Veji iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitaja. S. 102-103. Sankt-Peterburg. 2001; **Sergeeva M.S.** Drevnerusskie kostyannie pugovitsi // Integratsiya arkheologicheskix I etnograficheskix issledovaniy. S. 216–217. Odessa-Omsk. 2007.

¹⁵ **Ribakov B.A.** Remeslo Drevney Rusi. S. 414. Moskva. 1948.

¹⁶ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S. 64, şəh. 46u. Bakı. 1979.

¹⁷ **Ibragimov B.I.** Srednevekoviy gorod Kiran. S. 120, ris. 39, 56. Bakı-Moskva. 2000.

¹⁸ **Mammaev M.I.** Obraz drakona v srednevekovom iskusstve Dag-estana // Tezisi dokladov XV Krupnovskogo chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. S. 82. Maxachkala. 1988.

¹⁹ **Dostiyev T.M.** Srednevekovie arkheologicheskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbaydjana (IX-seredina XIII veka). Bakı. 1999.

²⁰ **Əhmədov Q.M.** Orta əsr Beyləqan şəhəri. S. 64, şəh. 46q. Bakı. 1979.

²¹ **Aslanov G.M.** K izucheniyu rannesrednevekovix pamyatnikov Mingechaura // KSIIMK. Vyp. № 60. S. 68-69. Moskva. 1955.

²² **Rəcəbova B.Ə.** Azərbaycanın orta əsr qadın bəzəkləri (IV-XIII əsrlər). S. 69. Bakı. 2000.

²³ **Zakirova I.A.** Kostoreznoe delo Bolgara // Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoy deyatel'nosti. S. 235. ris. 103, 14-15. Moskva. 1988.

²⁴ **Dostiyev T.M.** Srednevekovie arkheologicheskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbaydjana (IX-seredina XIII veka). S. 81. Bakı. 1999.

²⁵ **Ismizade O.Sh.** O rezultatakh arkheologicheskogo issledovaniya territorii "Icherishahar" v 1966 g. // Material'naya kul'tura Azerbaydjana. Tom VIII. S.179, tabl., IX, 3. Bakı. 1976.

²⁶ **Ələkbərov A.İ., Mirabdullayev A.M., Əzizov T.H.** 2010-cu ildə Cənub-Şərqi Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar. // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar-2010. S. 280. Bakı. 2011.

²⁷ **Mustafayev F.B.** Ob odnom kostyanom instrumente iz gorodisha Shabran // Tezisi dokladov konferentsii "Velikiy Oktyabr' i razvitie arkheologicheskoy nauki v Azerbaydjane". S. 78. Bakı. 1988.

²⁸ **Yəzdi Şərəfəddin Əli.** Zəfərnəmə. Fars dilindən tərcümə, izahlar V.Piriyevindir. S. 13. Bakı. 1996; **Əhmədov S., Cəfərova E.** Azərbaycanın orta əsr silahları. S. 56. Bakı. 2005.

²⁹ **Bertel's E.E.** Nizami i Firdousi // Nizami. Sbornik vtoroy. S. 44. Bakı. 1940.

- Очерки ремесленной деятельности. С. 235, рис. 103, 14-15. М., 1988.
- ²⁴ **Достиев Т.М.** Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX-середина XIII века). С. 81. Баку, 1999.
- ²⁵ **Исмизаде О.Ш.** О результатах археологического исследования территории «Ичеришахар» в 1966 г. // Материальная культура Азербайджана. Том VIII. С. 179, табл., IX, 3. Баку, 1976.
- ²⁶ **Ələkbərov A.İ., Mirabdullayev A.M., Əzizov T.H.** 2010-cu ildə Sənub-Şərqi Azərbaycanında arxeoloji tədqiqatlar. // Azərbaycanında arxeoloji tədqiqatlar-2010. S. 280. Bakı, 2011.
- ²⁷ **Мустафаев Ф.Б.** Об одном костяном инструменте из городища Шабран // Тезисы докладов конференции «Великий Октябрь и развитие археологической науки в Азербайджане». С. 78. Баку, 1988.
- ²⁸ **Yəzdi Şərəfəddin Əli.** Zəfərnamə. Fars dilindən tərcümə, izahlar V.Piriyevindir. S. 13. Bakı, 1996; **Əhmədov S., Cəfərova E.** Azərbaycanın orta əsr silahları. S. 56. Bakı, 2005.
- ²⁹ **Бертельс Е.Э.** Низами и Фирдоуси // Низами. Сборник второй. С. 44. Баку, 1940.
- ³⁰ **Рашид ад-Дин Ф.** Джамиат-таварих. С. 82. М., 1960.
- ³¹ **Абакаров А.И.** Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана // Древности Дагестана. С. 260. Махачкала, 1974; **Федоров-Давыдов Г.А.** Золотоордынские города Поволжья. С. 178. М., 1994; **Əhmədov S., Cəfərova E.** Azərbaycanın orta əsr silahları. S. 56. Bakı, 2005.
- ³² **Волков И.В.** Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. С. 174-181, 4с. илл. М., 1991.
- ³³ **Кызласов Л.Р., Король Г.Г.** Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. С.163-166. М., 1990.
- ³⁴ **Azərbaycan arxeologiyası.** Altı cildə. VI cild. S. 396. Bakı, 2008.
- ³⁵ **Нуриев А.Б.** Ремесло Кавказской Албании. С. 205. Баку, 2009.
- ³⁶ **Закирова И.А.** Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. С. 236. М., 1988.
- ³⁷ **Нуриев А.Б.** Ремесло Кавказской Албании. С. 207. Баку, 2009.
- ³⁸ **Закирова И.А.** Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. С. 236. М., 1988.
- ³⁰ **Rashid ad-Din F.** Djamiat-tavarih. S. 82. Moskva. 1960.
- ³¹ **Abakarov A.I.** Nekotore predmeti voorujeniya mongolskogo vremeni iz gornogo Dagestana // Drevnosti Dagestana. S. 260. Mahachkala. 1974; **Fedorov-Davidov G.A.** Zolotoordinskie goroda Povolj'ya. S. 178. Moskva. 1994; **Əhmədov S., Cəfərova E.** Azərbaycanın orta əsr silahları. Bakı. S. 56. 2005.
- ³² **Volkov I.V.** Atributsiya neskol'kih veshey iz zolotoordinskogo Azaka // Drevnosti Severnogo Kavkaza I Prichernomor'ya. S. 174-181+ 4 s ill. Moskva. 1991.
- ³³ **Kizlasov L.R., Korol' G.G.** Dekorativnoe iskusstvo srednevekovih khakasov kak istoricheskiy istochnik. S. 163-166. Moskva. 1990.
- ³⁴ **Azərbaycan arxeologiyası.** Altı cildə. VI cild. s. 396. Bakı, "Şərqi Qərbi". 2008.
- ³⁵ **Nuriev A.B.** Remeslo Kavkazskoy Albanii. S. 205. Baku. 2009.
- ³⁶ **Zakirova I.A.** Kostoreznoe delo Bolgara // Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoy deyatel'nosti. S. 236. Moskva. 1988.
- ³⁷ **Nuriev A.B.** Remeslo Kavkazskoy Albanii. S. 207. Baku. 2009.
- ³⁸ **Zakirova I.A.** Kostoreznoe delo Bolgara // Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoy deyatel'nosti. S. 236. Moskva. 1988.

**«ИСКУССТВО РУСИ И ВОСТОК»:
НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ Л.И. РЕМПЕЛЯ
В АРХИВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА**

**“THE ART OF RUS AND THE EAST”: A L.I. REMPEL’S UNPUBLISHED MANUSCRIPT
IN THE ARCHIVES OF THE STATE MUSEUM OF ORIENT**

© 2013 г. О.С. Никулина
Москва, Россия

© 2013 O.S. Nikulina
Moscow, Russia

Л.И. Ремпель (1907–1993 гг.) – один из крупнейших русских искусствоведов и самых ярких исследователей памятников истории и искусства Центральной Азии, которому принадлежит ряд фундаментальных трудов по истории и теории искусства. Некоторые из них были написаны в соавторстве с Г.А. Пугаченковой, поэтому обоим авторам заслуженно считают основоположниками среднеазиатского искусствознания¹.

Л.И. Ремпель оставил огромное творческое наследие. К сожалению, многое осталось неопубликованным. Как пишет Б. Чухович, Лазарь Израилевич «с постоянной горечью в конце жизни замечал, что ему не удалось найти того ученика, кому можно было бы передать архив, рукописи ...»².

В настоящий момент мы имеем возможность опубликовать отрывки из рукописи Л.И. Ремпеля, которая хранится в архиве Государственного музея Востока в Москве³. Она была передана в музей В.Г. Долинской, также известным искусствоведом, а кроме того другом и коллегой Л.И. Ремпеля по работе в составе Узбекстанской Искусствоведческой экспедиции, вместе с рукописями ее собственных работ.

Рукопись представляет собой машинописный текст объемом 107 стр., который озаглавлен так: «Научный отчет Л.И. Ремпеля о поездке в Махачкалу и Тбилиси по теме своего исследования “Искусство Руси и Восток” (9-28 октября 1966 г.)». Кратко об этой поездке упомянуто в последней книге-воспоминаниях Л.И. Ремпеля «Мои современники»⁴.

Как ученого Лазаря Израилевича Ремпеля отличало не просто стремление описать, всесторонне рассмотреть и проанализировать памятники искусства, но и найти каждому памятнику свое место в искусстве, понять его художественную ценность. Его особенно интересовали вопросы взаимодействия культур, их взаимопроникновения, а также оценка влияния религии на искусство. Отсюда немалое внимание ученого к вопросу о роли Востока в историческом развитии русского искусства⁵. К сожалению, не были опубликованы монография Л.И. Ремпеля «Восточный примитив»⁶ и двухтомная, полно-

L.I. Rempel (1907-1993) is one of the greatest Russian art historians, one of the most prominent expert in Central Asian history and art monuments, author of a series of fundamental works on the history and theory of art. Some of them were written in co-authorship with G.A. Pugachenkova, so the both authors are deservedly regarded as founders of Central Asian art history¹.

L.I. Rempel left a huge creative heritage. Regretfully, much of what he wrote remained unpublished. B. Chukhovich writes that Lazar Izrailevich “with permanent bitterness at the end of his life noted that he had failed to find a pupil to whom he could pass his archive, manuscripts...”².

At present, we have the opportunity to publicize extracts from L.I. Rempel’s manuscript that is stored in the archive of the Moscow-based State Museum of Orient³. It was passed to the museum by V. G. Dolinskaya, who is also a prominent art historian and, besides, a friend and colleague of L.I. Rempel on his work in a team of the Uzbek Art History expedition. The manuscript was passed jointly with the manuscripts of her own works.

This is a 107-page printed manuscript titled “L.I. Rempel’s Scientific Report on his Tour to Makhachkala and Tbilisi Regarding the Topic of His Survey “The Art of Russia and East” (October 9-28, 1966)”. L.I. Rempel briefed about this tour in his last memoirs book titled “My Contemporaries”⁴.

As a scientist, Lazar Izrailevich Rempel was notable not only for his desire to describe, comprehensively examine and analyze monuments of art but also to identify every monument’s place in art, comprehend a monument’s artistic value. He was particularly interested in issues of interaction and interpenetration of cultures, as well as assessment of the religion’s influence on art. This caused the scientist’s great attention to the issue of the East’s role in the historical development of Russian art⁵. Regretfully, L.I. Rempel’s monograph titled “Eastern Primitive”⁶ and a two-volume, ready-to be publicized book titled “The Art of Russia and East”⁷ were not published. Possibly, the author supplied this

стью подготовленная к изданию книга «Искусство Руси и Восток»⁷. Возможно, в эту книгу автор включил и свой отчет о поездке 1966 г., которые мы публикуем ниже. Однако, как он сам написал в этом отчете, «для путевых заметок все важно, но в задуманной книге многого, о чем сейчас пишу, не будет. Там я должен буду дать позитивное освещение проблемы, по возможности логичное, последовательное...». В путевых же заметках автор мог позволить себе высказать и спорные предположения; к тому же, на наш взгляд, особую прелесть публикуемому ниже отчету о поездке придают именно те высказывания автора, которые можно было записать в путевом дневнике, но вряд ли было допустимо включить в строгое научное издание.

**Научный отчет Л.И. Ремпея
о поездке в Махачкалу и Тбилиси
по теме своего исследования
“Искусство Руси и Восток”
(9-28 октября 1966 г.)⁸.**

Вслед за поездкой по старо-русским городам, предпринятой в 1964 г., автор этих записей совершает вновь поездку из Ташкента по маршруту: Махачкала – Тбилиси – Баку. Нетрудно заметить, что названные пункты образуют полукруг, обращенный к Каспийскому морю, отделяющему Среднюю Азию и Кавказ. Ножка циркуля, описывающего этот полукруг, упирается примерно в «Железные ворота» (Дербент), как бы запиравшие проход из Восточной Европы в Азию. <...>

Истоки культуры древней Руси так или иначе, но связаны с Византией как хранительницей идей позднего эллинизма, перенесенных затем и на почву восточного славянства. Христианство принесло с собой на Русь своеобразный отсвет эллинизма, способствовало сплаву местных и греческих форм. Но подобные же сплавы местного и греческого искусства возникали на юге России и в дохристианские времена в искусстве скифском и сарматском.

Иранские элементы всегда уступали здесь греческим по масштабам своего влияния. Древний Восток, представленный у нас искусством Урарту и Закавказья эпохи бронзы и раннего железа, сыграл известную роль в развитии художественной металлургии на юге России, но в целом искусство северных окраин древнего Востока остается в рамках их собственной истории.

Другое дело Парфия. Парфянское искусство (III в. до н.э. – III в. н.э.) имело для позднейшего развития искусства Восточной Европы примерно такое же значение, как греко-бактрийское искусство (III–II вв. до н.э.) для всей Средней и Центральной Азии. И если влияние

book with his report about the 1966 tour that we publish below. However, the very author wrote in this report that “everything matters for travel notes; however, much of what I’m writing now will not be written in the book. There, I will have to positively highlight the issue, as much consistently as possible...” Note that in his travel notes the author could afford making disputable suggestions; in addition, in our opinion, attaching particular charm to the report on tour below are exactly the author’s statements that could be written in his travel diary but unlikely could be included in a strictly scientific work.

**L.I. Rempel’s scientific report
on his tour to Makhachkala and Tbilisi
regarding the topic of his survey “The Art of Rus
and the East” (October 9-28, 1966)⁸.**

Following his tour to old Russian towns in 1964, the author of these notes again made a trip from Tashkent on the route Makhachkala-Tbilisi-Baku. It is easily noticeable that points above form a semicircle that is turned towards the Caspian Sea and separates Central Asia from the Caucasus. The pencil-arm circumscribing this semicircle rests approx. against the “Iron Gates” (Derbent) that as if locked the passage from the Eastern Europe to Asia. <...>

The sources of ancient Russia’s culture are somehow linked with the Byzantine as a custodian of the late Hellenism concepts that were later shifted to the Eastern Slavic as well. Christianity brought to Russia a kind of gleam of Hellenism, contributed to an alloy of local and Greek forms. However, similar alloys of local and Greek arts had also emerged in the south of Russia in pre-Christian era’s Scythian and Sarmatian arts.

Here, Iranian elements always yielded to Greek ones, in terms of scales of their influence. The ancient Orient that in our country is represented by the art of Urartu and Transcaucasia of the Bronze and Early Iron Age played a known role in the development of artistic metallurgy in the south of Russia; however, the art of ancient Orient’s northern outskirts remains within the framework of its own history.

Another thing is Parthia. The Parthian art (the 3rd century BC-the 3rd century AD) was as important for a later development of the Eastern European art as the Greek-Bactrian art (the 3rd-2nd centuries BC) for the whole Central Asia was. While the influence of the Parthian art on the art of late antique and early medieval Central Asia now, after the STAE carried on its work, seem to be indisputable, the same issue regarding the Caucasus and ancient Russia still needs to be considered.

парфянского искусства на искусство Средней Азии эпохи поздней античности и раннего средневековья сейчас, после работ ЮТАКЭ, уже неоспоримо, то для Кавказа и древней Руси проблема эта еще ждет своего рассмотрения.

Влияние парфянского искусства на восточно-христианское проявляется прежде всего в том иератизме образов, который принято приписывать целиком религии Христа. Однако иератизм этот возник в искусстве Парфии еще в дохристианские времена. <...>

Парфянское искусство дало восточному эллинизму собственное выражение. Эпоха раннего средневековья утвердила новые формы искусства. Реакция против греко-римских форм была на Востоке особенно ошутима в сасанидском Иране. Не столь резка была она на периферии иранского мира в Центральной Азии и на Кавказе, где между местным античным искусством и искусством раннего средневековья сохранялась преемственность. Наряду с распадом старого античного общества и его культуры на развалинах Восточно-римской империи шел поступательный процесс формирования нового феодального общества, могучим духовным оружием которого стало христианство. Оно диктовало искусству не только содержание, но и эстетический идеал, недоказанный жизнью византийского общества. Иератизм образов христианского искусства был выражением силы, а не слабости нового учения. Оно выдвинуло этическую, нравственную задачу воспитания личности, сделав решение этой задачи мерилем ценности искусства.

Искусство Парфии не ставило себе этой задачи, но оно приблизило ее решение тем, что, заимствуя иконографию греко-римского искусства, разрушило фундамент его эстетики – присущий ему эстетический идеал и чувство формы. Сасанидская и византийская империи продолжали соперничество Парфии и Рима в новых условиях и формах. Ареал влияния сасанидского искусства был шире ареала искусства Парфии. В сасанидское время иранские элементы проникли в глубь азиатского материка, в Восточную и Западную Европу, куда не достигало влияние парфянского, хотя владения шахиншахов вообще не простирались дальше Дербента в Дагестане, берегов Аму-Дарьи в Средней Азии и Малой Азии. Распространение произведений сасанидского искусства и подражание им вызывалось многими причинами. Тому способствовал, между прочим, и высокий уровень развития тех стран, для которых эти произведения могли представлять определенный материальный и художественный интерес.

В середине 1-го тысячелетия н.э. в Согде, Хорезме, Армении, Грузии, Кавказской Албании сложились свои

Parthian art's influence on the Eastern Christian one is displayed primarily through the hieratism of images that is ascribable wholly to the religion of the Christ. However, this hieratism emerged in the Parthian art yet in pre-Christian era. <...>

The Parthian art gave the eastern Hellenism its own expression. The early medieval period saw the affirmation of new forms of art. In the East, reaction against Greek-Roman forms was especially strong in the Sasanid Iran. It was not so strong in the periphery of Iranian world in Central Asia and in the Caucasus where succession between local antique art and early medieval art was conserved. Along with the breakdown of the old antique society and its culture, the ruins of Eastern Roman Empire saw the progressive formation of a new feudal society, with Christianity as its powerful spiritual weapon. Christianity dictated to the art not only the content but also an aesthetic ideal unproven by the life of the Byzantine society. The hieratism of Christian art images was an expression of strength, not weakness of the new teaching. It set an aesthetic, moral task of upbringing a personality, suggested that the decision of this task was a criterion of the value of art.

The art of Parthia did not set this task but brought its solution nearer through borrowing the iconography of the Greek-Roman art and thus breaking the fundament of its aestheticism - aesthetic ideal and the sense of form attributable to it. The Sasanid and Roman Empires continued the rivalry between Parthia and Rome in new conditions and forms. The area of spread of the Sasanid art was wider than that of the Parthian art. In the Sasanid era, Iranian elements penetrated the Asian continent, the Eastern and the Western Europe where Parthia had not established its influence, though the estates of Shahinshahs did not spread beyond Derbent in Dagestan, the shores of River Amu Darya in Central Asia, and Minor Asia. The spread and imitation of Sasanid artworks was caused by lots of reasons. One of the reasons was a high level of development of those countries, for which these works could represent a certain material and artistic interest.

It should be noted that Sogd, Khorezm, Armenia, Georgia and the Caucasian Albania saw the establishment of their respective schools of medieval art in the middle of the 1st millennium AD. They all, from the Balkans to the Pamirs, were influenced by the late antique Orient art handed down first by the Parthian art and then by the Sasanid one. They were based on their own subjects, as well as on motives spotted from the works of Middle East and Byzantine (including Syria

школы средневекового искусства. Все они, от Балкан и до Памира, испытали на себе влияние искусства позднеантичного Востока, переданного парфянским, а затем и сасанидским искусством. Они опирались на собственные сюжеты, но также и на мотивы, подсмотренные ими в произведениях Среднего Востока и Византии (а с нею – Сирии и коптского Египта). Все эти области воспринимали из художественного наследия античности черты, выработанные еще искусством парфян, перелицовывали их то на маздеистский, то на христианский лад, переплавляли применительно к своей собственной среде, социальной, этнической, духовной.

На протяжении X–XII вв. протекал последний акт перелицовки сасанидского и византийского наследия. Она совпала во времени с формированием и расцветом на Руси собственно русского искусства (сбросившего опеку Византии), а на Востоке, особенно в кругу арабских народов, а затем и всего Ближнего Востока (до Пиренеев), искусства мусульманского.

Поскольку арабский халифат еще в X веке распался, «искусство ислама», лишённое единой государственной почвы, развивалось дальше в русле отдельных ремесленных центров и школ. Они то совпадали с владениями династов, то, ввиду шаткости этих государств, группировались по схожим условиям торговли и производства.

Пояс сейсмических толчков и смещений пластов искусства, разломов и сдвигов культуры, вызванных неравномерностью развития отдельных областей Востока и Запада, пересекает неровной полосой, в конце античности и начале средних веков, Среднюю Азию, Кавказ, Крым и Балканы.

Мне хотелось бы уяснить, что в этой зоне принадлежит в искусстве усилиям каждого народа, что создано было сообща и что переносилось (и почему) с места на место. Парфянское, сасанидское, восточно-христианское и мусульманское искусство – все они созданы были многими народами сообща. Все они, каждый в отдельности, ничто иное как многонациональные стили поздней античности и раннего средневековья. Стиль искусства я понимаю как общность, возникшую в искусстве по сходству в формах выражения идеалов эпохи. При этом я не вижу нужды повторять каждый раз, когда речь пойдет о связях и влияниях (или взаимовлияниях), что фундамент здания каждой устойчивой художественной культуры лежит на скальном грунте или материке, а не на рыхлой насыпи невесть откуда взявшихся обломков чужих культур. Но строительный материал не всегда лежит под ногами. В соответствии с замыслом зодчего его обрабатывают вблизи или подвозят издалека. Где и как шла обработка материалов, из которых складывались

and Coptic Egypt). All these regions perceived from the antique artistic heritage traits that had been developed yet by the Parthian art, remade them in a Mazdaist or a Christian way, and applied them in accordance with their own social, ethnical and spiritual milieu.

The last act of turning of the Sasanid and Byzantine heritage occurred in the 10th-12th centuries. In Russia, this period coincided with the formation and prosperity of Russian own art that had rid of Byzantine's custody, at a time when the Moslem art was spread over the Orient, especially among Arab nations, and then across the whole Near East up to the Pyrenees.

As far as the Arab Caliphate broke down yet in the 10th century, "the art of Islam", deprived of common state ground, continued to develop in the form of separate handicraft centers and schools. They either existed within the dynastic estates or, due to the unsteadiness of these states, were grouped according to similar conditions of trade and handicrafts.

The belt of seismic tremors and shifts of layers of art, breaks and displacements of culture caused by unevenness of development of separate regions of the East and West crosses Central Asia, the Caucasus, the Crimea, and the Balkans by uneven strip at the end of antique era and early medieval period.

I'd like to find out what of this area's art belongs to the efforts of a separate nation, what was created jointly, and what was shifted (and why) from place to place. The Parthian, Sasanid, Eastern Christian and Moslem arts were all created jointly by many nations. They all, each one taken separately, are nothing but multinational styles of the late antique and early medieval period. I comprehend the style of art as a community that emerged due to common artistic expressions of an epoch's ideals. Thus, I don't consider it necessary to repeat every time when the point is about ties and influences (or mutual influences) that the fundament of building of every steady artistic culture is laid on the rocky ground or mainland but not on a friable embankment of breaks of strange cultures that come from heaven knows where. However, the building material is not always under feet. In accordance with an architect's thought, it is processed nearby or brought from far away. Where and how materials that created artistic cultures and styles of art of Central Asia and the Caucasus were processed, and what their relation to the art of Near and Middle East, North Caucasus, Southern Russia and the Balkans is constitute a circle of questions the author inevitably faces with on his way.

I'm presenting a report about my trip in the form of a diary with special emphasis on the subject of study, as

художественные культуры и стили искусства Средней Азии и Кавказа, в каком они находятся отношении к искусству Ближнего и Среднего Востока, Северного Кавказа, Юга России и Балкан – таков тот круг вопросов, которые встают перед автором неотступно на предстоящем ему пути.

Отчет о поездке представляется мной в форме дневника, фиксирующего предмет изучения, но также беглые мысли и наблюдения, живой след которых обычно стирается безрезультатно.

9 октября [1966 г.]

Из бывшего Согда (над древними землями которого я пишу эти строки) самолет пронесит нас, оставляя слева в дымке истории Греко-Бактрию, справа древний Хорезм, к границам Восточной Парфии (или хронологически, в другом пласте, империи сасанидов). Где-то внизу остается мятежная Маргиана, куда пытался скрыться бежавший на восточные окраины своей империи последний из сасанидов – Йездигерд III.

Посадка в Ашхабаде. Здесь самолет приведут в пристойный вид, прежде чем он взлетит над священным некрополем парфянских царей, погребенных в Старой Нисе, и, пронесясь над Каспием, опустится среди священных огней Атропатены, в Баку.

Ведущий эти записи, пересев на самолет другой трассы, возьмет курс на север, минует пограничную крепость сасанидов Дербент и опустится в Махачкале, столице Дагестана.

Удивительно, как современность хранит следы рубежей прошлого. Дагестан – вот где настоящая граница между древней Русью и Востоком. За Дагестаном, на юг, лежат республики Закавказья. Они тесно связаны с Восточной Европой многими узами, но все же Закавказье – Восток и, определенно, Восток.

Вынужденная ночевка в Баку и невольное уединение в плохонькой гостинице на территории старого, ныне уже заброшенного аэропорта (новый сверкает огнями невдалеке) позволяет мне поразмыслить над северо-кавказским узлом культурно-исторических связей. Узел этот запутан до предела. Главное и второстепенное, большое и малое, общее и частное смешалось и переплелось.

Данные археологии шатки и противоречивы. Но они помогают выделить, прежде всего, древнейший, собственно кавказский пласт, уходящий в эпоху бронзы, культуру племен доисторического Кавказа и скифо-сарматскую. Над сарматским пластом лежит аланский, над ним ряд тюркизирующих его пластов позднеаланского времени. Отдельно надо рассмотреть отношение тюркизированных уже алан к другим тюркам. Затем

well as my views and observations, a vivid trace of which is usually wiped off in vain.

October 9, [1966]

From the former Sogd (I'm writing these lines over its ancient lands) a plane brings us, by leaving Greece-Bactria in the fume of history from the left and ancient Khorezm from the right, towards the boundaries of Eastern Parthia (or chronologically, in another layer, the Sasanid Empire). Somewhere below there remains a rebellious Margiana where the last Sasanid ruler - Yezdigerd the III - tried to hide after he fled to the eastern outskirts of his empire.

We're landing in Ashgabad. Here the plane will be attached a proper form before it would fly over the sacred necropolis of Parthian kings buried in the Old Nisa and, having crossed the Caspian, land amongst the sacred fires of Atropathena in Baku.

He who is writing these notes will take another plane flying to the north, pass the Sasanids' frontier fortress Derbent, and land in Makhachkala, the capital of Dagestan.

These days keep traces of the past in an astonishing way. Dagestan is a genuine boundary between old Russia and the East. The Transcaucasian Republics are located southwards, behind Dagestan. They are closely linked with the Eastern Europe; nevertheless, the Transcaucasia is definitely the East.

As I was forced to spend the night in Baku and stay alone in a bad hotel in the territory of an old, now desolate airport (a new one is glaring nearby), I could think over the North Caucasian knot of cultural-historical ties. This knot is tangled up to the limit. The matter of paramount importance and the matter of second importance, the major and the minor, common and particular - everything has been mixed and tangled.

The archeological data are unsteady, controversial. However, they help single out, first of all, the most ancient Caucasian own layer dating back to the Bronze Age, the culture of tribes of pre-historical Caucasus and Scythian-Sarmatian culture. Over the Sarmatian layer there is the Alan one, over which there are series of it-Turkicizing layers of the late Alan period. The relation of already-Turkicized Alans to other Turks requires a separate consideration. Then there should be examined their relation to Christian countries (Byzantine, Armenia, Georgia, and Russia) and Moslem countries (the Arab East, Iran, and Central Asia). It will become possible "to untangle" the knot by having identified each specific thread.

– к христианским (Византия, Армения, Грузия, Русь) и мусульманским странам (арабский Восток, Иран, Средняя Азия). Разобрав, где какая нить, можно будет «развязать» и узел.

<Далее автор рассматривает памятники позднеаланской культуры, которые> рисуют картину, пеструю во всех отношениях. Тому немало способствовало смешение в этой среде христианских и языческих черт. Катакомбным захоронениям сопутствуют погребения в каменных ящиках, гробницах и склепах. Традиционные формы вещей приходят в столкновение то с одним, то с другим типом изделий, не получавших однако полного господства. Вместе с тем позднеаланская культура X–XII вв., представленная такими памятниками как Змейский катакомбный могильник, рисует нам Аланию очень активным звеном в цепи культур, соединявших древнюю Русь с Кавказом и Ближним Востоком. <...>

Весь комплекс художественных изделий из Змейского могильника, убранство на саблях и на сбруе (бляха от сбруи, фрагмент кожаной попоны, золотая пластинка, медальоны, кожаная сумочка, кусок шелковой ткани с арабской надписью, печатная подвеска с начертанием куфических букв) обращен одним острием к Венгрии (с ее знаменитыми конскими сбруями и саблями VIII–XII вв.), другим в сторону Самарры–Термеза–Самарканда X–XII вв. Столь же очевидно участие здесь элементов византийских и древнерусских (золотая пластинка и медальоны). Приведу по этому поводу обширную выписку из статьи В.А. Кузнецова о позднеаланской культуре Северного Кавказа, хорошо аргументированную, интересную, укладывающуюся целиком в русло интересующей меня проблемы.

«Стеклянные сосуды из Закавказья и Сирии, некоторые ткани из Ирана, мусульманские куфические надписи на ткани и печатка с мусульманским личным именем и вероятным окончанием – “Заде” рисуют перед нами картину культурно-экономических связей с Югом и Востоком. Эти связи, установившиеся в предшествующий период в позднеаланское время, не ослабли и продолжали развиваться».

<Далее Л.И. Ремпель продолжает приводить «обширную выписку из статьи В.А. Кузнецова», касающуюся «вопроса о связях северо-кавказских алан с Киевской Русью».>

В X–XIII вв. всю западную Аланию покрывает сеть христианских памятников, включая большое число крупных трехабсидных храмов византийского образца. Все это было важным звеном в общей цепи событий X века, связанных с усилением византийского влияния на Кавказе, в Крыму и на Руси (где в 988 г. происходит крещение

<Further the author considers late Alan culture> monuments that give a generally motley picture. To a significant extent, this is because of mixture of Christian and pagan traits in this milieu. Catacomb graves are accompanied by stone-box graves, tombs, and burial vaults. Traditional forms of things collide with now one now another type of items that, however, did not become fully dominant. At the same time, the late Alan culture of the 10th-12th centuries represented by monuments such as, for instance, the Zmeisk catacomb mound, shows us Alania as a very active element of a chain of cultures that linked ancient Russia with the Caucasus and Near East. <...>

The whole set of artistic items from the Zmeisk burial mound - the decoration at sabers and at harness (harness's pendant, a fragment of leather horse cloth, a gold plate, medallions, a leather bag, a piece of silk cloth with an Arab inscription, and a signet pendant depicting Kufic letters) - has one of its points turned towards Hungary (with its famous horse harnesses and sabers of the 8-12th centuries) and the other one - towards Samarra-Termez-Samarqand of the 10-12th centuries. Here, the presence of Byzantine and old Russian elements - a gold plate and medallions - is to the same extent evident. On this occasion, I'd like to cite a broad extract from a V. A. Kuznetsov's article regarding the late Alan culture of North Caucasus. It is a well substantiated, interesting article that is quite in line with the issue I'm interested in.

“The glassware from the Transcaucasia and Syria, some cloths from Iran, Moslem Kufic inscriptions on cloth and a pendant with a Moslem personal name with a probable ending “Zadeh” give us a picture of cultural-economic links with the South and East. These links, after having been created in the preceding period in the late Alan era, did not become weaker, went on developing.”

<Further L. I. Rempel continues to cite “a broad extract from a V.A. Kuznetsov's article regarding “the issue of North Caucasian Alans' links with the Kievan Russia”.>

In the 10th-12th centuries, the whole Western Alania was covered by a network of Christian monuments, including a great number of large Byzantine-style three-apsed temples. All this constituted an important element of the general chain of events of the 10th century that saw the strengthening of the Byzantine's influence on the Caucasus, Crimea and Russia (the latter was christened in 988) and the weakening of the Arab Caliphate that gave up its positions under pressure from local liberation movements in Central Asia and the Caucasus. Byzantine was spreading its influence through Abkhazia and

Руси) и ослаблением Арабского Халифата, сдававшего свои позиции под натиском местных освободительных движений в Средней Азии и на Кавказе. Византийское влияние шло через Абхазию и Армению, роль которой очень возросла. Восточная Алания находится, в ту же пору, под влиянием христианизированной Грузии.

По этим каналам и шли, видимо, с юга на север культура и искусство не только христианского Востока, но и стран арабского Халифата. Художественные изделия мусульманского Востока, имевшие бытовое назначение, могли проникать и в ту среду, где господствовала христианская церковь, византийское богослужение и где проявлялось активное влияние грузинской и армянской культуры.

Мне кажется, что некоторые явления в искусстве Алании нельзя объяснить целиком из местного материала. Я имею в виду процессы, которые протекали вне Алании и результаты которых приписываются аланам без должных оснований, хотя эти процессы и оставили здесь свои следы. Надо учесть не только сармато-аланский мир, но и те процессы, которые лежат еще в гунно-аварском мире и которые отразились позже в среде хазар и болгар. <...>

Весь этот экскурс в Северную Осетию, на Кубань и дальше вглубь территории Салтово-маяцкой культуры подводит нас к стыкам культур Северного Кавказа и древней Руси. Восточно-славянские племена, известные византийским писателям под названием анты, занимали обширную территорию западнее алан (от Северного Донца и до Карпат на границах лесостепной и лесной зон). Вынеся удары готов в Сев. Причерноморье (IV в.), они освоили Балканы (VI в.), а их место на юге России заняла Киевская Русь.

В X–XIII вв. усиливаются связи Сев. Кавказа с Русью и ослабевают со странами арабского халифата. Сыграло свою роль и освободительное движение народов Кавказа против халифата и образование русских княжеств, в роли форпостов восточно-славянского мира в Тмутаракани (Тамань) и на Дону (Белая Вежа). Юго-восточная окраина русских земель в домонгольское время лежала в верховьях Северного Донца, Оскола и Дона. Городище Донец близ Харькова было построено славянами в VIII–IX вв. Отдельные славянские поселения доходили в конце IX в. до среднего и даже нижнего Дона.

Здесь в VIII–X вв. протекали драматические события борьбы молодого еще Киевского государства с Хазарским каганатом. Основными компонентами искусства Приазовской Руси были, видимо, восточно-славянский, аланский и хазарский. Совершенно понятно, что княжество, сложившееся в этнически-смешанной среде

Armenia (the latter's role had increased considerably). At this period, the Eastern Alania remained under the influence of the christened Georgia.

Probably, the culture and art of not only the Christian East but also countries of the Arab Caliphate spread south-northwards through the same channels. Moslem Orient's artistic items of everyday use could also penetrate a milieu where the Christian Church and the Byzantine divine service ruled and where the strong influence of the Georgian and Armenian cultures was displayed.

It seems to me that some phenomena in the Alania art cannot be explained fully on the basis proceeding wholly from local material. I mean processes, which took place beyond Alania and the results of which are inappropriately ascribed to the Alanians, though these processes left their traces there. Not only the Sarmatian-Alania world but also processes that occurred in the Gunn-Avars world and later on affected the milieu of Khazars and Bulgarians need to be kept in mind. <...>

This excursus to North Ossetia, Kuban and further deep into the territory of Saltovo-Mayatsk culture leads us to the junctions of cultures of North Caucasus and ancient Russia. Eastern Slavic tribes known by Byzantine writers as Ants inhabited a vast territory west of the Alan area (from the North Donets to the Carpathians at the borders of the forest-steppe zone and forest zone). Having withstood the strike of Goths (the 4th century), they explored the Balkans (the 6th century) and were substituted in the south of Russia for the Kievan Russia.

In the 10th-12th centuries, the North Caucasus strengthened links with Russia and weakened ties with countries of the Arab Caliphate. Contributing to this were also the liberation movement of Caucasian nations against the Caliphate and the establishment of Russian princedoms as outposts of the Eastern Slavic world in Tmutarakan (Taman) and Don (Belaya Vezha). In the pre-Mongol era, the southeastern outskirts of Russian lands were located within the boundaries of upper reaches of North Donets, Oskol, and Don. The ancient settlement Donets near Kharkov was built by the Slavs in the 8th-9th centuries. At the end of the 9th century, separate Slavic settlements reached the middle or even the lower Don.

Dramatic events of the then young Kievan State's struggle with the Khazar Kaganate occurred here in the 8th-9th centuries. The Eastern Slavic, Alanian and Khazar elements seem to have been the key components of Azov Russia's art. Obviously, a princedom established within an ethnically mixed milieu of the Ants and Sarmatians,

антов и сарматов, в окружении населения Западного Кавказа, со своей своеобразной культурой, пишет А.П. Смирнов, должно было носить отпечаток этой среды, точно так же, как и культура русского населения Владимир-Суздальского княжества носит явные отпечатки культуры финно-угрской среды (А.П. Смирнов, К вопросу об истоках Приазовской Руси, СА, 2, 1958, стр. 279). <...> Единой Хазарской «культурно-этнической среды», кажется, вообще не было, как не было, скажем, позже, единой «культуры Золотой орды». Хазарское государство представляло собой, кажется, чисто военную организацию кочевников, закрепившиеся между Волгой и Доном. К сожалению, бесспорные памятники собственно-хазарской культуры неизвестны.

<Далее автор проводит разбор материалов из крепости Саркел.> Гончарное дело стояло в хазарском Саркеле на уровне керамики оседлых поселений алан и керамики оседлых поселений той же эпохи на границах с кочевой степью – на юге Казахстана. Косторезное искусство Саркела рисуют нам скульптурные головки животных в виде ящера или птицы с рядами кружочков или плетеные вдоль тулова. Они напоминают известные костяные поделки и русских, и древне-тюркских мастеров. Это сходство не ограничивается формой, подсказанной материалом (обработка головки стержня и ритмичная разделка его округлых поверхностей или граней), она заключена в самих образах. А они восходят к общему их истоку – скифскому звериному стилю в его восточных вариантах, по преимуществу. <...>

Среди железных и бронзовых вещей Саркела особенно много вещей, которые представлены мусульманскими, преимущественно среднеазиатскими и византийскими (херсонесского чекана) монетами, разнообразными керамическими изделиями, в частности поливной посудой иранского, среднеазиатского, кавказского и крымско-византийского происхождения. <...>

Таким образом, древне-кавказский компонент в искусстве средневековой Алании и пограничных с Русью областей салтово-маяцкой культуры Дона кажется мне очевидным. <...> Так звено за звеном, начав с Северо-Кавказского узла связей, я добираюсь мысленно к самым рубежам Киевской державы.

Но кажется мне пора вернуться, что называется «к действительности». Трап подан и современный город Махачкала, зажатый с одной стороны морем, с другой крутизнами отрогов Кавказского хребта, встречает приезжих деловым шумом своих улиц.

10 октября [1966 г.]

Первое знакомство с коллективом ученых Инсти-

surrounded by the West Caucasian inhabitants with their peculiar culture, as A. P. Smirnov writes, should have borne the traces of this milieu, like the culture of Russian population of the Vladimir-Suzdal principedom bearing apparent traces of the culture of Finn-Ungur milieu (A.P. Smirnov: About the Issue of Sources of the Azov Russia, СА, 2, 1958, p. 279). <...> It seems that no common Khazar “cultural-ethnic milieu” existed at all and so did, say, common “Golden Horde culture” at a later period. It appears that the Khazar State represented a purely military organization of nomads between the Volga and the Don. Regretfully, no indisputable monuments of the proper Khazar culture are known.

<Further the author considers materials from the fortress Sarkel.> In Khazar Sarkel, the pottery comprised the pottery works of Alans’ sedentary settlements and pottery works of the same era settlements located at boundaries with the nomadic steppe in the south of Kazakhstan. Sarkel’s bone-carving acquaints us with the sculpted heads of pangolin-shaped animals or a bird with rows of small circles or a woven item around the body. They resemble well-known handmade bone articles of Russian and ancient Turkic masters. This resemblance is not only the form prompted by the material (processing the head of a rod and rhythmical partition of its rounded surfaces or facets): it concerns the very images. The latter ascend to their common root: the Scythian animal style, advantageously, its Oriental variants.<...>

Sarkel’s ironware and bronze items include particularly many things represented in the form of Moslem, advantageously Central Asian and Byzantine (Herson-minted) coins, and various pottery works, particularly, glazed utensils of Iranian, Central Asian, Caucasian and Crimean-Byzantine origin.<...>

Thus, the presence of ancient Caucasian component in the art of medieval Alania and Russia-bordering regions of the Don Saltovo-Mayatsk culture seems evident to me.<...> Link by link, starting from the North Caucasian knot of links, I’m mentally approaching the very boundaries of the Kievan power.

However, it seems to me that it is time to return “to reality”. The ramp is sent up, so the modern town Makhachkala, clutched by sea on one side and by steep slopes of the Caucasian ridge on the other side, welcomes those arriving by busy noise of its streets.

October 10, 1966

First acquaintance with a team of researchers from the Institute of History, Language and Literature of Dagestan, with the Archeology and Art Department as

тута истории, языка и литературы Дагестана, в составе которого имеется сектор археологии и искусства, открыло обещающие перспективы контактов. Директор Института Даниялов и ученый секретарь Института Амри Рзаевич Шихсаидов (специалист по мусульманской эпиграфике, ученик А.Ю. Якубовского) люди доброжелательные. <...>

В самой Махачкале выросли интересные исследователи. Это прежде всего Дебиров Парук Муртазаевич (окончил в Тбилиси Академию художеств у Майсурадзе), подготовил издание резного стука Дагестана (три памятника домонгольской эпохи), а также резьбу по дереву и глине. <...> Парук Муртазаевич отличный рисовальщик, и его прорисовки сами по себе ценнейшее достояние сектора. Затем познакомился с Дебиром Атаевым, автором статьи «Петрографика горной Аварии» (Ученые записки того же Института, т. IV, Махачкала, 1965) и особенно ценной книги «Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии)», Махачкала, 1963 г. (штудировал ее поздно вечером). Этот исследователь – археолог, хорошо ориентирующийся в материалах по археологии раннего средневековья не только Кавказа, но и Восточной Европы, той же формации, что и Альфред Хасанович Халиков в Казани. Моим проводником по фондам Института оказался молодой археолог Мисрихан Мамаевич Мамаев, сам кубачинец, специализирующийся по средневековому ремеслу; он показал мне свои прорисовки кубачинских рельефов и предложил совместную поездку в Кубачи весной будущего года.

Из осмотра археологических фондов сектора я вынес впечатление, что поздне-сарматские элементы на севере Дагестана, как и на Сев. Кавказе, конечно, продолжают культуру сарматских племен Средней Азии (к числу которых, может быть, следует отнести и усуней, отчасти – культуры типа Каунчи); все это позднеантичное степное, полуседелое архаизирующее, шаманизирующее, отчасти бытовое искусство – не имеет строго локального выражения. С другой стороны, мне дали сфотографировать сосуд из Урцекского (VI–VII вв.) городища (раскопки Котовича В.Г. 1962 г.), на котором налепом изображены очень стилизованное древо жизни и олень. Само древо напоминает аркатуры на серебряных кувшинчиках той же эпохи. Здесь какая-то переключка столба, колонны, древа, арки. На сосуде ветви древа переходят в мотив спаренных (как рога) спиралей. Вообще, кажется, нигде символика образов не достигает такого высоко поэтического выражения как у горцев (Кавказа больше нежели Памира). А вот сосуд, политый ангобом, с ручкой в виде животного из могильника албано-сарматского времени

its part, created promising contacts. Institute's Director Daniyalov and Scientific Secretary Amri Rzaevich Shihsaidov, a specialist of Moslem epigraphy and a pupil of A. Y. Yakybovskiy, are well-wishing people.<...>

It should be noted that interesting researchers grew up in Makhachkala itself. They are primarily Debиров Paruk Murtazayevich, who graduated from the Tbilisi Academy of Art as a pupil of Maysuradze, drafted a book about Dagestan's fretwork (three pre-Mongol-era monuments), as well as woodcarving and clay-carving.<...> Paruk Murtazayevich is an excellent painter; his paintings themselves are the most valuable asset of the Department. Then I familiarized with Debir Atayev, the author of an article titled "Petrography of Mountainous Avaria" (scientific notes of the same Institute, vol. IV, Makhachkala, 1965) and especially valuable book titled "Mountainous Dagestan in the Early Medieval Period (based upon the excavated materials of Avaria)", Makhachkala, 1963 (I studied it late in the evening). This researcher is an archeologist with a good knowledge of early medieval archeological materials of not only the Caucasus but also the Eastern Europe, and is of the same formation with Alfred Hasanovich Khalikov in Kazan. My conductor in the Institute was young archeologist Misri Khan Mamayevich Mamayev, a native of Kubachi who is specialized in medieval handicrafts; he showed me his drawings of the Kubachi relief, suggested visiting jointly Kubachi in spring of the next year.

Having examined the Department's archeological assets, I concluded that late Sarmatian elements in the north of Dagestan, like that in the North Caucasus, certainly are the continuation of the culture of Central Asia Sarmatian tribes (one of them, probably, is the Usuney tribe and, partly, the culture of the Kaunchi type); all this late antique steppe, semi-sedentary, archaic, shamanist, to extent everyday art has no strict local expression. On the other hand, I was let take a photograph of a vessel from the site of the Urtsek (the 6th-7th centuries) settlement (excavated by V. G. Kotovich); the vessel represents modeling of a very stylized tree of life and a deer. The tree itself resembles arcatures of the same-era small silver jugs. It is a certain combination of a post, a column, a tree, and an arch. On the vessel, the tree's branches are depicted as paired (like horns) spirals. In all, it seems that the symbolism of images depicted by highlanders (those of the Caucasus rather than of the Pamirs) reaches as high poetical expression as nowhere else. In turn, an engobe-glazed vessel with a handle in the form of an animal from the Albanian-Sarmatian mound (the 2nd-the 3rd centuries) from the site of the

(II–III вв.), при том же городище, это сродни нашему Каунчи.

Вечером отдал дань гостеприимству у Шихсаидова Амри Рзаевича. Обсуждался спор между Крупновым и Абаевым, разгоревшийся на только что закончившемся в г. Орджоникидзе совещании по этногенезу осетин. Спор этот крайне волнует и дагестанцев. Кто же осетины – сармато-аланы или кавказцы, т.е. иранцы или коренной субстрат? Не вторгаясь в спор, я хотел бы отметить (для себя), что не только этническая пестрота мешает решению этой проблемы, но и то, что постоянная фильтрация степных и земледельческих культур (скотоводческое население – кочевое в степи и в горах, земледельческое – то в горах, то в орошаемых предгорьях) смешивало все уклады. Самые устойчивые формы жизни – в замкнутых общинах горцев; они-то и дают, в отличие от алано-осетин, основную типологию всех пластов развития кавказского субстрата, включая попятные движения – от художественного мышления обратно к шаманизму, магии, детскому рисунку, но при всем том это не архаика, а архаизирующие моменты, на которые попытаюсь обратить специальное внимание, и они подобно шаманским рисункам доносят иногда и высокие, утратившие былой смысл сюжеты и образы (сравни Хурмусту = Ормузд).

11-го октября [1966 г.]

Очень был напряженный день. С утра у Дебирова просматривал материалы, отобрал для фотографирования рисунки деревянных ларей. В мотивах их резного убранства узнаю элементы декора наших оссуариев, например аркады (присущие и серебру VI–VIII вв.). Затем отправились с Дебировым в Исторический музей. <...> Во второй половине дня вновь в Институте, где при содействии Мамаева снял оригинальную каменную бабу золото-ордынского времени, высеченную, быть может, как допускает Дебиров, из каменного креста, и другой камень вроде кайрака с архаизирующим сюжетом типа петроглифов. Снял я также репродукции с альбома каменных рельефов (кубачинских), находящихся в Эрмитаже. Это великолепнейшие вещи, издать которые следовало не так, как это сделано Башкировым или Орбели, а на уровне изданий «Восточного серебра» Я.И. Смирнова.

Утопая в потоке материалов, задаюсь все же мыслью: почему каменные рельефы сасанидского, так сказать, стиля всплывают в Дагестане только 4-5 веков спустя после гибели Сасанидов и завоевания Дагестана арабами. Волна антиарабских восстаний падает на VIII–IX вв. Походы русов на Каспийское побережье Кавказа и

same ancient settlement is similar to our Kaunchi vessel.

In the evening, I paid tribute to hospitality while visiting Shihsaidov Amri Rzaevich. There was discussed a dispute between Krupnov and Abayev that flared up at a meeting on Ossetians' ethnical genesis that had just finished in town Ordzhonikidze. Dagestan residents are extremely concerned over this dispute as well. Who are the indigenous substratum: Ossetians - Sarmatians-Alans or Caucasians, i.e. Iranians? Not interfering with the dispute, I had to notice (for myself) that resolution of this problem was prevented by not only ethnical diversity but also the fact that permanent filtration of steppe and agrarian cultures (cattle-raising nomadic population inhabited steppes and mountains, agrarian population inhabited now mountains now irrigated foothills) mixed all the strata. The steadiest forms of life are within the close communes of highlanders; unlike Alans-Ossetians, they provide the main typology of all strata of development of the Caucasian substratum, including understandable movement from the artistic thinking back to shamanism, magic, a child's drawing; however, this all represents not archaism but archaizing moments that I'll try to accentuate, as they, like shaman drawings, sometimes hand down the subjects and images that have lost their past sense (let's compare Hurmustu to Ormuzd).

October 11, 1966

It was a very hard day. In the morning, on my visit to Debirov, I looked through materials, selected drawings of wooden chests to take photographs. In the motifs of their wood-carved decorations I find elements of decor of our ossuaries, for instance, arcades (also attributable to silverware of the 6th-8th centuries). Then Debirov and I went to the Institute of History. <...> While at the Institute in the afternoon and assisted by Mamayev, I took a photograph of a peculiar Golden Horde-era stone image carved, as Debirov assumes, from a stone cross, and of another stone resembling kayrak with an archaizing subject like a petroglyph. Also, I took photographs of reproductions from the album of Kubachi stone reliefs stored in the Hermitage. They are excellent things that should be published not in the way Bashkirov or Orbeli did but like the edition of Y. I. Smirnov titled "Oriental Silver"

Absorbed in the sea of materials, I, nevertheless, ask a question: why do the stone reliefs of, say, Sasanid style appear in Dagestan only 4-5 centuries after the Sasanids were killed and Dagestan was invaded by the Arabs? A wave of anti-Arab revolts covers the 8th-9th centuries.

Закавказье в 880, 909–910, 944–945 гг., исламизация Дагестана с X (по XV в.), принятие жителями Кумуха ислама приходится на конец XI в. И тут, уже с использованием мусульманской эпиграфики, такая вспышка скульптурной пластики на камне! Часть дагестанцев-горцев подпадает в конце XII в. под эгиду христианской церкви (царица Тамара), которой тоже чужда эта пластика. <...> Поразительно, что расцвет дагестанской каменной пластики в XII веке падает на время потери Кавказской Албанией своей былой самостоятельности и подчинения соседям. Люди ушли в горы, полагает И.А. Орбели, это привело к замедлению хода общественного развития консервации старых форм искусства. «В числе этих ушедших в горы албанцев ... были и предки нынешних кубачинцев»; в них Орбели видел «наличие здесь какой-то зороастрийской секты» (Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели, 1938). Но дело в том, что Кубачи как центр ремесленной металлургии появился на исторической арене под названием Зирихгеран не в XII в., а много раньше. И то, что некоторые надписи буквами арабского алфавита на кубачинских рельефах написаны «не на арабском, не на персидском, не на турецком и даже не на армянском и не на грузинском языке», можно объяснить так же, как объясняют некоторые нечитаемые надписи буквами арабского алфавита на изделиях лучших мастеров Мерва и Самарканда той же эпохи. Видимо, эти надписи играли больше роль буквенного орнамента. Потому ли, что мастер был неграмотен, потому ли, что надписи эти копировались бессознательно – факт остается фактом: надписи эти не связаны с определенным вероучением. Это как в Шахнамэ: «вера не зависит от халата». К тому же большинство арабских надписей на рельефах вполне читаемы. И.А. Орбели обратил внимание на известную пестроту мотивов на дагестанских литых котлах, объясняя ее приемами использования для литья разных, в том числе старинных, штампов. Отсюда-де появились изображения человека «явно монгольского типа» ... изображение грифонов, «отчетливо напоминающих памятники китайского искусства». Но вопрос о датировке литых котлов Дагестана при такой его постановке не находил решения. Для каменных рельефов называлась, по аналогии с литыми котлами, одна дата: XII–XIII вв.

Было высказано много интересных соображений об отражении в каменных рельефах техники разных других видов ремесла – текстиля, набойки, резьбы по дереву, чем и объяснялись различия в стиле каменных рельефов. Мне представляется, что в этом вопросе можно продвигаться уже дальше. Среди каменных рельефов Дагестана

The raids of Russians to the Caspian shoreline of the Caucasus and to the Transcaucasia occurred in 880, 909-910, and 944-945, while Islamization of Dagestan took place from the 10th century to the 15th century and Kumukh residents took Islam at the end of the 11th century. And here there's such an outbreak of sculpted stone plastics, now with the use of Moslem epigraphs. A part of Dagestan's highlanders at the end of the 12th century falls under the aegis of the Christian church, Empress Tamara for whom this plastic art is strange as well, <...> The astonishing thing is that the prosperity of Dagestan's stone plastic art coincides with a period when the Caucasian Albania lost its past independence and became subordinated to neighbors. I. A. Orbeli suggests that people left for mountains, which slowed down the pace of social development of conservation of old forms of art. "Among those Albanians... who left for mountains there were also the ancestors of present-day Kubachi residents"; Orbeli views this as "existence of a certain Zoroastrian sect here" (I. A. Orbeli. Albanian Reliefs and Bronze Cauldrons // Rustaveli-Era Monuments, 1938.) However, as a matter of fact, Kubachi as a center of handicraft metallurgy appeared on the historical arena under the name of Zirikhgeran not in the 12th century but much earlier. And that some Arab alphabet inscriptions on the Kubachi reliefs are written in "neither Arab nor Persian nor Turkish, even nor Armenian nor Georgian language" is explainable in the way some unreadable Arab-letter inscriptions on the same-era items made by best masters of Merv and Samarqand are explained. Probably, these inscriptions played largely a role of letter ornament. Whether the master was illiterate or whether these inscriptions were copied arbitrarily, the fact remains the fact: these inscriptions were not linked with a certain religious doctrine. This is like Shahnameh says: "faith doesn't depend on the robe". Besides, the majority of Arab inscriptions on the reliefs are quite readable. I.A. Orbeli accentuated the known diversity of motifs on Dagestan's cast cauldrons, explaining it by the need to use various stamps, including ancient ones, for the reasons of casting. This allegedly caused the appearance of images of a man of "a clearly Mongol type", as well as images of griffins "clearly resembling Chinese art monuments". However, the question about dating of Dagestan's cast cauldrons could not be answered under such statement. Similarly with cast cauldrons, stone reliefs were dated back to a single period: the 12th-13th centuries.

There were expressed many interesting suggestions that the stone reliefs reflected the techniques of other

имеются произведения не только XI-XIII вв., но и XV XVI, XVII-XVIII и XIX – нач. XX веков. Стилистически «мостики» от этих рельефов перебрасываются не только к «сасанидскому» искусству и «сельджукской» орнаментике в местной ирано-тюркской и армяно-грузинской среде, но и к искусству послемонгольского времени. И.Орбели называл «албанские рельефы» мостом между армянскими рельефами церкви Ахтамар (Турецкая Армения) и каменными рельефами Суздальской Руси. <...> Но и этот мост остался недостроенным. «Восточные корни» той богатейшей резьбы в камне и тех плоских рельефов, которыми украшены замечательнейшие памятники Суздальской земли, – так и остались недоказанными.

Где же ответ на заданный себе вопрос? Насколько история Кавказской Албании рисует целостную картину культуры и искусства, настолько средневековые рушит само понятие «албанской» культуры. Она исчезает под влиянием сложных процессов мусульманизации одних районов, христианизации других, участия албанских элементов в истории Грузии, Армении, Атропатены (Азербайджана) и тюркизации части населения по языку.

И так же, как в Средней Азии сохранились с исторической арены, войдя в состав местных ираноязычных (таджики) и тюркоязычных (узбеки) народов, так же исчезли и албанцы Кавказа, войдя в состав азербайджанцев, армян Нагорного Карабаха, Грузии, Кахетии, лезгин, лаков и др. народностей Дагестана. Искусство Кавказской Албании разделило судьбу своего народа, и его элементы вскрывают то здесь, то там в художественной культуре народов Дагестана и Азербайджана, по преимуществу.

В том, что часть албанских мастеров, преследуемых арабами, ушла в горы, в этом Орбели прав. Эти мастера выросли на традициях сасанидского искусства. Здесь, в горах, они, видимо, приложили свои навыки к местной тематике и образам. Они восприняли арабскую каллиграфию как мотив декора. В дальнейшем шел какой-то процесс переплетения мотивов и форм: а) собственно кавказских, б) ирано-сасанидских, в) арабо-персидских, г) гунно-хазарских, д) сирийско-византийских. Часть всех этих мотивов была унесена через Итиль дальше в Булгары и также через Белую Вежу и Тмутаракань в Киевскую и Черниговскую Русь. Здесь надо учесть еще процессы тюркизации – роль сперва огузов на Сев. Кавказе, а затем и сельджуков Малой Азии в Закавказье, в Крыму и на средней Волге. Конечно, Владимиро-Суздальские рельефы не дагестанского происхождения, но влияние булгар на них не исключено. Главное же русло воздействия на русскую белокаменную резьбу я вижу

handicrafts, including textile and woodcarving, which explained differences in the style of stone relief art. It seems to me that it is possible to move further as regarding this question. Stone reliefs of Dagestan are inclusive of works of not only the 11th-13th centuries but also the 15th-16th, 17th-18th and 19th-early 20th centuries. Stylistically, “bridges” from these reliefs lead not only to the Sasanid art and “Seljuk” ornaments in local Iranian-Turkic and Armenian-Georgian milieu but also to the post-Mongol era art. I. Orbeli called “Albanian reliefs” a bridge between the Armenian reliefs of the Church Ahtamar (Turkish Armenia) and stone reliefs of the Suzdal Russia. However, this bridge remained unfinished as well. “Eastern roots” of those richest stone-carving and flat reliefs decorating the most beautiful monuments of the Suzdal land have so far remained unproven.

What is the answer of this question? The medieval period breaks the very notion of “Albanian” culture to the extent the history of Caucasian Albania draws an integrated picture of culture and art. It disappears under the influence of complex processes of Islamization of some regions, Christianization of other ones, participation of Albanian elements in the history of Georgia, Armenia, Atropathena (Azerbaijan), and lingual Turkization of a part of population.

Like Sogdians in Central Asia disappeared from the historical arena having joined the composition of local Persian-speaking (Tajik) and Turkic-speaking (Uzbek) nations, the Caucasian Albanians did the same by having joined the composition of Azerbaijanis, Armenians of Nagorno Karabakh, Georgia, Kakhetia, Lezghins, Laks, and other nationalities of Dagestan. The art of the Caucasian Albania shared the destiny of its nation, so its elements are uncovered here and there, mostly in the artistic culture of peoples of Dagestan and Azerbaijan.

Orbeli is right in saying that part of Albanian masters persecuted by the Arabs left for mountains. These masters were brought up in the spirit of the Sasanid art. Here, in the mountains, they apparently applied their skills in regard to local subjects and images. They interpreted the Arab calligraphy as a motif of decor. Later on, there developed a certain process of mixture of motifs and forms: а) proper Caucasian forms; б) Iran-Sasanid ones; в) Arab-Persian ones; г) Gunn-Khazar ones; and д) Syrian-Byzantine ones. Some of these motifs were taken away via Itil to Bulgars, as well as via Belaya Vezha and Tmutarakan to the Kievan and Chernigov Russia. Here we have to keep in mind the processes of Turkization commenced first by the Oguzs in the North Caucasus and then by Minor Asia’s Seljuks in the Transcaucasia,

на романском Западе, испытывавшем сильное влияние Востока в VIII–IX вв. и в эпоху крестовых походов.

12-13 октября [1966 г.]

<В Музее истории Дагестана автор знакомится с отчетами о раскопках и с книгами по археологии и искусству Кавказа, а также непосредственно изучает каменные рельефы: в тексте приводится их подробное описание.>

В развитие мысли о причинах взлета искусства каменных рельефов в Дагестане в XII в. и прочном их здесь надолго закреплении хочу отметить два момента. Во-первых, как пишет Д. Алтаев: «с конца бронзового и железного века, а не с XII–XIII вв., как это было принято считать, прослеживается преемственность кубачинского мастерства от более древнего кавказского производства. Речь идет о технике изготовления кубачинских медных котлов и нухнусов (подносов?) с выколачиванием медных листов по специальным выкройкам с последующим соединением их медными заклепками (заклепками?)» (Д.М. Алтаев, Некоторые вопросы истории искусства народов Дагестана. Сб. «Искусство Дагестана». Махачкала, 1965: стр. 117). К сожалению, речь здесь идет только о металле, но не о каменных рельефах. Надо будет сравнить каменные рельефы Кубачей со скульптурой сельджуков М. Азии и рельефами (штампованная посуда) Багдада и Мерва – тогда кое-что может быть и прояснится. Следует иметь в виду, что освобождение Грузии, Ширвана, Южного Дагестана от власти сельджуков (1123) могло также сыграть известную роль. <...> Татаро-монголы рушат Дербент (1239), Рича, Кумух. Дербент стал границей царства хулагидов и Золотой Орды. Дальнейшие узоры истории Южного Дагестана очень пестры. Сплетаются религии и политические события самого широкого охвата. В 1318 г. Узбекхан берет Дербент. Горцы дерутся – то с Золотой Ордой, испытывая ее напор с севера, то с Тимуром, ворвавшимся с юга (2-я пол. XI в.). Жители Кубачей приняли ислам только в начале XV в. и, судя по нечитаемой куфе на рельефе XV в., не очень старались в усвоении арабской грамоты. Не потому ли, кстати, не вижу гирихов, но усваиваются арабески. Гирихи были «ученым искусством», а растительные арабески, видимо, развивали старое искусство местного орнамента (в смеси с какими-то элементами грузинского, староалбанского). <...>

Поразмыслив, хочется записать еще вот что: кубачинские рельефы – это не Дагестан вообще, а специальная школа древних тореvтов, быть может, обратившихся к камню, когда средневековая каменная архитектура достигла успехов. В своей каменной летописи мастера из Зирихгерана отразили связь своей школы с наследием

Crimea, and Middle Volga. Naturally, Vladimir-Suzdal reliefs are not of Dagestan origin; however, the influence of Bulgarians on them is not denied. In my opinion, the main influence on Russian white stone-carving was provided by the Roman West that had been influenced greatly by the East in the 8th-9th centuries and in the epoch of crusades.

October 12-13, 1966

<While at the Museum of History of Dagestan, the author familiarizes with reports about excavations and books regarding the archeology and art of Caucasus, and directly studies stone reliefs: he gives a detailed description of them in the text.>

As for reasons of the rise of stone relief art in Dagestan in the 12th century and its longtime preservation here, I'd like to focus on two aspects of the matter. First, as D. Altayev writes, “succession of the Kubachi mastership from a more ancient Caucasian production has been traced from the end of the Bronze and Iron Age, not the 12-13th centuries, in contrary to previous opinions. The point is about a technique of making Kubachi copper cauldrons and nuhnuses (trays?) through tapping copper plates in line with special patterns and subsequently interconnecting them by copper stickers (rivets?)” (D. M. Altayev, Some Issues of the History of Art of Nations of Dagestan. The Almanac “The Art of Dagestan”, Makhachkala, 1965, p. 117). Regretfully, the point here is only about metal, not stone reliefs. It will be essential to compare Kubachi stone reliefs with the sculpture of Minor Asia's Seljuks and reliefs (sealed utensils) of Baghdad and Merv: this may clarify something. It has to be kept in mind that the liberation of Georgia, Shirvan and South Dagestan from the power of Seljuks in 1123 might also play a certain role. <...> The Tatar-Mongols ruined Derbent (in 1239), Richa, and Kumukh. Derbent became the capital of the kingdom of Khulagids and Golden Horde. Further patterns of the history of South Dagestan are diverse. Religions and political events of a widest possible coverage get interlaced. Uzbek Khan seizes Derbent in 1318. Highlanders are fighting, now against the Golden Horde being pressured by the latter from the north, now against Timur, who had invaded the area from the south in the second half of the 11th century. Kubachi residents took Islam only in the beginning of the 15th century and were not diligent in learning the Arab reading and writing, as it may be guessed from an unreadable Kufic inscription on the 15th century's relief. Is it why I don't see girikhs but see arabesques getting into the habit? Girikhs were a “scientific art” whereas

ирано-сасанидских мастеров. Они оказались такими же хранителями пластики эпохи Сасанидов на мусульманском Востоке, каким Византия была на христианском Востоке. <...>

И еще одно наблюдение. Вспоминаю две каменные стойки-косяки проема, обработанные как бы пунсоном с будто наложенными полумедальонами, заключающими то птицу, то зверя. Где еще видим мы такие медальоны, с такими же уравновешенными в композиции зверьками, стильно вписанными в стрельчатые, с фестонными лопастями аркообразные турунджи? Где? В Булгарах! Несомненно, в Булгарах. И, кажется, в вещицах XI–XIII вв. Вот оно куда потянуло, чуть ли не под самый Суздаль. Но допустим другое, то есть, что Булгары и Дагестан в равной мере имеют своих (как и глиняные рельефы Мерва) общих прародителей. Это тоже возможно, если учесть, что в ту же пору нечто подобное дает и Болгария (Подунавье) эпохи второго царства. Но именно потому, что они восходят к каким-то общим источникам, облегчается их взаимосвязь, связь традиций, связь типологическая, стилистическая – помимо всегда существующей, но не всегда плодоносящей связи производственно-торговой. Суздаль, повторяю, сам по себе, Рязань тоже; Киев, Галич тоже, а Булгары, Кавказ, Балканы окружают их как бы разверстой пастью. И когда романские элементы, отесняя Византию, оседают на Руси, они, особенно на стыках с Волжским торговым путем, открытым на Ближний Восток, приобретают в какой-то мере и восточный оттенок. Оттенок, хотя сами они остаются при том ни романскими, ни восточными, а собственно русскими. <...>

14-15 октября [1966 г.]

<Перелеты в Баку и оттуда в Тбилиси.>

Итак, Кавказская Албания, Ширван, Восточная Грузия вновь где-то внизу, под ногами. Кавказский хребет плывет справа. Идем над Курой. Но близкий горизонт ограничивает обзор и возвращает нас к раздумью. Там, на севере Грузии, где Дарьяльское ущелье разрезает Кавказский хребет, находились Аланские ворота ... Если провести прямую линию от Аланских ворот прямо на юг до Тбилиси и далее зигзагом до восточного берега озера Севан и еще дальше на юг до городов средневековой Армении, Двина и Арташата на Араксе – мы получим линию раздела сфер господства Византийской империи с государством Сасанидов (по договорам 591 и 629 гг.). Если к этому прибавить взятие в 627 г. Тбилиси хазарами, а затем и подчинение в VI–VII вв. Тбилиси власти арабского Халифата, можно себе представить, сколь большое значение в истории всех народов Закавказья имела эпоха

vegetative arabesques, probably, developed the old art of local ornament (in a mixture with certain elements of Georgian and old Albanian one).<...>

Having thought a bit, I'd like to add as follows: Kubachi reliefs are not Dagestan at all but a special school of ancient toreutics that, perhaps, started using stone after the medieval stone architecture attained a success. In their stone chronicles, Zirikhgeran masters reflected their school's link with the heritage of Iranian-Sasanid masters. They turned to be custodians of the Sasanid-era plastic art in the Moslem Orient as Byzantine in the Christian East did.<...>

There's also one more observation. Here I recall two stone doorposts processed as if by puncheon with allegedly superimpose semi-medallions depicting now a bird now a mammal. Where else do we find such medallions with the same compositionally equilibrated animals stylistically compatible with lancet, festoon blades - arcuate turunj's? Where? In the Bulgars! Beyond any doubts, in the Bulgars. And it seems that we also find them in items of the 11th-13th centuries. So it stretched almost to Suzdal itself. But let's assume another thing, i.e. that the Bulgars and Dagestan to equal extents have (like the clay reliefs of Merv) their common ancestors.

This also seems possible, given that Bulgaria (the Dunabe area) produced something like this at the same period. But because they ascend to certain common roots there is eased their interconnection, a link of traditions, a typological link, a stylistic link, apart from always existing but not always fruitful production-trade link. Suzdal, I'd like to repeat, and Ryazan, Kiev and Galich, as well as Bulgars, Caucasus and Balkans surround them by as if open mouth. And when Roman elements settle down in Russia by pressing Byzantine, they also acquire, to extent, an eastern tint, especially at a junction with the Volga trade way turned towards the Near East. This is just a tin because they remain neither Roman nor Eastern but properly Russian elements.<...>

October 14-15, 1966

<Flights to Baku and onward to Tbilisi.>

The Caucasian Albania, Shirvan and Eastern Georgia again are somewhere down, under feet. The Caucasian ridge stretches from the right. We're flying over Kura. However, a near horizon restricts the sight and makes us return to thinking. The Alan gates were located there, in the north of Georgia where the Daryal Gorge cuts the Caucasian ridge. If we draw straight line from the Alan gates directly southwards up to Tbilisi and then zigzag up to the eastern shore of Lake Sevan and further southwards

X–XII вв. Она отмечена здесь, как и в Средней Азии, еще небывалым ростом культуры городов, совпавшим с консолидацией грузинской народности на единой территории с общим языком и искусством. Эпоха Баграта III (975–1014), Давида Строителя (1089–1125), Георгия III (1156–84) и царицы Тамар (1184–1213) – это эпоха высшего взлета культуры и искусства средневековой Грузии. Одновременно это эпоха наибольших связей и контактов со славянским и арабо-персидским миром.

16 октября [1966 г.], воскресенье.

17 октября.

<Начало работы автора в фондах и фототеке Музея искусств Грузии, в Отделе древнего и средневекового искусства> В отделе был восхищен превосходными, хорошо систематизированными альбомами рисунков Р.О. Шмерлинг по орнаменту рукописей и миниатюр, а также несравненными рисунками Шевяковой по орнаменту в монументальной живописи Грузии. <...> Общее впечатление, вынесенное из этого просмотра, таково, что искусство Грузии – явление самостоятельное, но что в его исторических судьбах огромная роль принадлежит в древности Востоку и «иранизму», а в V–IX вв. – христианской Сирии и Византии. Позже иранизмы распространяются на Грузию волнами, то в связи с ее собственным развитием (X–XII вв.), то в связи с внешними событиями политической истории (XVI в.).

18-19 октября [1966 г.]

Изучал коллекции Музея искусств Грузии по рукописному орнаменту, деталям декора в художественном металле и мотивы узорного убранства в настенных росписях. <...>

Мы плохо знаем росписи Средней Азии XII в., а потому и не ощущаем в полной мере ни сходства, ни различий с Кавказом и Русью. Между тем, в палитре много общего и даже в приемах графической прорисовки деталей. Только в Средней Азии больше ремесленно-точной сделанности, а на Кавказе и особенно на Руси налицо момент лихого, смелого, живописного пошиба, быть может, с имевшегося под рукой образца или по мотивам узорных бытовавших на Руси изделий, первоначальное место производства которых не играло уже столь важной роли. Предметом подражания в рукописном орнаменте могли быть и эмали. <...> Буквицы чрезвычайно близки русским образцам. В частности, надо будет выяснить, кто ввел типичные формы почкообразных парных наростов на створах букв (как в евангелии Юрьевского монастыря в Новгороде). Интересны также висячие медальоны каплевидной формы. Они характерны для

up to towns of medieval Armenia, Dvin and Artashat on Arax - we will get the line of division of rule of the Byzantine Empire and the Sasanids State (according to the treaties of 591 and 629). If we add this by Tbilisi's seizure by the Khazars in 627 and Tbilisi's subsequent subordination to the power of the Arab Caliphate in the 6th-7th centuries, it will become possible to imagine how important the epoch of the 10th-12th centuries for the history of all nations of the Transcaucasia was. Like in Central Asia, here it is marked by an unprecedented growth of culture of towns that coincided with the consolidation of the Georgian nationality within a single territory with a common language and art. The epoch of Bagrat III (975-1014), David the Builder (1089-1125), Georgy III and Empress Tamar (1184-1213) was the epoch of the highest prosperity of culture and art of medieval Georgia. At the same time, it was the epoch of the greatest number of links and contacts with the Slavic and Arab-Persian world.

October 16, 1966 (Sunday)

October 17

<The author begins to work at funds and photograph library of Department for Ancient and Medieval Art of the Museum of Arts of Georgia.> Here, he was delighted at excellent, well-systematized albums of R. O. Shmerling's drawings of the ornaments of manuscripts and miniatures, as well as Shevyakova's incomparable drawings regarding ornament in the monumental painting of Georgia. <...> General impression from this examination is that the art of Georgia is an independent phenomenon and that playing a huge role in Georgia's historical fates were the East and "Iranism" in the ancient period and Christian Syria and Byzantine in the 5th-9th centuries. Later on, Iranisms spread over Georgia in connection with either its own development (the 10th-12th centuries) or outside events of the political history (the 16th century).

October 18-19, 1966

I studied Georgian Museum of Arts' collections of manuscript ornament, decor elements in the artistic metal, as well as pattern decoration motifs at wall paintings. <...>

We have a poor knowledge of paintings of Central Asia of the 12th century and thus cannot fully identify their similarity with or difference from the Caucasian and Russia. Inter alia, the palette, not to mention techniques of graphical drawing of elements, has much in common. The difference is that Central Asia paintings are largely

XIII в. в Средней Азии, Азербайджане, Дагестане. Там их заполняет узор или плетенка (Мавераннахр), надписи (Дагестан), а в Грузии в них то вписывают морду льва, то придают медальону форму растительной арабески. <...> Из числа мотивов, для Средней Азии и Ирана не характерных, назову густые ременные плетенья, заполняющие прямоугольник с выступами по флангам и небольшим, плетеным же крестом посередине. Эта форма, кажется, византийского происхождения, распространена она и на Руси. <.. .>

20-го октября [1966 г.]

Переключился на экспозицию Музея искусств Грузии. Она, прежде всего, внушительна показом подлинников архитектурного декора, слепков и копий настенной росписи и миниатюр в натуральную величину. Слепки, выполненные Р. Давлинидзе, хороши, копии настенных росписей работы Т. Шевяковой превосходны в высшей степени. Они сохраняют не прорисовку, не разрушения, хотя учитывают и это, а стиль искусства эпохи, особенности руки мастера и патину веков, шрамы и рубцы. Что привлекло мое особое внимание – это рассредоточенность средневекового искусства не по городским центрам, а по храмам, монастырям, то есть повсеместно, где только ктитория закладывали в дар церкви великолепные храмы божьи и обители.

<Далее в тексте автор приводит описание экспонатов музея.>

Закончу эти беглые заметки об экспонатах, лежащих во дворе Музея искусств Грузии упоминанием каменной черепицы из Ананури (XV в.). Высота одного каменного блока примерно 1,3 м. Вес ее (при ширине примерно 80 см и толщине 15 см) огромный. Притом эта черепица несет во все поле крупное, в рост, изображение человеческой фигуры, как бы обращенной (если черепица лежит на кровле храма) лицом к небу. Потрясающие приходили зодчему на ум идеи! На мусульманском Востоке мелкий узор на куполе – никому с земли невидимый и потому как бы «ненадобный»; в Грузии скульптурные изображения на кровлях, видимые разве что только пролетающим птицам и ангелам. Что же это? Показатель того, что зодчим двигало религиозное рвение, а не искусство? Нет, не так. Именно то, что рвение к искусству проявлялось даже там, где оно, казалось бы, и не рассчитано на его созерцание людьми, говорит, скорее, о том, что зодчим владела всеохватывающая идея творчества. Не было сухого расчета – мол, делать незачем, снизу не видно. Было творчество. Не «искусство для искусства» и не только искусство для заказчика или молящихся,

of exact handicraft nature, whereas in the Caucasus and especially Russia there is evident a brave picturesque manner of painting, may be, of a specimen at hand or motifs of Russia's patterned items, the initial place of production of which did not matter. Enamels could also be a subject of imitation in the manuscript ornament.<...> Letters are extremely close to Russian specimens. Particularly, it will be essential to find out who introduced the typical forms of kidney-shaped paired excrescence at stems of letters (like in the gospel of the Yury Cloister in Novgorod). Hanging drop-shaped medallions are also interesting. They are typical for Central Asia, Azerbaijan and Dagestan of the 12th century. There, they are filled in with a pattern or a wicker (Maverannakhr), inscriptions (Dagestan), while in Georgia the medallions either depict a lion's muzzle or have the form of a vegetative arabesque. As for motifs untypical for Central Asia and Iran, I'd like to mention dense belt wicker items filling in flanks of an edged rectangular with a small, wicker cross in the middle. This form seems to be of Byzantine origin and is spread over Russia as well.

October 20, 1966

I've switched over to the exposition of the Museum of Arts of Georgia. First of all, it contains lots of natural-size originals of architectural decor, moulds, and copies of wall paintings and miniatures. Moulds performed by R. Davlinidze are good; copies of wall paintings performed by T. Shevyakova are excellent. They conserve largely not detailed representation or damages but the style of the epoch of art, traits of the master's hand and patina of centuries, scars and cicatrices. What drew my particular attention is the dispersion of medieval art over not urban centers but temples and cloisters, i.e. in every place where churchwardens built beautiful churches and cloisters as a gift to the church.

<Further the author gives a description of the museum's exhibits.>

I'd like to end these brief notes about exhibits in the yard of the Museum of Arts of Georgia by mentioning stone tile from Ananuri (the 15th century). The height of one stone slab is approx. 1.3 meters. Its weight (under width of approx. 80 cm and thickness of 15 cm) is very heavy. The tile depicts a large, natural-size image of a human figure that has its face (if the tile is laid on the temple's roof) as if turned towards the sky. The architect was struck by astonishing ideas! In the Moslem Orient, a small pattern on the cupola is not seen by anyone from the earth and thus is as if "unnecessary", whereas in Georgia, sculpted images at roofs can be seen only by flying

а творчество как таковое, обращенное - формально к богу, но по существу – к самому себе, своему художническому призванию. <...>

21 октября [1966 г.]

Работал в библиотеке Музея искусств Грузии. Смотрел груду книг, выпущенных в Тбилиси. <...> На самое трудное я в нашей литературе по искусству найти ответа пока не могу. Меня интересует вот что.

Какова действительно роль византийского (и сирийского) искусства: а) на Кавказе, б) на Балканах и в Придунавье (Болгария, Венгрия, Чехословакия), в) на Руси. Не определив действительного положения вещей в Болгарии, Венгрии, Югославии, я не могу понять не только, как славянские страны участвовали в формировании искусства Руси, но и того, как они посредничали с Восточной и Западной Европой. Между тем они были проводником искусства Востока на романский Запад (а не только Сицилия, Италия, Испания).

22 октября [1966 г.]

<Автор рассказывает о своей работе в Институте истории грузинского искусства.>

Главное, что отделило архитектуру Грузии и Армении от Ирана и Средней Азии еще в домусульманское время – это разное понимание задач купольно-центрической архитектуры. <Далее рассматриваются храмы Армении и Грузии.>

Сасанидское искусство выступало не только в формах художественного металла и тканей. Монументальные росписи и украшения рукописей (хотя последние не дошли) также должны быть учтены. Монументальная живопись Средней Азии вообще сбрасывается со счетов. А, пожалуй, придет время, когда и она впишется в строку, и тогда «восточные» элементы в искусстве Грузии и Армении VI–VII вв. окажутся в такой же связи с Кавказом, как Сирия и Палестина. А сейчас о рельефах и резьбе по камню. Они главное связующее звено между изобразительным искусством и пространственным. Они вообще существовали только как архитектурные или предметные вещи, но не как станковые произведения большой или малой формы. Круглая скульптура в средние века не получила развития ни на Западе, ни на Востоке.

Уже в парфянском и сасанидском искусстве, в раннефеодальном Иране и в Средней Азии происходил внутренний процесс перерождения скульптуры. В духовном смысле это был процесс атрофии в образах индивидуальных черт, проявления эмоций, всего, что было выработано местным античным искусством. Одно-

birds and angels. So what is this? Does it indicate that the architect proceeded from religious ardency, not art? No, this is not so. That the aspiration for art was displayed even where it seemed to be not contemplated by people more likely testifies that the architect was covered by an overall concept of creativity. There was no bare reckoning, i.e. that it is needless, as nothing is seen from below. There was creativity. This was not “the art for the sake of art” and not the art specially for customers or those praying but creativity as such, which formally addressed God but really - the painter’s own vocation.

October 21, 1966

I worked at the library of the Museum of Arts of Georgia. I looked through a heap of books published in Tbilisi.<...> However, in reading our literature, I still cannot answer most difficult questions. I’m interested in the following: What is the true role of Byzantine (and Syrian) art in a) the Caucasus; b) the Balkans and Dunabe area (Bulgaria, Hungary, and Czechoslovakia) and c) Russia? Having not found out the true position of things in Bulgaria, Hungary and Yugoslavia, I cannot understand not only how Slavic countries contributed to the formation of Russia’s art but also how they mediated with the Eastern and Western Europe. Inter alia, they were the conductor of the Orient’s art in the Roman West (and not only Sicily, Italy and Spain).

October 22, 1966

<The author tells about his work at the Institute of History of Georgian Art.>

The main thing that separated Georgia and Armenia’s architecture from Iran and Central Asia’s yet in the pre-Moslem era is a distinctive comprehension of tasks of the cupola-centric architecture <further there are examined temples of Armenia and Georgia>.

The Sasanid art was displayed not only through the forms of artistic metal and cloths. Monumental paintings and decorations of manuscripts (though the latter are bygone) should also be taken into consideration. The monumental painting of Central Asia is not taken into account at all. Perhaps, it will be fit as well after a certain time, and then the “Oriental” elements in Georgia and Armenia’s art of the 6th-7th centuries will be as linked with the Caucasus as Syria and Palestine will. And now let’s consider reliefs and stone-carving. They are the key link between visual art and spatial art. In all, they existed only as architectural or subject things, not as large or small-sized easel painting. Round sculpture was not developed either in the East or in the West in

временно в области художественной формы происходил совпадающий с этим процесс утраты живописно-пластических качеств природы. Скульптура вращалась в массу стены или вещи. На каком-то этапе (VI–VII вв.) декоративная скульптура, еще не утратив пластических качеств, обрела высокую выразительность. Она нашла в процессе стилизации меру и достигла тем поразительных результатов. Скульптура Варахши была вершиной в развитии рельефной скульптуры и резьбы по ганчу, так же, как Пенджикентские кариатиды – вершина этого стиля в резьбе по дереву. Но уже в XI–XII вв. намечались, кажется, две линии: одна – полного упадка скульптурной пластики (т.н. сельджукская скульптура в Малой Азии), другая – стилизация рельефов в характере пластического или линейного узора. Лучшие образцы объемной пластики дает кавказская Албания, отчасти Иран с его водолями и курильницами; узорный рельеф развился на почве неполивной керамики (Багдад, Мерв); плоский узор – на поливной керамике и металле всего мусульманского Востока, отчасти Армении, Грузии, Крыма. В Грузии и др. странах христианского Востока рельефная скульптура раннего средневековья с самого начала создает свои лаконичные композиции, исполненные чистой духовности. Амиранашвили видит в правителе Стефаносе I, коленопреклоненном перед Христом на рельефе в Джвари, почти сасанидскую композицию – римский император Валериан, коленопреклоненный перед Шапуром (ок. 260 г. н.э.). Но это не так. Никакого сходства в стилистике форм здесь нет. <...> Там история рядится в роскошные одежды эпического сказания, здесь налицо притча, вся действенность которой в экспрессии фигур, пропорции которых произвольны, а формы рук, ног несут идею страданий. И дело не в том, что костюмы на них не иранские, а грузинские и только обувь иранского образца, дело в самом эстетическом идеале восточно-христианского искусства, представленном здесь с такой действительно покоряющей силой. <...>

Не очень убедительны также высказывания о родстве алтарной преграды VI в. из Цебельды (Абхазия) с сасанидским металлом. Восточно-христианские традиции здесь явно берут верх, если не сказать больше. Нельзя же в каждом олене и всаднике видеть мотив обязательно сасанидский. Все остальные сцены и фигуры этого рельефа и по сюжету, и по стилю тем более далеки от принципов стиля собственно сасанидского. И здесь преобладает экспрессия духовная; сцены напряжены и трагичны (пытки, плач, моления и прочее). <...> Я вижу во всем этом не подражание сасанидскому искусству и не его упрощение или упадок, а совершенно иную систему представлений, в которой растворены не

medieval centuries.

The internal process of sculpture regeneration occurred yet in Parthian and Sasanid art, in early feudal Iran and in Central Asia. Spiritually, this was a process of atrophy in the images of individual traits, manifestation of emotions, everything that had been developed by local antique art. Simultaneously, the artistic forms saw it-coinciding process of loss of painting-plastic properties of nature. The sculpture began growing into the mass of a wall or a thing. At a certain stage (the 6th-7th centuries), decorative sculpture that had not yet lost plastic properties became highly expressive. It found measure in the process of stylization and thus attained astonishing results. The sculpture of Varakhsha marked the top in the development of relief sculpture and ganch carving whereas Penjikent's caryatids were the top of the same style of wood-carving. But it seems that yet in the 11th-12th centuries there were outlined two tendencies: one marked the full decline of sculptural plastic art (the so-called Seljuk sculpture in Minor Asia) while the other one - stylization of reliefs as a plastic or linear pattern. Best specimens of the voluminous plastic art are provided by the Caucasian Albania and partly Iran with its aquariuses and censers; patterned relief was developed on the basis of non-glazed pottery (Baghdad, Merv), while flat pattern - on the basis of glazed pottery and metal of the whole Moslem Orient and partly Armenia, Georgia and the Crimea. In Georgia and other countries of the Christian East, an early medieval relief sculpture from the very beginning saw creation of its laconic compositions full of pure spirituality. Amiranashvili views the ruler Stefanos I on bended knee before the Christ at Jvari relief almost as a Sasanid composition: the Roman Emperor Valerian on bended knee before Shapur (approx. 260 AD). This is not true. Here, there is no any similarity in the stylistics of forms. <...> There, the history is dressed in splendid clothes of an epic story; here, there is an evident parable whose whole effectiveness is the expression of figures with arbitrary proportions and with the forms of hands and feet carrying the concept of sufferings. And the point is not that they wear not Iranian but Georgian clothes and those only shoes are of Iranian type; the sense is the very aesthetic ideal of Eastern Christian art represented here with such a really winning strength. <...>

Suggestions that an altar barrier of the 6th century from Tsebelda (Abkhazia) is linked with the Sasanid metal are not convincing as well. In this case, the Eastern Christian traditions apparently give the upper hand. It is inappropriate to regard every deer or horse-

только сасанидские рельефы, но и все наследие древнего Востока как бы расплавлено, а затем заново отлито на привычные темы, но уже в контексте христианских форматов. Немало в них и местных языческих пережитков, они-то и придавали ранне-христианскому искусству архаические черты.

<...> В конце X в. исчезает портретная скульптура, развивается декоративный рельеф. «Изображения животных, часто фантастических, – отмечает Амиранашвили, – долго сохраняют традиционные формы. Эта область грузинской скульптуры недостаточно изучена». Вот именно, стоило исчезнуть притягательной силе сюжета, как был потерян интерес историка искусств к скульптуре, связанной с традиционными мотивами народной фантастики.

Внимание было сосредоточено на алтарных преградах и стенах с крестами на постаментах; их эволюция прослежена с V по XI века. Стелы дают некий синтез мотивов на библейские темы в местном как бы переложении, что совпадает и в самой стилистике (нарастает схематизм и экспрессивность). Пластический момент уступает графике декоративного рисунка.

Алтарные же преграды начиная с X века, особенно в портретных изображениях, рисуют, видимо, линию подъема скульптуры – это путь от примитива к эмоциональной выразительности и одухотворению образов. Примечательно, однако, что декоративность и плоскостность, усвоенные из опыта искусства Востока и эстетики средневекового ремесла, остаются. Следовательно, процесс не идет «обратно» к пластике античного мира. И если отличительной чертой гуманизма считать человековедение, то грузинская пластика развивалась в XI–XII вв. явно в сторону средневекового гуманизма (или «восточного ренессанса»). <...>

Ну, а XII век, тот и вовсе отрывает Грузию, в области изобразительного искусства, от эстетики средневекового Востока, сближает изобразительное искусство с передовыми течениями Запада, опережает его в решении многих собственно художественных идей. И только в монументально-декоративном и прикладном искусстве продолжает черпать аксессуары из сокровищниц восточного декора, использует его палитру и богатейший мир узора как христианских, так и мусульманских стран.<...>

23 октября [1966 г.]

<Автор высказывает впечатление от выставки, посвященной Шота Руставели; приводятся рассуждения о народном быте.>

История искусств средневекового Востока – это история художественных идей, взятых по социальным

man indispensably as a Sasanid one. All the rest scenes and figures of this relief are even farther from the true Sasanid style. Spiritual expression dominates here: the scenes are tense and tragic (tortures, crying, praying, etc.). I consider all this as not something imitating the Sasanid art or its simplified form or decline but quite a different system of concepts where not only the Sasanid reliefs or the whole heritage of ancient Orient are as if smelted and then recast for usual themes, this time in the context of Christian formats. Also, they contain lots of local pagan survivals, which attached archaic traits to the early Christian art.

<...>The end of the 10th century saw the disappearance of portrait sculpture, the development of decorative relief. “The images of animals, often fantastic ones are conserving their traditional forms for a long time. This sphere of the Georgian sculpture has been studied insufficiently,” Amiranashvili noted. Exactly, straight after the attractive strength of subject was lost, the historian of arts immediately lost interest in a sculpture pertaining to the traditional motifs of folk fantasy.

An emphasis is laid on altar barriers and walls with crosses at pedestals; their evolution from the 5th century to the 11th century has been traced. Steles yield a certain synthesis of biblical themes as if in local exposition, which corresponds to the very stylistics (sketchiness and expressiveness are growing). The plastic aspect yields to the graphics of a decorative painting.

In turn, altar barriers, starting from the 10th century, apparently draw, especially in portrait images, a line of rise of culture that means a way from primitiveness to emotional expressiveness and personification of images. However, it is remarkable that decorativeness and flatness inherited from the experience of art of the Orient and aestheticism of medieval handicrafts remain. Hence, the process isn't going “back” to the plastic art of antique world. Viewing study of human nature as a distinctive trait of humanism, it will be appropriate to suggest that the Georgian plastic art of the 11th-12th centuries apparently developed toward the side of medieval humanism (or “Oriental renaissance”).<...>

It should be noted that the 12th century completely separates Georgia, in the sphere of visual art, from the aestheticism of medieval Orient, brings its visual art nearer to the advanced trends of the West, and goes ahead of the latter in solution of many properly artistic concepts. And only in the monumental-decorative and applied art it continues to draw accessories from the treasury of Oriental decor, uses its palette and richest possible world of patterns of either Christian or Moslem

пластам. Однако, искусство не было безразлично к вере, к народности. Оно неотделимо от них. И здесь ничего не надо упрощать. Говорят, что древнее и средневековое искусство Востока не было национальным. Но можно ли отказать в своеобразии искусству народов на том только основании, что пока народ еще не сложился в нацию и собственных идей в искусстве не имеет? Национальные стили в искусстве выросли на почве тех различий, которые существовали в искусстве отдельных народностей и племен еще в древности и средневековье.

24-25 октября [1966 г.]

<Автор работает в библиотеке Института истории искусств и в фототеке Института истории грузинского искусства.>

В 3 ч. дня делал доклад на собрании сотрудников этого Института на тему – Об изучении художественных культур Востока в Ташкенте. Предпослал докладу некоторые рассуждения на тему «Чем глубже, тем общее и всем роднее» (Л. Толстой) и о том, что все мы в плену готовых школьных решений, почему радость открытий для нас двоякая. Радость узнаваний в вещах того, что уже известно и находит новое подтверждение, почему оно и ставится на уготованное ему место на полочку классификаций, но что существует и другая радость – радость подлинного открытия, когда вещь не лезет в готовую схему, места ей не хватает на готовых полках и, следовательно, нужна какая-то подвижка вещей, если не ломка всех сложившихся в данном вопросе схем и предубеждений. К числу подобных открытий я отнес и работы Г.А. Пугаченковой по исследованию Халчаяна. Не знаю, почему Г.Н. Чубинашвили назвал высказанные мною соображения «новыми установками». Но, судя по благожелательному тону, он имел в виду не наставительность (наставлений не было и в помине), а свежий подход к явлениям, ибо я указал конкретно, что к числу таких проблем, требующих ломки, я отношу и вопрос об индивидуализации и психологизме», как якобы вообще чуждых искусству Востока в прошлом и приписываемых отчасти позднему этапу античности, но главным образом искусству западноевропейского Возрождения и нового времени. Я указал также, между прочим, и на известную односторонность изучения искусства Средней Азии и Кавказа, проявлявшуюся в том, что, скажем, Пенджикентский рельеф из глины с морскими сценами, а сейчас и морские сцены в росписях Самарканда никакого разъяснения в плане стилистическом не получают, что здесь нужно участие специалистов по искусству Малой Азии, Средиземноморья и Кавказа, где подобная тематика имела место. <...>

countries.<...>

October 23, 1966

<The author tells about his impressions from the exhibition devoted to Shota Rustaveli, his thoughts about folk everyday life.>

The history of arts of the medieval Orient is a history of artistic concepts taken from social strata. However, the art was not indifferent to the faith, to the nationality. It is inseparable from them. Nothing should be simplified here. They say that the ancient and medieval art of the Orient was not national. But is it appropriate to deny peculiarity of art of nations only because people have not yet become a nation and thus have no own concept in art? National styles in art developed on the basis of differences, which had existed in the art of separate nationalities and tribes yet in the ancient and medieval times.

October 24-25, 1966

<The author works at the library of the Institute of History of Arts and the photograph library of the Institute of History of Georgian Art.>

At 15.00 p.m. I made a report at a meeting of the Institute's employees. The report is about a Tashkent study of the artistic cultures of Orient. I attached the report with certain reasoning on topic "the deeper is the more common, the closer" (L. Tolstoy) and that we all are captives of readymade school solutions, so the gladness of discoveries is double for us. This is that we're glad to cognize in things what has already been known and now finds a new confirmation and so is put onto appropriate place in the shelf classifications, but also that there is gladness of another sort - the gladness of a true discovery, i.e. when a thing does not fit a ready scheme, has no room enough at ready shelves and hence, it is essential to move things somehow, not to mention breaking all schemes and prejudices concerning this issue. In my view, one of such discoveries is G. A. Pugachenkova's works regarding study of Khalchayan. I don't know why G. N. Chubinashvili called my reasons "new directives". However, it appears from his well-wishing tone that he meant not instructiveness (no instructions existed at all) but a fresh approach to phenomena, for I indicated specifically among what problems need to be broken I considered the issue of "individualization and psychological insight" allegedly as the ones strange to the Oriental art of the past and ascribed partly to the late antique period, primarily, the Western European Renaissance Art and the new time. Inter alia, I also pointed out to one-sided study of the art of Central Asia and Cauca-

Отношение слушателей было самое внимательное, сочувственное и благодарное.

<...> В доантичные времена пропасти, возникшей позже, между Востоком и Западом не было. Средиземноморье само переживало нечто подобное тому, что на Востоке затянулось надолго. Архаическое время давало сходные результаты повсюду, хотя степень зрелости искусства была разная и стилевые качества и особенности искусства сложились еще до того, как оно обрело свою самоценность, выкристаллизовавшись из других «синкретически» связанных с искусством представлений.<...>

26-28 октября [1966 г.]

<Размышления автора о параллелях между Грузией и Подунавьем, анализ материалов по архитектурному декору Сербии и Македонии.>

Здесь мы найдем весь основной репертуар мотивов арабо-иранского и византийского искусства, переведенный в Сербию и на Русь. Уж больно много мотивов орнаментальных росписей Сербии и Македонии совпадает в своем начертании, до мелочей, с орнаментами на фресках грузинских храмов. <...> Напрашивается даже вопрос: что это? След армянской колонизации, начало которой падает на V–VII вв., активизируется арабским (VII–IX вв.), а затем сельджукским владычеством, когда большое число армян выселилось в Малую Азию, на Балканы в Галицию, Молдавию, Венгрию и т.д., но также в Киев, Львов, в Крым? Такого рода прямые влияния не исключены, но роль их второстепенна. Думаю, что здесь и там преобладало участие более мощного источника. Излучению его через посредство церкви, ее догм, а также благодаря связям в художественном ремесле обязаны в равной степени – и Запад, и Русь, и Балканы. Переносчиком схожих мотивов в искусстве были, прежде всего, рукописи с рисунками – евангелия и псалтыри. Многие из них восходят к восточным прототипам, получившим местную переработку.

<Далее в тексте путевых записок – размышления автора о связях, взаимосвязях и влияниях в искусстве.> Школа и стиль искусства не растворялись благодаря обилию контактов и связей. Нет, они выходили всеми своими достижениями на арену мировой культуры, оказывали друг на друга сильнейшее влияние: и растворялось только то, что не имело за собой прочной основы, искусство немоющее, слабое. Укреплялось и приобретало право сильного то искусство, которое, исходя из собственных традиций, лучше перерабатывало усвоенное, умножая тем арсенал своих средств и показывая способность ширить свое влияние, вовлекать в орбиту своего движения и другие школы.

sus that is displayed through that, say, a Penjikent clay relief with marine scenes and now marine scenes in the paintings of Samarqand have been given no any stylistic explanation, and that the situation requires participation of specialists of art of Minor Asia, the Mediterranean, and the Caucasus where such themes took place.

The listeners' attitude was the most attentive, sympathizing, thankful.

<In pre-antique times, there was no gap between the East and the West that appeared later. The Mediterranean itself experienced something that lasted so long in the East. The archaic period produced similar results elsewhere though the degrees of art mature were different, and style qualities and traits of art were established before art acquired its "self-value" having crystallized out of other concepts "syncretically" linked with the art.<...>

October 26-28, 1966

<The author thinks of parallels between Georgia and the Dunabe region, analyzes material regarding the architectural decor of Serbia and Macedonia.>

Here we'll find the whole repertoire of motifs of Arab-Iranian and Byzantine art shifted to Serbia and Russia. Too many motifs of ornamental paintings of Serbia and Macedonia coincide, in every detail of drawing, with ornaments at frescoes of Georgian temples.<...> A question arises: what is it? Is it a trace of Armenian colonization that takes it beginning from the 5th-7th centuries and then is intensified first by the Arab (the 7th-th 9th centuries) and then by the Seljuk rule when a great number of Armenians settled in Minor Asia, the Balkans in Galisia, Moldova, Hungary, etc. but also in Kiev, Lvov and the Crimea? Direct influences of such sort are not ruled out; however, their role is of second importance. I think that participation of a stronger source prevailed here and there. The West, Russia, and the Balkans - all are equally obliged to study it through the church and its dogmas, as well as thanks to links in the artistic handicraft. Primarily, illustrated manuscripts - gospels and psalmbooks - were the carriers of similar motives in art. Many of them ascend to Oriental prototypes that were processed in local conditions.

<Further the travel notes contain the author's suggestions on links, mutual links and influences in art.> The school and style of art did not vanish due to the abundance of contacts and ties. On contrary, with all their achievements they entered the arena of world culture, provided a strongest possible influence one on another; only the art that had no solid basis, i.e. weak art vanished. Getting stronger and acquiring the sword

Собственно на этом и заканчивается мой отчет о поездке 1966 года в Махач-Кала – Тбилиси. Ввиду истечения срока командировки намеченную вначале поездку еще и в Баку переношу на будущий год, когда в мой маршрут, хочу надеяться, войдет и Эриван.

Подведу итог.

Что же дала нынешняя поездка для разработки темы «Искусство Руси и Восток»?

Она дала, во-первых, собственные наблюдения и выходы, сделанные автором на свежем музейном материале.

Во-вторых, обилие снятых автором фотографий музейных предметов, рисунков, репродукций из редких изданий или отсутствующих в Ташкенте книг. В-третьих, личные контакты с учеными Дагестана и Грузии, закрепленные двумя прочитанными мной научными докладами – в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии Наук и в Институте истории грузинского искусства Академии Наук.

Оба названных института проявили большой интерес к научным исследованиям нашего <Ташкентского> Института искусствознания. Они просят наш Институт практиковать подобный обмен докладами, научной информацией и в дальнейшем. Они приглашают нас участвовать в предпринимаемых ими маршрутных поездках на памятники в предстоящем 1967 году – по любой интересующей нас тематике и в любой приемлемой для нас форме.

Ташкент – Махачкала – Тбилиси.
9-28 октября 1966 г.

Вновь и вновь на протяжении жизни возвращаясь к этой теме, Л.И. Ремпель незадолго до своей смерти отмечал:

«...каждый раз ощущал себя пигмеем, стоящим перед колоссом, имя которому История. А ведь предметом моих занятий была, казалось бы, частная тема “История Руси и Восток”. Тема-то частная, но за ней – громада культурной жизни Евразии на протяжении нескольких тысячелетий»⁹.

¹ **Арапов А.В.** О проблеме сакрального в искусстве Средней Азии. Доклад на научной конференции «Национальное достояние и художественная культура Узбекистана». Институт искусствознания Академии художеств РУз. Ташкент, 2004.

² **Чухович Б.** Ремпель: научное имя в культурном контексте // Эпоха. № 3. С. 100. Ташкент, 2009.

³ **Архив ГМВ.** Личный архив В.Г. Долинской: коробка № 2.

⁴ **Ремпель Л.И.** Мои современники (20–80-е годы). С. 234-243. Ташкент, 1992.

law was the art that, proceeding from its own traditions, better converted what it inherited into the habit and thus increased the arsenal of its means and showed its ability to expand its influence, involve other movements and schools onto its orbit.

As a matter of fact, this is the end of my report about a trip to Makhachkala and Tbilisi in 1966. As far as the term of my working trip has been expired, I'd like to put off a trip to Baku that I planned in beforehand for the next year when, I hope, Erivan will also be on my route.

Now I'd like to summarize.

What did the current trip contribute to development of the theme “The Art of Russia and East?”

First, it gave the author's own observations and conclusions based upon fresh museum material.

Second, it provided abundance of the author-photographed museum items, drawings and reproductions from rare books or books absent in Tashkent.

Third, it covered my personal contacts with scientists of Dagestan and Georgia strengthened by two scientific reports I read at the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan Branch of the Academy of Sciences and at the Institute of History of Georgian Arts of the Academy of Sciences.

Both Institutes above displayed a great interest in the scientific research works carried out by our <Tashkent> Institute of Art History. They ask our Institute to practice such an exchange of reports, scientific information further. They invite us to partake in them-initiated route trips to monuments in the forthcoming year, 1967 to cover any theme of our interest and in every form acceptable for us.

Tashkent-Makhachkala-Tbilisi.
October 9-28, 1966

Returning to this theme again and again, L. I. Rempel noted not long before he died:

«...every time I felt myself a pygmy standing in front of a colossus named History. And note that the subject of my studies was, as it seemed, a private theme titled “The History of Russia and East”. The theme is private but it hides the bulk of Eurasia's cultural life over several millennia»⁹.

¹ **Arapov A.V.** O probleme sakral'nogo v iskusstve Sredney Azii. Doklad na nauchnoy konferentsii “Natsional'noe dostoyanie i khudozhestvennaya kul'tura Uzbekistana”. Institut iskusstvovznaniya Akademii khudojstv RUz. Tashkent. 2004.

² **Chukhovich B.** Rempel': nauchnoe imya v kul'turnom kontekste

⁵ **Ремпель Л.И.** Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема. К Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана (ротапонт). Ташкент, 1969; **Ремпель Л.И.** Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. С. 212-254. М., 1978; **Ремпель Л.И.** Мои современники (20-е – 80-е годы). С. 206-233. Ташкент, 1992.

⁶ **Чухович Б.** Ремпель: научное имя в культурном контексте // Эпоха. № 3. С. 94. Ташкент, 2009.

⁷ О причинах этого см.: **Ремпель Л.И.** Мои современники (20-е – 80-е годы). С. 215-218. Ташкент, 1992.

⁸ Будучи ограничены объемом статьи, мы не имеем возможности привести архивный текст полностью. Поэтому угловыми скобками отмечены пропуски в тексте; помимо этого, в угловых скобках автором настоящей публикации дается краткая характеристика тех фрагментов текста, которые в публикацию не включены. В архивном тексте сохранены написание имен собственных и географических названий, а также стиль и сокращения Л.И. Ремпеля.

⁹ **Ремпель Л.И.** Мои современники (20– 80-е годы). С. 215. Ташкент, 1992.

// Эпоха. № 3. С. 100. Ташкент. 2009.

³ **Архив GMV.** Lichniy arkhiv V.G. Dolinskoy: korobka № 2.

⁴ **Rempel' L.I.** Moi sovremenniki (20– 80-e godi). S. 234-243. Tashkent. 1992.

⁵ **Rempel' L.I.** Iskusstvo Rusi I Vostok kak istoriko-kul'turnaya I khudozhestvennaya problema. K Vsesoyuznoy konferentsii po iskusstvu I arkheologii Irana (rotaprint). Tashkent. 1969; **Rempel' L.I.** Iskusstvo Srednego Vostoka. Izbrannie trudi po istorii i teorii iskusstv. S. 212-254. M., 1978; **Rempel' L.I.** Moi sovremenniki (20–80-e godi). S. 206-233. Tashkent. 1992.

⁶ **Chukhovich B.** Rempel': nauchnoe imya v kul'turnom kontekste // Эпоха. № 3. С. 94. Ташкент. 2009.

⁷ For reasons of this, see **Rempel' L.I.** Moi sovremenniki (20-e – 80-e godi). S. 215-218. Tashkent. 1992.

⁸ According the page limitations of articles, we can't translate full text archiveto English. Therefore, with brackets marked omissions in the texts, in addition, in brackets the author of this publication provides a brief description of those parts of the text that are not included in the publication. In archival text stored writing proper names and geographical names, as well as style and abbreviations L.I. Rempel.

⁹ **Rempel' L.I.** Moi sovremenniki (20–80-e godi). S. 215. Tashkent. 1992.

КОНФЕРЕНЦИИ CONFERENCES

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДО, ВО ВРЕМЯ И
ПОСЛЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»
12-14 СЕНТЯБРЯ 2013 г., САМАРКАНД, УЗБЕКИСТАН**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“CULTURAL TRANSFER IN CENTRAL ASIA: BEFORE, DURING AND AFTER THE SILK ROAD”
SEPTEMBER 12-14, 2013, SAMARKAND, UZBEKISTAN**

12-14 сентября 2013 г. в Самарканде состоялась международная конференция «Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути».

Продолжая серию международных коллоквиумов, традиционно организуемых МИЦАИ для исследования различных аспектов истории «шелковых» трансконтинентальных магистралей, эта конференция была, однако, организована под эгидой двух научных структур. Помимо МИЦАИ, в выработке концепции, организации конференции и публикации её материалов принял участие исследовательский консорциум «Labex TransferS», представляющий такие ведущие научные учреждения Франции как Национальный центр научных исследований Франции (CNRS), Высшая нормальная школа (ENS) и Коллеж де Франс (Collège de France), при участии Швейцарского национального фонда научных исследований (SNF/FNS)¹.

***

Будучи одной из составляющих обширной программы «TransferS», инициированной Мишелем Эспанем несколько лет тому назад, данная конференция не ставила себе целью привнести радикально новое, решающее, слово в разработку всего ансамбля центральноазиатских проблематик, хотя от всех приглашенных исследователей ожидалось и новые данные, и новые интерпретации.

Цель была иной. Она коррелировалась тем, что одна из основных характеристик центральноазиатских культур определяется географическим расположением региона на перекрестке / пересечении / стыке различных историко-культурных ареалов и крупных трансконтинентальных магистралей: то в сердце, то на периферии мировых империй. Центральная Азия представляет собой идеальную «контактную зону» в «длительном времени». Здесь константно, но согласно

An international conference titled “Cultural Transfer at the Crossroads of Central Asia: Before, During and After the Silk Road” was held on September 12-14, 2013 in Samarqand.

In continuation of the series of international colloquiums traditionally organized by the IICAS to scrutinize various aspects of the history of «silk» transcontinental arteries, the conference was, nevertheless, organized under the aegis of two scientific structures. Greatly contributing, together with the IICAS, to the development of concept, organization of the conference and publication of its materials was a research consortium “Labex TransferS” representing leading scientific institutions of France – the National Center of Scientific Studies (CNRS), Higher Normal School (ENS) and Collège de France with the participation of the Swiss National Fund of Scientific Studies (SNF/FNS)¹.

***

As one of the essential components of Michel Espagne-initiated “TransferS” program, the conference pursued no aim to suggest an absolutely new, closing concept of the development of the Central Asian questions, though new data and interpretations were expected to be suggested by the invitees.

The purpose was different and dependent upon the fact that one of the generic aspects of Central Asian cultures is accounted for by geographical location of the region at the crossroads of various historical-cultural areas and large transcontinental arteries, whether a center or a periphery of world empires. Central Asia is an ideal “contact zone” and “long-continued expanse”. According to historical scenario, the region has been subject to semantic changes in the meaning of separate elements of “confronting” cultures, their re-formulations, consecutive “translations” increasingly different from original to thus create new texts, images, practices or artifacts. It was the contacts between

различным сценариям, происходили и происходят семантические изменения смысла отдельных элементов разных «сталкивающихся» здесь культур, их переформулировки, последовательные многочисленные «переводы», все более отдаляющиеся от оригинала с тем, чтобы создать новые тексты, образы, практики или артефакты. Попадают ли в рамки анализа контакты Александра Македонского со скифами, согдийцев с китайцами или арабами, узбеков с таджиками или иранцами, а позднее с русскими и европейцами, избранный культурно-географический ареал воспроизводит очень сложную стратификацию трансфера как в синхронном, так и в диахроническом срезе. Эта непростая стратиграфия, подразумевающая многовекторные, нелинейные взаимодействия, сделала регион еще более привлекательным для «проверки» теории «культурного трансфера» в важный момент ее выхода за сугубо «западные» рамки, в которых она ранее помогла немного лучше понять процесс кристаллизации современной Европы².

Таким образом, отталкиваясь от предшествующих работ, проанализировавших детально, на эмпирическом уровне, многие феномены центральноазиатской истории, настоящая конференция ставила себе целью проверить жизнеспособность интеллектуальных конструкций и моделей этой теории на новом для нее неевропейском материале.

До настоящего времени теоретическое осмысление «культурного трансфера» практически не выходило за круг европейских, включая российскую, культур, хотя отдельные элементы этого типа анализа уже неоднократно использовались археологами для изучения центральноазиатского материала³. Расширяя первоначальную европоцентристскую ориентацию, данная конференция дала возможность протестировать методологические подходы «культурного трансфера» и эффективность его базовых понятий (пути перемещения, проводники, переводчики, инновации, освоение «нового», присвоения, семантические сдвиги и т.д.) на материале Центральной Азии, которая в данном сборнике включает в основном постсоветское среднеазиатское пространство и соседствующие с ним территории Сибири, Синьцзяна, Афганистана, Ирана и Азербайджана.

Эта попытка применения теории «культурного трансфера» к анализу истории центральноазиатского региона отличается своей структурой от предшествующих исследований, осуществленных в этом направлении. Не ограничивая себя отдельным историческим периодом или некими локальными рамками (будь то

Alexander the Great and Scythes, between Sogdians and Chinese or Arabs, Uzbeks and Tajiks or Iranians, and later on between Russians and Europeans that predetermined the reproduction by the cultural-geographical area of the very complicated stratigraphy of transfer, both synchronously and diachronically. With its multi-vector non-linear interchanges, this complex stratigraphy made the region more attractive for testing a theory of “cultural transfer” at the moment of its overrunning purely “western” limits where it helped previously to better understand the process of crystallization of modern Europe².

Thus, departing from previous works that empirically scrutinized many phenomena of the Central Asian history, the conference set an aim to verify the viability of intellectual constructions and models of the theory on the basis of the new European material.

Until recently the theoretical comprehension of “cultural transfer” has not gone beyond the scope of European cultures, including the Russian culture, even despite the fact that some elements of such an analysis have repeatedly been used by archives for studying Central Asian materials³. In an attempt to expand initially Europe-centric orientation, the conference made it possible to verify methodological approaches of “cultural transfers” and effectiveness of its basic definitions (ways of movement, conductors, translators, innovations, mastering of “the new”, impropriation, semantic shifts, etc.) by Central Asian materials. Note that the point is largely about the post-Soviet Central Asian expanse and contiguous territories of Siberia, Xinjiang, Afghanistan, Iran and Azerbaijan.

The attempt of applying the theory of “cultural transfer” in relation of the analysis of the history of Central Asian region is structurally different from previous studies on the subject. Not bounded by a specific historical period or local frames, whether national or ethnic, and declining from adopting a leading role of a certain “center”, the conference summarized some aspects of the subject in

национальные или этнические) и отказываясь признавать а priori за неким «Центром» ведущую роль, конференция собрала воедино для обсуждения ряд тем в перспективе «длительного» исторического времени. Не стремясь охватить все аспекты центральноазиатской истории, ее целью было выделение географически важных культурных зон и поворотных моментов трансфера, приведших к переосмыслению и переформулировке исходных данных в процессе перехода от одного культурного контекста к другому. Иными словами, особое внимание в первую очередь было уделено анализу различных семантических сдвигов, а не только реконструкции политических и культурных программ очередных захватчиков.

Подобная постановка вопроса не ограничила дисциплинарное поле анализа (т.к. в центральноазиатском контексте понимание феномена «культурного трансфера» невозможно в рамках одной дисциплины), но потребовала согласования различных специализаций. Археология, история, антропология, история искусства и кинематографии, история религий и философии, лингвистика и литературоведение дополняют друг друга, будучи рассмотрены через призму теории «культурного трансфера», которая оперирует всем комплексом культур, обращаясь одновременно к истории гуманитарных знаний и истории науки, которые позволили распознать эту динамику.

Та же логика просматривается и в хронологическом диапазоне конференции. Представляемый корпус исследований является не просто аморфной массой, связанной исключительно абстрактным принципом общей территориальной привязки, а ансамблем, который дает возможность в «длительном времени» и на основе самых различных материалов определить значимость теории «культурного трансфера» и возможный – оптимальный – диапазон ее применения.

Логичным в этом контексте был и состав участников – 36 исследователей, представляющих научные учреждения Узбекистана, Франции, Швейцарии, России, Италии, Англии, Ирана, Кореи, Азербайджана и Таджикистана.

***

Исходя из вышесказанного, представленные исследования были объединены в ряд взаимосвязанных блоков, которые, отдавая дань существующей традиции и облегчая восприятие всего ансамбля в соответствии с доминирующим принципом узко-специализированного научного знания, сгруппированы по хронологическому принципу.

terms of “long-lasting” historical period. It did not seek to embrace all aspects of the Central Asian history but focused on identification of geographically significant cultural zones and turning points of transfer that led to the rethinking and reformulation of source data in the course of transition from one cultural context to another. In other words, a special emphasis was, in the first turn, laid on the analysis of various semantic displacements, not only the reconstruction of political and cultural programs of another invaders.

Such a statement of the question did not restrain a disciplinary sphere of analysis – the phenomenon of “cultural transfer” in the Central Asian context cannot be conceived within the framework of one discipline only – but instead called for harmonization of different specializations. Archaeology, history, anthropology, histories of art and cinematography, histories of religions and philosophy, linguistics and literary criticism are mutually complementary in terms of the theory of “cultural transfer” that operates with all the complex of cultures, including the histories of humanitarian knowledge and sciences that enabled to identify this dynamics.

The same logic is echoed in chronological range of the conference. Research issues are not a mere amorphous mass based on common territorial principle; it is an ensemble that makes it possible to identify significance of the theory of “cultural transfer” in the “long haul” and probable scope of its application on the basis of varied materials.

From this standpoint, the composition of its participants was logic as well. Attending the conference were 36 researchers from Uzbekistan, France, Switzerland, Russia, Italy, England, Iran, Korea, Azerbaijan and Tajikistan.

***

Hence, the chronologically grouped research works

Первый блок был представлен рядом реконструкций «культурного трансфера», начиная с доисторического времени до соградской эпохи (X тыс. до н.э. до IX в. н.э.). Опираясь на археологические материалы, иконографию и литературные источники, объединенные здесь исследования как подтверждают многочисленные трансферы в Центральной Азии в этот период, так и показывают неоднократные случаи «отказа» от трансфера.

Второй блок был сконцентрирован на анализе механизмов «трансферов», происходивших в эпоху главным образом средневековья (с VIII по XV вв. н.э.) в области литературы, религии, искусства, на выявлении особой роли посредников или проводников этих трансферов, как одушевленных (ученые, поэты, философы, пленные), так и неодушевленных (книги, петроглифы).

Третий блок, посвященный формированию научно-го дискурса в отношении Центральной Азии в XIX-XX вв., был объединен вокруг нескольких опорных точек: переосмысление изучения китайского Туркестана и южной Сибири германскими или германско-русскими исследователями; различные грани процесса формирования интереса к Центральной Азии (путешественники – коллекционеры и литераторы –, художественные критики); попытки пересмотра устоявшихся научных концепций, в том числе и концепта «Великого шелкового пути».

Четвертый блок, связанный с проблематикой привнесенной «извне» модернизации и видением / адаптацией её «изнутри», был посвящен анализу сложных процессов, развернувшихся в период с XIX по XXI вв., во время существования Центральной Азии в рамках Российской империи и Советского Союза и в первые десятилетия после обретения независимости центральноазиатскими государствами. Основное место заняли здесь вопросы адаптации нового, сознательного (пере-) формулирования образа Центральной Азии в колониальной и постколониальной ситуации, взаимодействия между центром и периферией в их динамичной перестановке и переоценке, перипетии в установлении диалога между специалистами – представителями различных научных сообществ и институциями.

* * *

Итогом конференции явился сборник научных статей⁴, в котором представлены результаты совместных размышлений о возможностях методологических подходов «культурного трансфера» на примере Центральной Азии. В несколько расширенном и видоизмененном виде сборник будет опубликован в 2015 г. на француз-

were united into a sort of mutually related blocks that paid tribute to the existing tradition and made perception of the whole ensemble easier to comply with a dominating principle of narrow specialized scientific knowledge.

The first block was represented by a number of reconstructions of “cultural transfer”, starting from the prehistoric period to the Sogdian epoch (10 millennium B.C. to 9 A.D.). Based on archaeological materials, iconography and literary sources, the research works are indicative of numerous transfers in the Central Asia and at the same time refer to repeated cases of refusal from transfers.

The second block was concentrated on the analysis of «transfer» mechanisms mainly in the Middle Ages (8 to 15th centuries) in the field of literature, religion, art; on identification of the role of mediators or bearers of these transfers, both animate (scholars, poets, philosophers) and inanimate (books, petroglyphs).

The third block dealt with formation of scientific discourse of the Central Asia in the 19-20 centuries. It was united around some reference points, including the reinterpretation of Chinese Turkestan and South Siberian studies by German or German-Russian researchers; various aspects of interest in Central Asia (travelers – collectors, literary men and art critics); attempts to revise scientific conceptions, including of the Silk Road.

Related to themes brought from outside, updating and adaptation from inside, the fourth block scrutinized complex processes in the 19-20th centuries when Central Asia was a part of the Russian Empire and later on of the Soviet Union, as well as in the first decades of independence. The point here is about adaptation of the new, deliberate reinterpretation of the image of Central Asia in the colonial and post-colonial periods, interrelations between the center and periphery in their dynamic rearrangement and reappraisal, peripeteia and dialogue between specialists – representatives of various scientific communities and institutions.

* * *

The conference was over by presenting collected articles⁴ that provided results of joint reflections about potentialities of methodological approaches of «cultural transfer» by example of Central Asia. An enlarged and updated version of the collected works will be published in 2015 in French by Vendémiaire (Paris).

The maiden step on this track – theorization at the junction of empirical studies and broader intellectual comprehension (in particular, synthesis of the work done) – is expected to draw new parallels with identical types of

ском языке в издательстве Vendémiaire (Париж).

Сделав лишь первый шаг в данном направлении, задуманная теоретизация, выстроенная на стыке эмпирических исследований и более общего интеллектуального осмысления (в частности, синтеза уже проделанных работ), позволит провести новые параллели с аналогичными типами трансфера в иных культурных регионах и окончательно выведет теорию «культурного трансфера» за узкоевропейские рамки.

¹ Организаторами конференции выступили Шаин Мустафаев (МИЦАИ–IICAS, Самарканд), Мишель Эспань (Michel Espagne, исследовательский консорциум «Labex TransferS», научная группа «Германские страны: история, культура, философия [UMR 8547: «Pays Germaniques: Histoire, Culture, Philosophie»], CNRS-ENS, Париж), Светлана Горшенина (Швейцарский национальный фонд научных исследований - SNF/FNS, Университет Манчестера и Университет Лозанны), Клод Рапэн (Claude Rapin, научная группа «Археология и филология Востока и Запада» [UMR 8546 AOROC], CNRS-ENS, Париж) и Франц Гренэ (Frantz Grenet, Collège de France, Париж).

² Теория «культурного трансфера» зародилась в середине 1980-х гг. в контексте развития французской германистики и касалась, изначально, двух стран – Франции и Германии. Сформулированная на материале филологических и литературоведческих исследований с начала 90-х гг. нашего столетия, эта теория стала применяться

transfer in other cultural regions and thus lead the theory of “cultural transfer” out of narrow European framework.

¹ The conférence was organised by Shahin Mustafayev (IICAS, Samarqand), Michel Espagne (research consortium «Labex TransferS», research group «German Countries: History, Culture, Philosophy [UMR 8547: «Pays Germaniques: Histoire, Culture, Philosophie»], CNRS-ENS, Paris), Svetlana Gorshenina (Swiss National Fund of Scientific Studies - SNF/FNS, University of Manchester and University of Lausanne), Claude Rapin (scientific group «Archaeology and Philology of the East and the West» [UMR 8546 AOROC], CNRS-ENS, Paris) and Frantz Grenet (Collège de France, Paris).

² The theory of «cultural transfer» arose in mid-1980s in terms of the development of French Germanic studies and initially concerned the two countries – France and Germany. Based on philological and literary studies of the earlier 1990s, the theory was used for analysis of multi-vectoral situations on a broader historical and geographical background that included various political and cultural interrelations on Europe’s territory (France, Germany, Russia, Italy; English-speaking countries, as well as those of Middle and Eastern Europe). The method involved extension of humanitarian disciplines – from the history, histories of art, architecture and urbanistics to the history of science. For details see: Michel Espagne, Michael Werner (éd.), *Transferts. Les relations interculturelles dans l’espace franco-allemand (XVIIIe-XIXe siècles)*, Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1988; Katia Dmitrieva, Michel Espagne (éd.), *Transferts culturels triangulaires. France-Allemagne-Russie*, Paris: Edition de la MSH, 1996; Michel

для анализа многовекторных ситуаций на более широком историческом и географическом фоне, включившем в себя различные политические и культурные взаимосвязи на территории всей Европы (Франция, Германия, Россия, Италия, англоязычные страны, страны Средней и Восточной Европы). Эффективность метода повлекла за собой расширение круга гуманитарных дисциплин – от истории, истории искусства, архитектуры, урбанистики до истории науки. Более подробно см.: Michel Espagne, Michael Werner (éd.), *Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe-XIXe siècles)*, Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1988; Katia Dmitrieva, Michel Espagne (éd.), *Transferts culturels triangulaires. France-Allemagne-Russie*, Paris: Edition de la MSH, 1996; Michel Espagne, *Les transferts culturels franco-allemands*, Paris: PUF, 1999; Ekaterina Дмитриева, «Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность?», *Вопросы литературы*, № 4. Журнальный зал в РЖ [Электронный ресурс]. Русский журнал, 2011, URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>.

³ В частности, в течение уже длительного времени археологи наблюдают взаимодействия между различными культурами, констатируя многоуровневые встречи и трансформации между классическим миром и его периферийными областями. Для более ранних этапов теория «культурного трансфера» была недавно апробирована Фредерик Брюнэ (Frédérique Brunet): *Transferts et interactions dans la très longue durée en Asie centrale et méridionale*: http://www.reseau-asie.com/userfiles/file/a02_brunet_diffusions_techniques_cultures.pdf

⁴ См. полную электронную версию сборника: https://www.academia.edu/4500105/Cultural_Transfers_in_Central_Asia_before_during_and_after_the_Silk_Road_co-edited_with_Shahin_MUSTAFAEV_Michel_ESPAGNE_Svetlana_GORSHENINA_Claude_RAPIN_Amridin_BERDIMURADOV_Frantz_GRENET_Paris-Samarkand_IICAS_2013_312_p

Светлана Горшенина

Espagne, *Les transferts culturels franco-allemands*, Paris: PUF, 1999; Ekaterina Dmitriyeva, «The Theory of Cultural Transfer and a Comparative Method in Humanitarian Studies: opposition or continuity?», *Вопросы литературы*, № 4. Журнальный зал в РЖ [Электронный ресурс]. Русский журнал, 2011, URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>

³ In particular, architects have for long time been encountered interactions between various cultures, testifying to multi-level meetings and transformations between the classical world and its peripheral spheres. As for earlier stages, the theory of «cultural transfer» has recently been approved by Frédérique Brunet: *Transferts et interactions dans la très longue durée en Asie centrale et méridionale*: http://www.reseau-asie.com/userfiles/file/a02_brunet_diffusions_techniques_cultures.pdf

⁴ See. Complete E-mail version of the collected works: https://www.academia.edu/4500105/Cultural_Transfers_in_Central_Asia_before_during_and_after_the_Silk_Road_coedited_with_Shahin_MUSTAFAEV_Michel_ESPAGNE_Svetlana_GORSHENINA_Claude_RAPIN_Amridin_BERDIMURADOV_Frantz_GRENET_ParisSamarkand_IICAS_2013_312_p

Svetlana Gorshenina

СУБРЕГИОНАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА ПО ПРОЕКТУ ЮНЕСКО/ ЯПОНСКОГО ТРАСТОВОГО ФОНДА

UNESCO/JAPANESE TRUST FUND PROJECT SUBREGIONAL MEETING

4-5 декабря 2013г. в Ташкенте (Узбекистан) состоялась заключительная встреча в рамках проекта ЮНЕСКО/ Японского трастового фонда «Поддержка стандартов и процедур документирования Серийной и транснациональной номинации Шелковых путей в Центральной Азии для включения в Список всемирного наследия». Форум был организован Центром всемирного наследия и Представительством ЮНЕСКО в Узбекистане при тесном сотрудничестве с Министерством по делам культуры и спорта Узбекистана и Институтом изобразительных искусств АН РУз. С приветственным выступлением к участникам и гостям обратились г-н Мансуров Равшан – начальник ГлавНПУ по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Узбекистан, г-н Асамура Такао – секретарь посольства Японии в Узбекистане, г-н Олимов Кароматулла – вице-президент АН Республики Таджикистан, г-н Мустафаев Шаин – директор Международного Института центральноазиатских исследований, Лин Роланд – Центр Всемирного наследия ЮНЕСКО.

A final meeting within the framework of UNESCO/ Japanese Trust Fund Project “Support for Standards and Procedures of Documentation of Serial and Transnational Nomination of Silk Road in the Central Asia to put on the List of the World Heritage” was held on December 4-5, 2013 in Tashkent (Uzbekistan). The meeting was arranged by the World Heritage Center and the UNESCO Office in Uzbekistan in close association with the Ministry of Culture and Sport of Uzbekistan and the Institute of Fine Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Words of welcome were addressed to participants and guests by Mr. Ravshan Mansurov, a head of the department of protection and conservation of cultural heritage objects of the Republic of Uzbekistan; Mr. Asamura Takao, a secretary of the Japanese Embassy to the Republic of Uzbekistan; Mr. Karomatulla Olimov, a vice-president of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; Mr. Shahin Mustafayev, a director of the International Institute of Central Asian Studies; Lin Roland, UNESCO World Heritage Center.

На форуме рассматривались методы документирования, совместные подходы, а также инициативы по номинации, выдвинутые сторонами-государствами региона в Список всемирного наследия Шёлкового пути. Была дана оценка межгосударственному/международному процессу развития в области номинации и консервации по предложенным объектам в пределах коридоров наследия, а также определены эффективные пути продвижения и будущих инициатив для всех заинтересованных сторон.

На секционных заседаниях выступили глава Регионального отдела по окружающей среде Ямаучи Казуя, научный сотрудник Национального Исследовательского института Абе Масашаи, (Япония), заместитель директора Международного Центра Консервации Тиан Гонг (Китай), проф. Уилиамс Тим (Великобритания), Она Вилейкис (Бельгия), а также научные эксперты и ведущие специалисты из стран Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. В итоговой части встречи была произведена оценка потенциальных задач и потребностей на следующей фазе, обсужден и утвержден план действий по номинации объектов культурного наследия региона для включения в Список всемирного наследия.

The forum examined methods of documentation, joint approaches, nomination initiatives as set forth by Silk Road world heritage states. It appreciated inter-state/international development processes in nomination and conservation of selected objects within the framework of heritage corridors, as well as identified effective ways of realization of future initiatives for all the parties concerned.

Addressing section meetings were Mr. Yamauchi Kazuya, a head of regional department for environmental control; Abe Masashi (Japan), a researcher of the national research institute; Tiang Gong (China), a deputy director of the International Conservation Center; Prof. Williams Tim (Great Britain); Ona Vileykis (Belgium), as well as scientific experts and leading experts from Central Asian countries, including Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Finally, the meeting evaluated potential tasks and challenges at the next stage, discussed and approved a plan of actions to nominate objects of cultural heritage of the region to be included in the World Heritage List.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (МИЦАИ)

PRESENTATION OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS OF THE INTERNATIONAL INSTITUTE FOR CENTRAL ASIAN STUDIES (IICAS)

17 декабря 2013 г. в Государственном Музее истории Темуридов состоялась презентация научных изданий Международного Института Центральноазиатских исследований (МИЦАИ) за 2008-2013 гг.

Международный институт Центральноазиатских исследований официально учрежден в 1995 г. и считается центром ЮНЕСКО категории 2. Странами-членами МИЦАИ являются Азербайджан, Иран, Казахстан, Китай, Республика Корея, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Турция, Узбекистан. Международный Институт Центральноазиатских исследований расположен в Самарканде.

Основная цель МИЦАИ – привлечь внимание мирового сообщества к решению проблем историко-культурного развития Центральной Азии и укрепить сотрудничество местных ученых и их коллег за рубежом посредством много дисциплинарного изучения

A presentation ceremony of scientific publications of the International Institute of Central Asian Studies (IICAS) for 2008-2013 was held on December 17, 2013 at the State Museum of Timurides History.

The International Institute of Central Asian Studies was officially founded in 1995 and is a UNESCO center category 2. IICAS member-countries are Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, China, Republic of Korea, Kyrgyzstan, Pakistan, Tajikistan, Turkey, and Uzbekistan. The International Institute of Central Asian Studies is headquartered in Samarqand.

Primary objective of the IICAS is to attract world community's attention to the questions of historical-cultural development of the Central Asia and expand collaboration between local scholars and their colleagues abroad by means multidisciplinary study of the region. Main IICAS directions provide for scientific research into historical

региона. Главные направления деятельности МИЦАИ предусматривают научное изучение исторического и культурного наследия Центральной Азии, содействие ЮНЕСКО в осуществлении программ по Великому Шелковому пути и Центральной Азии, проведение конференции и семинаров по проблемам историко-культурного наследия Центральной Азии, публикация научных книг и журналов (на русском и английском языках).

В течение более 15 лет функционирования Институтом реализовано 15 масштабных международных научных проектов, связанных с многодисциплинарным изучением центральноазиатского региона. В том числе и такие, как «Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана в IX-XIV вв.», «Выдающиеся археологические памятники Центральной Азии на Шелковом пути», «История Центральной Азии в рукописном и документальном наследии», «Социальная и культурная реформация в Центральной Азии на Кавказе в XIX-начале XXв.», «Историческая картография Центральной Азии» и другие.

МИЦАИ организовано более 18 международных и региональных научных конференций и теоретических семинаров: «Культуры и цивилизации Центральной Азии в единстве и многообразии», «Культура народов Центральной Азии на Великом Шелковом пути», «Дорога Страбона, как часть Шелкового пути», «Мирзо Улугбек и его вклад в развитие науки», «Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Шелкового пути», в которых принимали участие ученые из Франции, Германии, Голландии, Великобритании, России, Кореи, Турции, Ирана, Пакистана, Азербайджана, Китая, а также из стран Центральной Азии.

Научные результаты инициированных Институтом проектов опубликованы более чем в 50 изданиях. Заслуживают внимания такие фундаментальные исследования, как «Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана (IX-XV)» в 4 томах, «Выдающиеся археологические памятники на Великовом шелковом пути», «Сюзани: традиционная вышивка Центральной Азии», а также трехтомник «Истории Центральной Азии в османских документах, «Исторический атлас Азии Карла фон Шпрунера», «Каталог документов по истории Центральной Азии из фондов Самаркандского государственного музея истории, искусства и археологии. Регулярно издавался научный журнал «Вестник МИЦАИ – Bulletin of IICAS».

and cultural heritage of the Central Asia, the UNESCO promotion in implementing Great Silk Road and Central Asia programs, conduct of conferences and seminars to discuss questions of historical-cultural heritage of the Central Asia, publication of scientific books and journals in Russian and English languages.

For more than 15 years the IICAS has carried out 15 large-scale international scientific projects related to the disciplinary research into the history of the Central Asian region. These included «Artistic Culture of the Central Asia and Azerbaijan in the 9-14th centuries», «Prominent Archaeological Monuments of the Central Asia on the Silk Road», «The History of the Central Asia in Manuscript and Documentary Heritage», «Social and Cultural Reformation in the Central Asia and the Caucasus, 19-earlier 20th centuries», «Historical Cartography of the Central Asia», etc.

The IICAS hosted upwards of 18 international and regional scientific conferences and theoretical seminars: «Cultures and Civilizations of the Central Asia in Their Unity and Diversity», «Culture of Peoples of the Central Asia on the Great Silk Road», «Road of Strabo as a Part of the Silk Road», «Mirzo Ulugbek and His Contribution to the Development of Science», «Cultural Transfer at the Crossroads of the Central Asia: Before, During and After the Silk Road». These conferences were attended by researchers from Central Asian countries, France, Germany, Holland, Great Britain, Russia, Korea, Turkey, Iran, Pakistan, Azerbaijan, China, etc.

Scientific results of the IICAS-initiated projects have been published in more than 50 editions. Worthy of note are fundamental publications, including «Artistic Culture of the Central Asia and Azerbaijan (9-15th centuries)» in 4 volumes; «Outstanding Archaeological Monuments on Great Silk Road», «Suzani: Traditional Embroidery of the Central Asia», as well as a 3-volume «The History of the Central Asia in Ottoman Documents», «Historical Atlas of Asia by Karl von Spruner», «Catalogue of Documents on the History of the Central Asia//Samarqand State Museum of History, Art and Architecture. Regularly published: «Bulletin of the IICAS».

ИНФОРМАЦИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЦАИ

INFORMATION ON ACTIVITIES OF IICAS

16-Я СЕССИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА МИЦАИ

16 октября 2013 г., Чинджу, Республика Корея

16th SESSION OF THE ACADEMIC COUNCIL OF IICAS

October 16, 2013, Jinju, Republic of Korea

14 октября 2013 года в городе Чинджу, (Республика Корея) состоялся международный экспертный семинар-2013 по Шелковому Пути и Нематериальному Культурному Наследию. Указанное мероприятие проводилось совместными усилиями Международного Информационного и Сетевого Центра по Нематериальному Культурному наследию Стран Азиатско-Тихоокеанского Региона под эгидой ЮНЕСКО (ИЧКАП) и Международного Института Центральноазиатских Исследований (МИЦАИ), а также при организационной поддержке ИЧКАП и Азиатского Института Искусства Танца.

Важность проведения семинара по дальнейшему расширению сотрудничества в рамках мер по обеспечению сохранности нематериального культурного наследия стран, расположенных вдоль Шелкового Пути, обусловлена тем обстоятельством, что из года в год в

The 2013 International Expert Meeting on Silk Road and Intangible Heritage was held on 14 October 2013 in Jinju, Korea. This event was co-hosted by the International Information and Networking Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region under the auspices of UNESCO (ICHCAP) and the International Institute for Central Asian Studies (IICAS) and co-organized by ICHCAP and the Asian Dance Culture Institute.

As interest in intangible cultural heritage in the Silk Road region has been increasing, the seminar was organized to develop future cooperation for safeguarding heritage in the area. This academic seminar focused on reinterpreting the significance of the Silk Road through intangible cultural heritage of the twenty-first century. About one hundred people, including the members of the Academic Council of IICAS and international and national experts attended to share their various experi-

мире растет интерес к указанному выше культурному наследию. Все участники в своих выступлениях подчеркивали необходимость нового подхода к изучению Шелкового Пути в XXI веке. Активное участие в работе семинара принимали около сотни международных и национальных специалистов и экспертов, включая членов Научного Совета МИЦАИ, которые поделились своим опытом и мнениями по обсуждаемым вопросам.

В основном докладе г-на Янг-Пил Квона, профессора Университета Санги, подчеркивалась уникальность и многообразие культурного наследия Шелкового Пути. Выступившие на утренней сессии г-н Шаин Мустафаев, Директор МИЦАИ, и г-н Хи Су Ли, профессор Ханьянгского Университета, представили свою точку зрения на нематериальное культурное наследие Шелкового Пути. На секционных заседаниях обсуждались вопросы, связанные со статусом и осуществлением мер по сохранению нематериального культурного наследия, была подчеркнута важность совместных усилий стран вдоль Шелкового Пути в этом направлении. Г-н Пилхо Пак представил свой проект по региональному сотрудничеству, а также задачи по сохранению культурного наследия региона.

По мнению экспертов, проведение мероприятий, аналогичных международному экспертному семинару-2013 по Шелковому Пути и Нематериальному Культурному

ences and ideas.

The keynote speech addressed by Mr Young-Pil Kwon, visiting professor of Sangji University, emphasized the uniqueness and diversity of Silk Road cultural heritage. In the morning session, Mr Shahin Mustafayev, director of IICAS, and Mr Hee Soo Lee, professor of Hanyang University, gave presentations on the characteristics and development of the Silk Road intangible cultural heritage. In sessions 2 and 3, the status and activities on safeguarding ICH of organizations and case studies were presented. Session 4 concentrated on the cooperation for safeguarding ICH of the Silk Road. Mr Pilho Park gave a presentation on the regional cooperation and policy based tasks for ICH safeguarding of the region.

With organizing the 2013 International Expert Meeting on Silk Road and Intangible Heritage, experts foresee that this can be a positive opportunity to reinforce cooperation in personnel exchange as well as develop a cultural cooperative project between the countries of Central Asia and Korea.

In the framework of the meeting was held 16th Session of Academic Council of IICAS on 16th October 2013.

Following participants attended the 16th session of the Academic Council of IICAS : Mr. Farda Asadov (Azerbaijan), Mr. Chen Xingcan (People's Republic of China), Mr. Morteza Damanpak Jami (Iran), Mr. Karl Baypakov

Наследию, дает возможность расширить сотрудничество в сфере обмена мнениями и разработке совместных культурных проектов стран Центральной Азии и Кореи.

В рамках международной экспертной встречи 16 октября 2013 г. состоялось заседание 16-й Сессии Научного Совета МИЦАИ. В ее работе приняли участие следующие лица г-н Фарда Асадов (Азербайджан), г-н Мортеза Даманпак Джами (Иран), г-н Карл Байпаков (Казахстан), г-н Чен Хинг Сан (Китайская Народная Республика), г-н Хи Су Ли (Республика Корея), г-жа Бакыт Аманбаева (Кыргызстан), г-н Мохаммад Ашраф Хан (Пакистан), г-н Рустам Назаров (Таджикистан), г-н Мехмет Калпаклы (Турция), г-н Шакирджан Пидаяев (Узбекистан), г-жа Криста Пиккат (Глава Представительства ЮНЕСКО в Узбекистане), г-н Шаин Мустафаев (директор МИЦАИ). В качестве наблюдателей присутствовали г-н Сэмюэль Ли (Генеральный директор Международного информационного и сетевого центра по нематериальному культурному наследию по Азиатско-Тихоокеанскому региону под эгидой ЮНЕСКО, ICHCAP, ассоциированный член МИЦАИ), г-н Сеонг-Йонг Пак (заместитель Генерального директора ICHCAP), г-н Унг Йон (Заведующий отделом нематериального культурного наследия Национального исследовательского института культурного наследия Администрации культурного наследия Республики Корея).

На сессии была принята повестка дня:

- 1) Выборы Председателя, Вице-председателя и репортера Научного Совета МИЦАИ
- 2) Уведомление о принятии нового члена Научного Совета МИЦАИ
- 3) Обсуждение вопроса о принятии «Археологического Общества Казахстана» ассоциированным членом МИЦАИ и предложения об учреждении филиала МИЦАИ в Турции.
- 3) Отчет Директора МИЦАИ о выполнении научной программы и бюджета МИЦАИ за 2013 г.
- 5) Рекомендация кандидатуры на пост директора МИЦАИ на 2014-2017 гг.
- 6) Предложение о дате и месте проведения следующей сессии Генеральной Ассамблеи МИЦАИ
- 7) Разное

По первому пункту Повестки дня 16-ая сессия Научного Совета МИЦАИ избрала Бюро в следующем составе: председатель - г-жа Криста Пиккат (Глава Представительства ЮНЕСКО в Узбекистане), заместитель председателя - г-н Мохаммад Ашраф Хан (Пакистан), репортер - г-н Карл Байпаков (Казахстан).

По второму пункту Повестки дня члены Научного Совета единогласно приветствовали г-н Мортезу Даман-

(Kazakhstan), Mr. Hee Soo Lee (Republic of Korea), Mrs. Bakyt Amanbayeva (Kyrgyzstan), Mr. Muhammad Ashraf Khan (Pakistan), Mr. Rustam Nazarov (Tajikistan), Mr. Mehmet Kalpakli (Turkey), Mr. Shakirjan Pidayev (Uzbekistan), Mrs. Krista Pikkat (UNESCO Representative in Uzbekistan, Head of the UNESCO Office in Tashkent), and Mr. Shahin Mustafayev (Director of IICAS). Also present as observers were Mr. Samuel Lee (Director General of International Information and Networking Center for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region under the auspices of UNESCO - ICHCAP, Associate member of IICAS), Mr. Seong-Yong Park (Associate Director of ICHCAP), Mr. Ung Yeon (Cultural Heritage Administration, National Research Institute of Cultural Heritage, Chief of Intangible Cultural Heritage Division, Republic of Korea).

The session adopted the following Agenda:

- 1) Election of President, Vice-President and Rapporteur of the session;
- 2) Notification about a new member of the Academic Council of IICAS;
- 3) Adoption the "Kazakhstan Archaeological Society" as an Associate member of IICAS, and discussion on the proposed establishment of IICAS' branch in Turkey;
- 3) Report of the Director of IICAS on the implementation of the academic program and budget of IICAS for 2013;
- 5) Consideration of candidatures to the position of the director of IICAS;
- 6) Proposals on the date and place of the next session of the General Assembly of IICAS;
- 7) Miscellaneous.

On the agenda item 1 16th session of the Academic Council of IICAS elected the following Bureau: President - Mrs. Krista Pikkat (Head of the UNESCO Office in Tashkent), Vice-President - Mr. Mohammad Ashraf Khan (Pakistan) and Reporter - Mr. Karl Baypakov (Kazakhstan).

On the agenda item 2 the Academic Council unanimously welcomed Mr. Morteza Damanpak Jami (Iran) as a new member of the Academic Council of IICAS.

On the agenda item 3 participants discussed the adoption of the "Kazakhstan Archaeological Society" as associate member of IICAS, as well as the proposed establishment of IICAS' branch in Turkey (city of Kayseri). The representative of Kazakhstan Mr. K. Baypakov and the representative of Turkey Mr. M. Kalpakli made reports on the issues. The participants unanimously endorsed both proposals. The chairperson suggested that the Academic Council may wish to request for more detailed informa-

пак Джами (Иран) в качестве нового члена Научного Совета МИЦАИ.

По третьему пункту Повестки дня участники обсудили вопрос о принятии «Археологического Общества Казахстана» ассоциированным членом МИЦАИ, а также предложение об учреждении филиала МИЦАИ в Турции (г. Кайсери). С сообщениями по данным вопросам выступили представитель Казахстана г-н К.Байпаков и представитель Турции г-н М.Калпаклы. Участники единогласно поддержали оба предложения. Председатель предложила запросить более подробную информацию о деятельности учреждений, желающих стать ассоциированными членами МИЦАИ, для того, чтобы МИЦАИ мог принять более обоснованное решение.

По четвертому пункту Повестки дня г-н Шаин Мустафаев представил обстоятельный доклад о деятельности института за 2013 г., включая финансовый отчет о выполнении бюджета и реализации внебюджетных проектов. Участники обсудили ход реализации научных проектов МИЦАИ, которые должны быть завершены в 2013 г. Поскольку в конце 2013 года истекает 6-летний срок работы на посту нынешнего директора, участникам была представлена также краткая итоговая информация о деятельности института в 2008-2013 гг. Директор института сообщил, что в этот период МИЦАИ реализовал около 15 международных исследовательских проектов, издал более 50 публикаций, организовал 18 международных научных конференций и семинаров. Участники выразили удовлетворение деятельностью МИЦАИ в отчетный период, отметив высокий научный уровень и международное значение проводимых институтом мероприятий и издаваемой научной продукции за все последние годы.

Представитель Азербайджана отметил, что институт достиг больших успехов при относительно скромных административных расходах и предложил рассмотреть возможность увеличения статьи административных расходов в будущем.

Представители ЮНЕСКО и Кыргызстана отметили высокий уровень публикаций МИЦАИ и подняли вопрос о необходимости обеспечения их доставки в основные библиотеки и центры по исследованию Центральной Азии, как в самом регионе, так и за его пределами.

Представитель Казахстана подчеркнул плодотворную работу института в последние годы и отметил важность открытия филиала института в Турции для дальнейшего расширения деятельности МИЦАИ.

Представитель Кыргызстана отметила важный вклад МИЦАИ в успешную реализацию проекта ЮНЕСКО по серийной номинации Шелкового пути, особенно

tion on the activities of institutions wishing to become associate members of IICAS in order for the IICAS to take a more informed decision.

On the Agenda item 4 Mr. Shahin Mustafayev presented the comprehensive report on the activities of IICAS during 2013, including the financial report on the utilization of the Institute's budget and the extra budgetary activities of IICAS. The participants discussed the implementation of research projects of IICAS, which should be completed in 2013. Since the current director's 6-year term in office expires in the end of 2013, a brief summary information on the activities of the Institute in 2008-2013 was also presented to the participants. Director of the Institute informed that during this period IICAS implemented about 15 international research projects, published more than 50 publications, organized 18 international conferences and seminars. The participants expressed their satisfaction with the activities of IICAS during the reporting period, noting the high academic level and international importance of the events held by the Institute and published scientific products for the past years.

The representative of Azerbaijan noted that the institute has achieved great success with relatively modest administrative costs, and suggested considering the possibility of increasing the administrative costs in the future.

Representatives of UNESCO and Kyrgyzstan noted the high level of IICAS' publications and highlighted the need to ensure their delivery to the core libraries and centers for the study of Central Asia, both in the region and beyond.

The representative of Kazakhstan emphasized the fruitful work of the Institute in recent years and noted the importance of establishing a branch of the Institute in Turkey for the further expansion of the IICAS.

The representative of Kyrgyzstan highlighted the important contribution of IICAS to the successful implementation of the UNESCO's Silk Road serial nomination project, especially a key role of the Institute in promoting the nomination of "Penjikent-Samarkand-Paykent" corridor.

The representative of Korea proposed to the members of the Academic Council to actively work with their governments as regards the timely payment of their annual contributions to IICAS.

The representative of Turkey announced the decision of the Government of Turkey to pay off the country's debt to the budget of the Institute in the nearest future.

The participants adopted the report of the Director on the implementation of the academic program and budget of IICAS in 2013 and expressed their gratitude to

ключевую роль института в продвижении номинации по коридору «Пенджикент-Самарканд-Пайкент».

Представитель Кореи обратился к членам Научного Совета с призывом активно работать со своими правительствами для осуществления своевременного ежегодного взноса со стороны стран в бюджет МИЦАИ.

Представитель Турции сообщил о решении правительства своей страны в ближайшее время погасить задолженность страны перед бюджетом института.

Участники утвердили отчет директора о выполнении научной программы и бюджета МИЦАИ за 2013 г. и выразили благодарность директору МИЦАИ за его успешную и плодотворную работу на этом посту в течение 6 лет.

Представитель ЮНЕСКО подняла вопрос о необходимости учитывать новые требования ЮНЕСКО, предъявляемые к центрам ЮНЕСКО категории 2, в разработке научной программы МИЦАИ на следующие годы.

По пятому пункту Повестки дня вниманию участников были представлены письмо Посольства Республики Корея в Республике Узбекистан от 14 августа 2013 г., в котором выдвигалась кандидатура г-на Пилхо Пака на пост директора МИЦАИ на 2014-2017 гг., а также письмо Национальной комиссии Республики Таджикистан по делам ЮНЕСКО от 26 августа 2013 г., в котором

the IICAS's current director for his successful and fruitful work in this position over the last 6 years.

UNESCO representative underscored the need to take into account new requirements related to UNESCO category 2 centers in the development of the Academic program of IICAS for the next few years.

On the Agenda item 5, the participants were presented with a letter of the Embassy of the Republic of Korea to the Republic of Uzbekistan dated 14 August 2013, which put forward the candidature of Mr. Pilho Park as Director of IICAS for 2014-2017, along with a letter of the National Commission of the Republic of Tajikistan for UNESCO dated 26 August 2013, which proposed Mrs. Farohat Azizi to this post. Candidates were given the opportunity to brief the members of the Academic Council about their programs. During the session, Mrs. F. Azizi's vision for IICAS was represented by her authorized representative, a member of the Academic Council of IICAS from Tajikistan Mr. R. Nazarov. The proposal to arrange for Skype connection with the candidate had not been deemed necessary by the representative of Tajikistan. Mr. R. Nazarov and Mr. P. Park answered questions from participants. It was decided to hold a secret ballot. The representative of UNESCO announced that she would refrain from taking part in the voting. As the result of the vote Mr. Pilho Park was recommended for the post of the

была выдвинута кандидатура г-жи Фарогат Азизи на этот пост. Кандидатам была представлена возможность ознакомить членов Научного Совета МИЦАИ со своими программами. Во время сессии программу г-жи Ф.Азизи представил ее уполномоченный представитель, член Научного Совета МИЦАИ от Таджикистана г-н Р. Назаров. Предложение организовать связь через интернет (Skype) с кандидатом не было сочтено необходимым со стороны представителя Таджикистана. Г-н Р. Назаров и г-н П. Пак ответили на вопросы участников сессии. Было принято решение провести закрытое голосование. Представитель ЮНЕСКО заявила о том, что она воздержится от принятия участия в голосовании. Результат голосования - кандидатура г-на Пиахо Пака была рекомендована на пост директора МИЦАИ на 2014-2017 гг.

По шестому пункту Повестки дня было принято решение о проведении 10-й очередной сессии Генеральной Ассамблеи МИЦАИ в середине декабря 2013 г. в Ташкенте в помещении Представительства ЮНЕСКО в Узбекистане.

По седьмому пункту Повестки дня сессия Научного Совета МИЦАИ единогласно избрала г-на Шаина Мустафаева членом-корреспондентом МИЦАИ. Это решение войдет в силу с 1 января 2014 г., когда истечет срок пребывания г-на Мустафаева на посту директора МИЦАИ.

В заключение г-н Ш.Мустафаев (директор МИЦАИ), г-жа К.Пиккат (Представитель ЮНЕСКО в Узбекистане) и г-н Сэмюэль Ли (Генеральный директор ICHCAP) поблагодарили всех участников за активное участие в работе сессии и подвели итоги заседания.

Director of IICAS for 2014-2017.

On the Agenda item 6 there was decided to hold the 10th session of the General Assembly of IICAS in the middle of December 2013 in Tashkent at the premises of the UNESCO Office in Uzbekistan.

On the Agenda item 7 the session of Academic Council of IICAS unanimously elected Mr. Shahin Mustafayev a corresponding member of IICAS. This decision will enter into force on 1 January 2014, when the term of Mr. Mustafayev as Director of IICAS will expire.

In conclusion, Mr. Shahin Mustafayev (Director of IICAS), Mrs. Krista Pikkat (UNESCO Representative in Uzbekistan) and Mr. Samuel Lee (Director General of ICHCAP) thanked all the participants for their active participation in the meeting and summarized the results of the meeting.

**10-АЯ СЕССИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (МИЦАИ)**

**10-TH SESSION OF THE GENERAL ASSEMBLY
OF THE INTERNATIONAL INSTITUTE
OF CENTRAL ASIAN STUDIES (IICAS)**

17 декабря 2013 г. в Ташкенте состоялась 10-ая сессия Генеральной Ассамблеи Международного Института Центральноазиатских исследований (МИЦАИ), которая была организована в здании Государственного музея истории Темуридов. В ее работе приняли участие представители следующих стран: Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в Республике Узбекистан г-н Гусейн Гулиев, первый секретарь Посольства Исламской Республики Иран г-н Давуд Заманиан, советник Посольства Республики Казахстан г-н Темирбек Каппасов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Корея в Республике Узбекистан г-н Ли Ук Хён, Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики в Республике Узбекистан г-н Эмильбек Узакбаев, третий секретарь и заместитель главы миссии Посольства Исламской Републики Иран.

The 10-th Session of the General Assembly of the International Institute of Central Asian Studies (IICAS) was held on December 17, 2013 in the city of Tashkent. The event was arranged at the State Museum of Timurides History. Attending the Session were representatives of countries as follows: Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Azerbaijani Republic to the Republic of Uzbekistan, Mr. Guseyn Guliyev; First secretary of the Embassy of the Islamic Republic of Iran, Mr. Davoud Zamanian; Counselor of the Embassy of the Republic of Kazakhstan, Mr. Temirbek Kappasov; Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Republic of Korea to the Republic of Uzbekistan, Mr. Lee Wook-heon; Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Kyrgyz Republic to the Republic of Uzbekistan, Mr. Emilbek Uzakbayev; Deputy head of

спублики Пакистан г-н Навид Анжум, первый секретарь Посольства Республики Таджикистан г-н Шараф Рахимов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в Республике Узбекистан г-н М. Сертач Сонмезай, ответственный секретарь Национальной Комиссии по делам ЮНЕСКО Республики Узбекистан г-н Алишер Икрамов, глава Представительства ЮНЕСКО в Узбекистане г-жа Криста Пиккат и директор МИЦАИ г-н Шаин Мустафаев.

В качестве наблюдателей присутствовали: Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индия г-н А. Гитеш Шарма, советник по культуре и сотрудничеству Посольства Франции г-н Оливье Гийом, первый секретарь Посольства Турецкой Республики г-н Эндер Эраслан, второй секретарь Посольства Республики Корея г-жа Ким Хён Гён, советник по культуре Посольства Турецкой Республики г-н Джихан Варлык, руководитель представительства «Россотрудничество» (Российская Федерация) Валерий Кайер, заместитель генерального директора Международного информационного и сетевого центра по нематериальному культурному наследию по Азиатско-тихоокеанскому региону под эгидой ЮНЕСКО (Республика Корея) г-н Сеонг-Йонг Пак, представитель Министерства культуры и туризма Турецкой Республики г-жа Эдже

the mission of the Embassy of the Republic of Pakistan, Mr. Navid Andjum; First secretary of the Embassy of the Republic of Tajikistan, Mr. Sharaf Rahimov; Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Turkish Republic to the Republic of Uzbekistan, Mr. Sertac Sonmezay; Secretary General of the UNESCO National Commission of the Republic of Uzbekistan, Mr. Alisher Ikramov; Head of the UNESCO Office in the Republic of Uzbekistan, Mrs. Krista Pikkat and Director of the IICAS, Mr. Shahin Mustafayev.

Observers to the Session were Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Republic of India, Mr. A. Gitesh Sharma; Counselor for Culture and Cooperation of the Embassy of France, Mr. Olivier Guillemot; First secretary of the Embassy of the Turkish Republic, Mr. Ender Eraslan; Second secretary of the Embassy of the Republic of Korea, Mrs. Kim Hen Gen; Counselor for culture of the Embassy of the Turkish Republic, Mr. Cihan Varlik; head of "Rossotrudnichestvo" mission (Russian Federation) Valery Kaye; Assistant of Director General of the international information and network center for intangible cultural heritage of the Asian-Pacific region under the UNESCO auspices (Republic of Korea), Mr. Seong Yong Pak; representative of the Ministry of Culture and Tourism of the Turk-

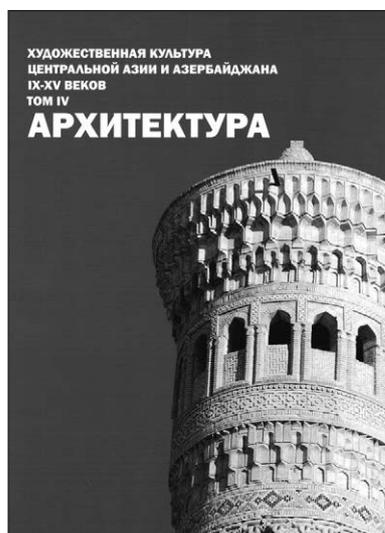
Чалыш, член Научного Совета МИЦАИ от Турции г-н Мехмет Калпаклы.

Работа сессии началась с выступления К. Пиккат, которая представила презентацию на тему «Центры ЮНЕСКО категории 2». Далее, Генеральная Ассамблея утвердила кандидатуру Мортеза Даманпак Джами, выдвинутую правительством Ирана в состав Научного Совета МИЦАИ, и рассмотрела вопрос об открытии филиала МИЦАИ в Турции. После оживленных и продолжительных дискуссий было принято следующее решение: «Генеральная Ассамблея МИЦАИ приветствует и поддерживает предложение Турции об открытии филиала в Турции (г. Кайсери), при том, что кадровые и финансовые ресурсы будут представлены Турцией». Кроме того, был заслушан отчет об исполнении бюджета и реализации внебюджетных проектов. Участники сессии Генеральной Ассамблеи единогласно утвердили научный и финансовый отчеты института за 2012-2013 гг. и выразили благодарность г-ну Ш. Мустафаеву за его отличную и плодотворную работу на посту директора МИЦАИ. Разработанные проекты научной программы и бюджета на 2014-2015 гг. были приняты как основа с необходимостью представления доработанной версии в течение двух месяцев. Затем была рассмотрена и удовлетворена просьба Казахстанского Археологического Общества (КАО) на ассоциированное членство в МИЦАИ. По пункту 8 повестки дня участники обсудили и большинством голосов утвердили кандидатуру г-на Пилхо Пака (Республика Корея), рекомендованного 16-ой сессией Научного Совета (15 октября 2013 г., Чинжду, Республика Корея) на пост директора Международного Института Центральноазиатских исследований на 2014-2017 годы. По завершению работы сессии были определены даты проведения очередных сессий Научного Совета и Генеральной Ассамблеи МИЦАИ.

ish Republic, Mrs. Ece Calish; member of the IICAS Academic Council from Turkey, Mr. Mehmet Kalpakli.

The session started with K. Pikkat who presented a report titled "UNESCO Centers, category 2". Next, the General Assembly approved a candidature of Morteza Damanpak Jami suggested by the Government of Iran to join the Academic Council of the IICAS, and examined a question of IICAS branch opening in Turkey. Following heated and long-lasting debates, the Session participants passed a decision as follows: "The IICAS General Assembly welcomes Turkey's proposal to open a branch in Kayseri (Turkey), especially as all personnel and financial resources are to provided by Turkey". Besides, the Session heard out budget and off-budget project performance reports. The participants of the Session of the IICAS General Assembly unanimously approved scientific and financial reports of the IICAS for 2012-2013 and voiced their gratitude to Mr. Sh. Mustafayev for his excellent and effective work as IICAS Director. Scientific program and budget projects for 2014-2015 were assumed as a basis together with presenting an updated version within two months. Then, a request of the Kazakhstan Archaeological Society (KAS) for membership in the IICAS was considered and complied with. As for item 8 of the agenda, the participants of the Session discussed and approved by a majority of votes a candidature of Mr. Pilho Park (Republic of Korea) as nominated by the 16-th Session of the Academic Council (October 15, 2013, Jinju, Republic of Korea) for a position of director of the International Institute for Central Asian Studies for 2014-2017. Upon completion of the session, the participants fixed the dates of regular sessions of the Academic Council and General Assembly of IICAS.

ПУБЛИКАЦИИ МИЦАИ PUBLICATIONS OF IICAS

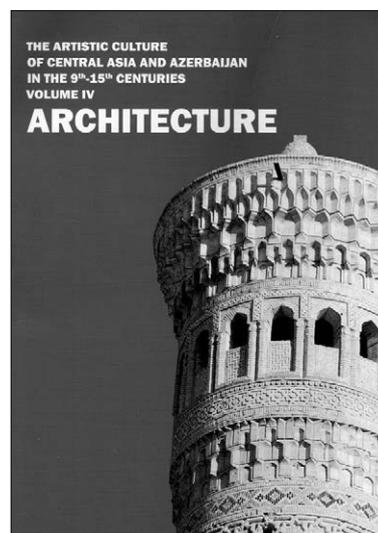

Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX – XV веков.

АРХИТЕКТУРА

Книга издается в рамках проекта «Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV веков», осуществляемого Международным Институтом Центральноазиатских исследований. Цель проекта заключается в систематизации научных данных по широкому спектру предметов материальной и художественной культуры IX-XV веков, включая керамику, архитектуру, стеклоделие, торевику и другие области прикладного искусства.

Издание адресовано специалистам, а также широкому кругу читателей, интересующихся культурой Востока.

The artistic culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th – 15th centuries.

ARCHITECTURE

This book is published as a part of the project “The Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th – 15th centuries”, carried out by the International Institute for Central Asian Studies. The objective of the project is to systematise the academic knowledge and data related to a wide range of items of the material and artistic culture of the 9th – 15th centuries, including ceramics, architecture, glass making, toreutics and other forms of applied arts.

The publication is aimed at specialists as well as at the general public interested in the culture of the East.

Приаралье на перекрестке культур.

В сборнике публикуются статьи, отражающие различные аспекты палеогеографии и истории культуры древнего и средневекового Хорезма и его периферийных скотоводческих районов. Также рассматриваются проблемы сохранения и музеефикации культурного наследия древнехорезмийской цивилизации.

Издание рассчитано как на узкий круг специалистов, так и на читателей, интересующихся вопросами изучения природной среды древних обществ, историей и культурой народов, населявших в прошлом обширные районы Приаралья.

Aral Sea region at the crossroads of cultures.

The collection includes articles that reflect different aspects of paleogeography and cultural history of ancient and medieval Khorezm and its peripheral pastoral areas. Also addresses the problem of preservation of cultural heritage and museification ancient Khorezm civilization.

The publication is designed for specialists and readers interested in exploring the natural environment of ancient societies, history and culture of the peoples living in the past, large areas of the Aral Sea region.

История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии.

Издание освещает историю зарождения и развития национально-прогрессивного движения XIX-начала XX века в мусульманских обществах Центральной Азии и Кавказа. В книге прослежены общие и отличительные черты культурно-просветительских реформ, их практическое осуществление в сложных условиях колониального правления Российской империи, выявлены истоки общественных и философских взглядов передовой интеллигенции двух регионов, ее борьба за просвещение и социальный прогресс своих народов. Через труды наиболее выдающихся представителей движения раскрывается история зарождения идей консолидации и единства прогрессивных сил мусульманских «окраин» империи, формирование новой освободительной и демократической идеологии, приведшей к созданию Азербайджанской Демократической Республики, Горской республики, Туркестанской Автономии, Алаш Орды.

Книга представляет интерес для специалистов и для широкой читательской аудитории.

Биологическая антропология и археология: к синтезу научных дисциплин.

Настоящее издание представляет научному сообществу французский подход к тому, что на английском языке именуется «the bioarchaeology». Эта новая, но уже зарекомендовавшая себя школа открыта для дебатов. Сегодня она может предлагать новейшие методы исследования, которые зачастую требуют сложных лабораторных анализов.

В нынешней Центральной Азии археологические работы возрастают в геометрической прогрессии: это и традиционные раскопки, и превентивные раскопки.

Данный труд не носит ни совершенно специфического, ни слишком общего характера, и может, по нашему мнению, привнести новые методы, подходы, эксперименты, и тем самым стимулировать развитие мысли и научный диалог между учеными разных стран.

The History of Public and Cultural Reformation in the Caucasus and Central Asia (19th – early 20th century).

The publication discusses the genesis and the history of development of the national progressive movement in Muslim communities in the Caucasus and Central Asia in the 19th – early 20th century. The authors have identified common and specific features of cultural and educational reforms and their practical implementation in the complex context of the Russian imperial colonial rule. The publication focuses on the genesis of the public and philosophical positions of the advanced intelligentsia in both regions and its efforts towards the enlightenment and social progress of its peoples. Through the works of the prominent representatives of the movement, the authors have disclosed

the genesis of the ideas of consolidation and unity of the progressive forces of the Muslim ‘periphery’ of the Empire and the formation of the new liberal and democratic ideology which resulted in the establishment of the Azerbaijan Democratic Republic, the Mountain Republic, the Turkestan Autonomy and the Alash Orda.

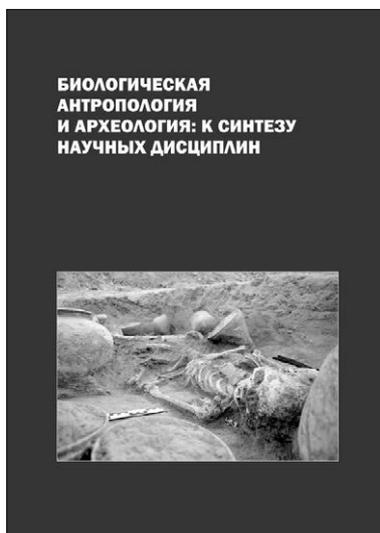
The book is of interest to specialists and the wider general public.

Biological anthropology and archeology: a synthesis of scientific disciplines.

This edition presents the scientific community to the French approach on the area called «the bioarchaeology» in English. This new approach that has already acquired a good reputation is yet open for debates. Nowadays, it offers the state-of-the-art research techniques which frequently require sophisticated laboratory analyses.

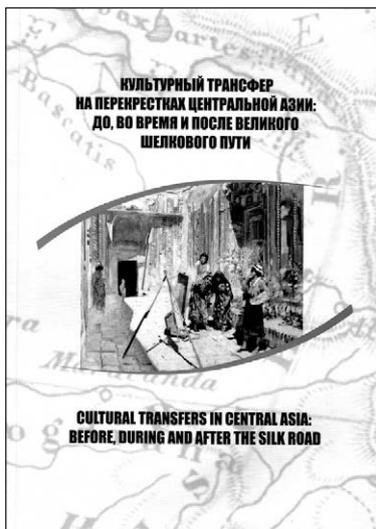
The amount of archeological studies in present-day Central Asia is increasing in geometric progression: both for conventional and preventive excavations.

The present paper has neither specific nor general nature and, in our opinion, it can introduce new methods, approaches, and experiments, thus, promoting the development of scientific thought and dialogue between scientists from different countries.

Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути.

Настоящий сборник статей является результатом международной научной конференции «Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути», проходившей в Самарканде 12 -14 сентября 2013 г. Расширяя первоначальную европоцентристскую ориентацию, в широкой хронологической и междисциплинарной перспективе с привлечением новых материалов исследователи различных стран попытались протестировать методологические подходы «культурного трансфера» и эффективность его базовых понятий (пути перемещения, проводники, переводчики, инновации, освоивание «нового», присвоения, семантические сдвиги и т.д.) на материале Центральной Азии, которая в данном сборнике включает, в основном, постсоветское среднеазиатское пространство и соседствующие с ним территории Сибири, Синьцзяна, Афганистана, Ирана и Азербайджана. Целью сборника является определение значимости теории «культурного трансфера» и возможный оптимальный диапазон ее применения.

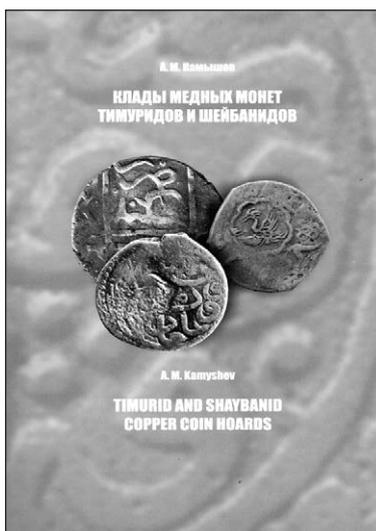
Cultural Transfers in Central Asia: before, during and after the Silk Road.

This collection of essays is the result of the International Symposium “Cultural Transfers in Central Asia: before, during and after the Silk Road”, held in Samarkand on 12-14 September 2013. Expanding the original Eurocentric orientation in a broad chronological and interdisciplinary perspective and involving new materials, the participants have attempted to test the methodological approach of the “cultural transfers”

and the effectiveness of their basic concepts (ways of travel, guides, translators, innovation, assimilation of “new” assignments, semantic shifts. etc.) in the Central Asian context. In these studies Central Asia includes mainly the post – Soviet space and its Central Asian neighbors like Siberia, Xinjiang, Afghanistan, Iran and Azerbaijan. The purpose of the collection is to determine the significance of the theory of the “cultural transfers” and, if possible, the range of its applications.

Клады медных монет Тимуридов и Шейбанидов.

В настоящей публикации нескольких медных Тимуридских и Шейбанидских кладов XV – первой четверти XVI в. предпринимается попытка создания основы иллюстрированного каталога, используя систему нумерации, предложенную в своё время Е.А. Давидович. Современный технический потенциал позволяет воспроизвести цветные фотографии и сканы монет, которые ранее могли быть показаны лишь в графических реконструкциях, нередко грешивших досадными неточностями.

Timurid and Shaybanid Copper Coin Hoards.

The present publication, apart from bringing to light new Timurid and Shaybanid copper hoards of the 15th-first quarter of the 16th centuries, aims at the same time to create a subsequent illustrated catalog based on the numbering system previously proposed by E.A. Davidovich. Modern technical facilities allow to reproduce color photographs and scans of coins, which previously could be shown only as drawing reconstructions, often with annoying.

Археология, история и архитектура средневековой Уструшаны.

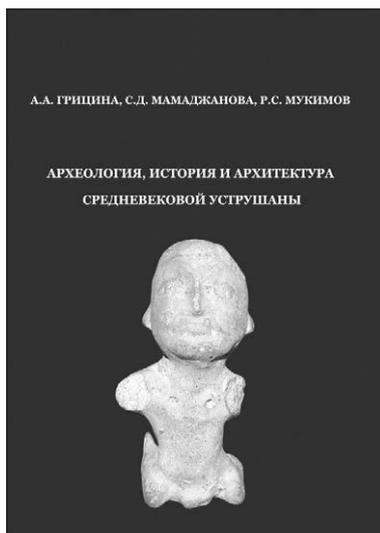
В монографии впервые предпринята попытка обобщить многочисленные материалы по археологии, истории и архитектуре Уструшаны – средневекового владения, расположенного в географическом центре, с одной стороны между Согдом и Бактрией, с другой – между Чачем и Ферганой, которая сыграла значительную роль в социально-экономическом и этнокультурном транзите между ними и на севере Средней Азии в целом. Многолетние археологические исследования дали не только большой объем исторической информации, но и высветили тот весомый вклад, который внесла Уструшана в сокровищницу центральноазиатской и мировой цивилизации в целом.

Книга будет интересна не только специалистам, но широкому кругу читателей, интересующихся историей народов Центральной Азии.

Бустон VI- некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии.

Монография является полной публикацией итогов многолетних раскопок погребально-культового памятника эпохи поздней бронзы доисторической Северной Бактрии. Вводятся в научный оборот каталогизированная сводка (506 объектов) некрополя второй половины II тыс. до н.э. древнеземледельческой Сапаллинской культуры – Бустон VI. Впервые публикуется база данных количественных и качественных показателей признаков, на основе которых выявлены обрядовые группы: ингумация, трупосожжение, символические могилы и следы ритуальных действий. Объекты погребального и не погребального назначения представлены в свободных таблицах, графических рисунках и фотографиях.

Издание адресовано археологам, историкам, этнографам, краоведам, студентам исторических факультетов.

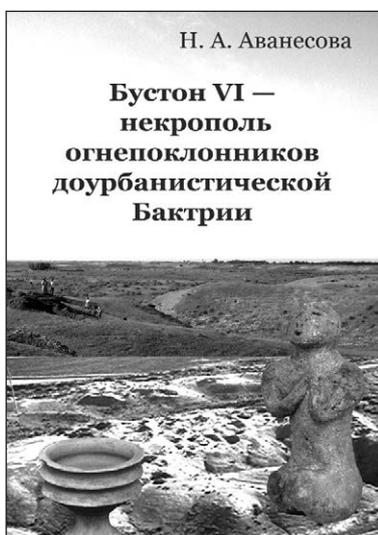

Archeology, history and architecture of medieval Ustrushana.

The monograph makes the first step to generalize numerous materials on archaeology, history and architecture of Ustrushana, a medieval possession located in the geographical centre, between Sogd and Bactria, on the one hand, and Chach and Fergana, on the other. Note that this possession played a significant part in the social-economic and ethno-cultural transit between these regions, in particular, and the entire northern part of the Central Asia, as a whole. Not

only did long-term archaeological explorations provide a great volume of historical data but also highlighted Ustrushana's essential role to the treasury of Central Asian and the world civilization as a whole.

The monograph is of interest not only to specialists, archaeologists and historians but also those who show interest in the past of Central Asian peoples.

Buston VI - Zoroastrian necropolis of pre-urban Bactria.

The monograph is a complete publication of many years of excavations at sepulchral-religious site of Late Bronze era of pre-historic Northern Bactria. The catalogue summary (506 objects) of the necropolis of the second half of II millennium B.C. of ancient agricultural Sapalla culture - Buston VI is brought into scientific circulation. For the first time, the database of quantitative and qualitative indicative signs is published. On its basis, the ritual groups are exposed: inhumation, incineration, symbolic graves, and the traces of ritual activities. The

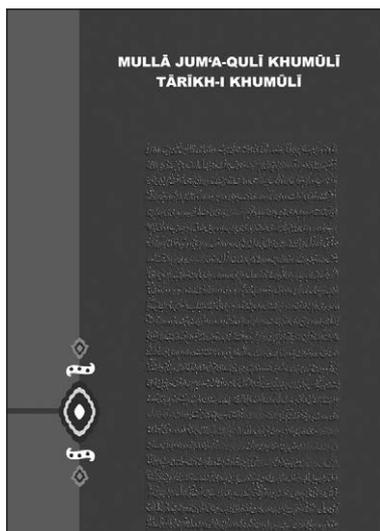
sepulchral and non-sepulchral objects are represented in summary tables, graphic images and photographs.

The publication is addressed to archeologists, historians, ethnographers, local history scientists, and students of history departments.

Тарих-и Хумули. На перс. яз.

Издание освещает исторические материалы, связанные с общественной и религиозной жизнью Средней Азии XIX в. Автор повествует о событиях, лично засвидетельствованных или полученных от достоверных источников. Книга состоит из трех частей. В первой части изложена биография самого автора. Вторая часть охватывает жизнь и деятельность четырех правителей мангытской династии 1756-1826 гг. В последней части книги описана автобиография религиозных деятелей, проповедовавших учения Накшбандия.

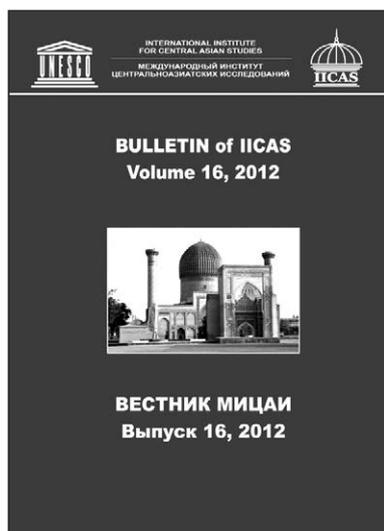
Издание рассчитано на ученых-востоковедов и тех, кто интересуется историей Центральной Азии.

Tārīkh-i Khumūlī. In persian.

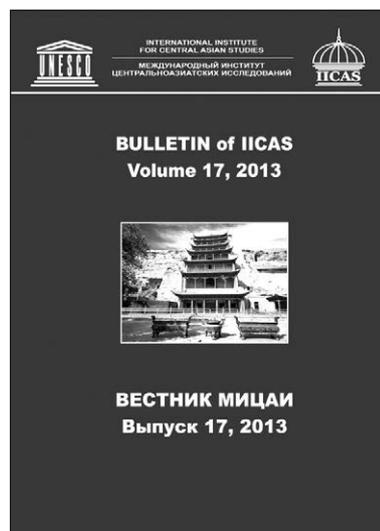
This publication covers historical materials related to the social and religious life in Central Asia in XIX centuries. The author tells about the events personally witnessed or was obtained from reliable sources. The book consists of three parts. The first part is a biography of the author. The second part covers the life and work of four rulers of Manghit Dynasty during 1756-1826. In the last part, the book describes the autobiography of religious leaders who preached the teachings of the Naqshbandi.

The publication is to help studies of scholars, orientalists and those who interested in the history of Central Asia.

**Вестник МИЦАИ, вып. 16.
Bulletin of IICAS, vol. 16.**

**Вестник МИЦАИ, вып. 17.
Bulletin of IICAS, vol. 17.**

АВТОРЫ

AUTHORS

Элизабет Бейкер Брайт Ph.D., Колледж Хонорса, Университет Ауборна, Алабама, США
E-mail: ebbrite@gmail.ru

Elizabeth Baker Brite, Ph.D., Honors College, Auburn University, Alabama, USA
E-mail: ebbrite@gmail.ru

Аманбаева Бакыт Элтиндиевна
кандидат исторических наук, археолог, Институт истории и культурного наследия НАН КР, завсектором исследований культурного наследия (г. Бишкек, Кыргызская Республика)
E-mail: abakit_@mail.ru

Amanbayeva Bakyt, PhD in history, archeologist
Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic, head of the department for Cultural Heritage Studies (Bishkek, Kyrgyz Republic)
E-mail: abakit_@mail.ru

Сулайманова Айдай Турдумаматовна, научный сотрудник, археолог, Институт истории и культурного наследия НАН КР, отдел археологии и этнографии, (г. Бишкек, Кыргызская Республика)
E-mail: aidausu@mail.ru

Sulaymanova Ayday Turdumuratdova, researcher, archeologist, Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic, department of archeology and ethnography (Bishkek, Kyrgyz Republic)
E-mail: aidausu@mail.ru

Калменов Мурат Дабьлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории и археологии ЗКО (г. Уральск, Республика Казахстан)
E-mail: kalmenoff@mail.ru

Kalmenov Murat Dabylovich, PhD in history, scientist at the Center of History and Archeology (Uralsk, Republic of Kazakhstan)
E-mail: kalmenoff@mail.ru

Кдырниязов Мухаммед-Шерип, доктор исторических наук, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, профессор кафедры Истории и Археологии (г. Нукус, Республика Узбекистан)
E-mail: m_sharif@mail.ru

Kdirniyazov Muhammed-Sherip, doctor of historical sciences, Karakalpak State University named after Berdakh, Professor of the Chair of History and Archeology (Nukus, Republic of Uzbekistan)
E-mail: m_sharif@mail.ru

Тарих Достиев, доктор исторических наук, археолог Институт археологии и этнографии НАН АР, ведущий научный сотрудник (г. Баку, Республика Азербайджан)
E-mail: dostiyev.tarikh@mail.ru;
dostiyev_tarikh@yahoo.com

Tarikh Dostiev, doctor of historical sciences, archeologist, Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Azerbaijan Republic, (Baku, Republic of Azerbaijan)
E-mail: dostiyev.tarikh@mail.ru;
dostiyev_tarikh@yahoo.com

Никулина Ольга Сергеевна, Государственный музей Востока, Отдел истории материальной культуры и древнего искусства (г. Москва, Россия)
E-mail: evdokiya1912@yandex.ru

Nikulina Olga Sergeevna
State Oriental Museum
Department of the History of Material Culture and Ancient Art (Moscow, Russia)
E-mail: evdokiya1912@yandex.ru

Вестник МИЦАИ
Выпуск 18.

Подписано в печать 05.05.2014
Бумага офсетная
Формат 60x84 1/8. Объем 5 п.л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
Mega Basim